ОГОНЁК

№ 42 ОКТЯБРЬ 1990

ISSN 0131–0097

СВЯЗИ СССР

ТЕЛЕГРАММА

САРАТОВ 52/84 20 19/9 1742=

ГСП МОСКВА БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД 14=

КОЛЛЕКТИВУ ОГОНЬКА ТУЖЕ СТЯНЕМ РЕМЕШОК НО ПОДПИШЕМ ОГОНЕК

= САРАТОВ ТЕХНОЛОГИ ОТДЕЛА ГЛАВНОГО ТЕХНОЛОГА СЭПО-

НННН

ТЕЛЕГРАММА

ХАРЬКОВ 86/5033 35 19/9 1824=

ДОСЫЛАЕТСЯ ОС 748 МОСКВА 456 БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД 14 РЕДАКЦИЯ ОГОНЬКА ГУЩИНУ БОЛОТИНУ=

ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЕМ СЛАВНЫЙ КОЛЛЕКТИВ БУМАЖНОГО ПРОЕЗДА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОБЕДОЙ НА СТАРОЙ ПЛОЩАДЬЮ ПОБЕДОЙ НОВОГО НАД СТАРЫМ БРАВО=НАРОДНЫЙ ОГОНЕК ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРИЕМНАЯ В А КОРОТИЧА АЛЕКСЕЕВ БАУШКО- НННН

НАРВА ЭСТОНСКОЙ 0393 21 17/9 1555=

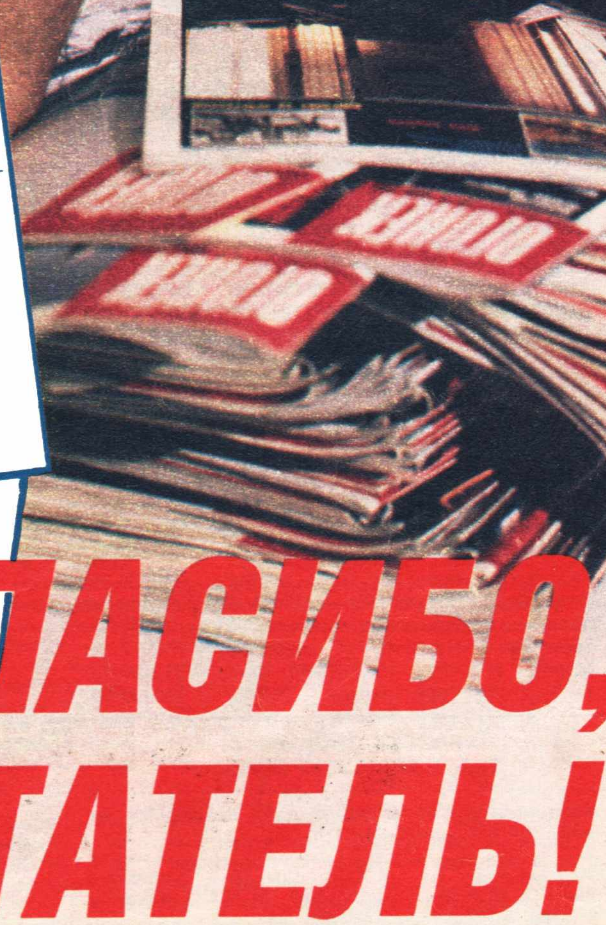
ДОС ОС 748 МОСКВА 456 БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД 14 ЖУРНАЛ ОГОНЕК=

РАДЫ ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАША ПОБЕДА ПОБЕДА ЧИТАТЕЛЕЙ= НАРВА ЭСТОНСКОЙ ПУШКИНА 2-4 КВ 34 КАРИНЫ- НННН

ВЛАДИВОСТОК 90/3/605 39 18/9 1330=

МОСКВА БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД 14 ОГОНЬКУ=

ДОРОГОЙ ОГОНЕК ПОДДЕРЖИВАЕМ СВОЙ ЖУРНАЛ ВЫБИРАЙ ИНОСТРАННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ТАК СВОБОДНЕЕ УДАЧИ ТЕБЕ ЖЕСТОКОЙ БОРЬБЕ ЗА ПЕРЕСТРОЙКУ=ГАПОЯН О Б ПЕНСИОНЕРКА ДОЧЬ РЕПРЕССИИ-

СПАСИБО, ЧИТАТЕЛЬ!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года

№ 42 (3300)

13—20 октября

УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фотомонтаж Г. КОПОСОВА.

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на 1991 год — 46 руб. 80 коп., на полгода — 23 руб. 40 коп., на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу с 1991 года — 1 рубль.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 24.09.90. Подписано к печати 09.10.90. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 2819. Цена 40 копеек.

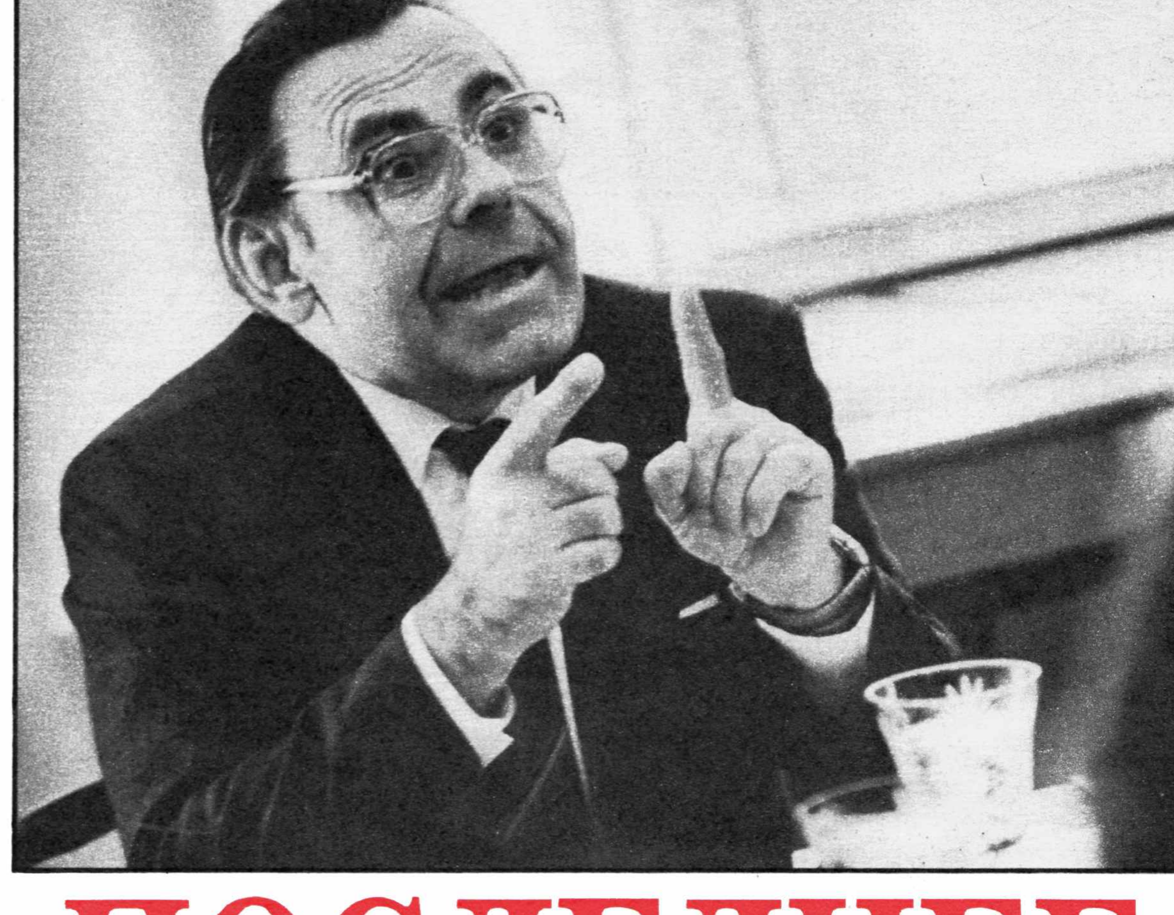
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Весточка с родины для Ивана Полозкова

Фото
М. МАТУСА,
Ю. ПЕТШАКОВСКОГО,
Ю. ФЕКЛИСТОВА.

Насчет поговорить с Иваном Кузьмичом помощник его пояснил: напишитека вопросы. И письменно будут ответы. Я заскучал, а потом обнаружил тихую радость такого расклада: не улыбаться, не кивать невпопад. Можно рвать напрямую.

Иван Кузьмич, я никаким боком не затронут созданием РКП, и по вашу душу снарядили меня только родная бабушка Мария Ивановна Данилова и наша родная местность, которой можно достичь сухим летом или когда подмерзнет перед снегами — поездом до Курска, автобусом по воронежской трассе до Кабиц и дальше пешком километров десять или поездом до не замеченной любой приличной картой станции Солнцево и опять ножками. И потянутся крохотные, нищие деревеньки Хутор, Озеры, Ефросимовка, километров через двадцать пять будет ваша родная Лещ-Плата, а еще через километра три — наша родная Тереховка, земля, которую кроили меж собой колхозы «Рассвет» да «Память Ленина», земля, на которой вы недолго числились колхозником и которой моя бабушка отдала все свои восемьдесят.

Намерения мои просты. Как-то очень обидно видеть (и тянется рука попробовать на вес: а не пустое ли?) слово «Российская» в наименовании вашей партии.

Конечно, все мы от первого крика младенческого делегаты родной стороны. Но все ли с правом решающего голоса?

«Снижается боевитость, утрачивается целеустремленность в действиях партийных комитетов и первичных организаций», «...возродить ленинскую веру в правоту нашего дела», «...что наша партия... живет едиными заботами с рабочими, крестьянами, интеллигенцией», «судьба социалистического обновления зависит от каждого из нас, товарищи».

Я вот как-то не уверен, что члены Российского Политбюро, создавшие эти слова, имеют право быть ходатаями от деревень и сел, давших им жизнь.

Я не уверен, что русская, задушенная грязью и залитая самогоном земля шепнула свое последнее слово вам, Иван Кузьмич.

Мне кажется, что если суждено взойти и засверкать правдивой звезде спасительной над русскими полями, то это будет звезда моей бабушки. И таких, как она.

* * *

Кто ш вызвал яго у Москву? Суседка встрелась: «Выступал ваш Кузьмич!» А про што, не сказала... Может, тайное што? Нас не помяне. Видал ты яго? Отец яго был небольшой, а он? Семья есть? Хата у них бала маленькая, ребятишек было умного. Они бедного поколения, это Тереховка — зажиточная. Я капусту покупала у их. Капуста хорошая, белая. Сто рублей отдали за восимисят кочанов. Жена отпускала. Нарубила, мы подобрали, положили на телегу да повезли. У их богачей не было, это мы...

— Меня брат за руку водя бывалоча, там Мартиниха-солдатка была, а вязенки, на мне надемши, пальто хорошия. А Мартиниха: «Машк, да чтоб я тебя за Пашку своего не взяла!» А брат: «В работники заложуся, а за Пашку не отдам! Хошь обижайся, хошь — нет». Она беднее нас жила. На сорки (в пост бывают сорки, кулики пякут) мы бегаем, тепло хто знает как, по нашему омёту бегаем, солнца, в лапти обумши. Выбегли к низу мы с подругою. Я грю: «Наташк, хто ш это вон он идет? Так это Пармен». А он был у пляну. Идет тот-то Пармен, колодки на ем надемши. Германец яго нарядил. Лицо опухшее. «Милые деточки, вы живы остались?

У вас войны не бало?» И я заплакала, а он меня поцеловал в макушечку. Побегла: «Тя, а тя». А он вяревку вьеть. «Пармен пошел!» — «Да ну, не бреши, было спала?» Тут Мартиниха заголосила. Яго хоронили — я несла Ивангиль во переде, и яго несли на кфатакалке...

— Бабка и мать моя лежали тифом. Тиф был — страсть господняя. Опять идуть: обоз и с мельницы пулеметом стреляють. Тут отца схватило тут-то вот у голове. «Достань, Машк, валенцы, обуй их, они будут целы». Обула, а сама сижу на скамеички возли забору. Офицер оглядел: валенцы поярчатые, хорошия. «Девочка, пади сюда». Я сошла к няму, либо он даст гостинчик. А он взял да и меня разул. Иду, плачу. «Чяго ты, Маш?» — «Не бей меня, валенцы твои разули».— «Да на что ш ты отдавала?!» — «Да ну что ш я исделаю. Он с саблею!»

— Разве отец думал тах-то жить? Он не захватил отец тэйту жизню. Купил у Голячихи, барыни три гектара. Это счас гектар, а тада — десятина. Пришел, штаны широкие, карна трясеться и перекрестился: «Ну, мать, спи спокойно. Есть куда детей сялить». Обсевали новую усадьбу, а Хверопонт, сусед новый, чегой-то загорелся, и пасека у отца погибла, а пасеки было умного. Так он голосил, хотел удавиться, а мать: «Отец, да уж ты либо отуманел? Да чего ж ради на себе руки накладать? Да ты и так умрешь».

— Кошара овец была, пастухи стерягли, корова дойная да тялушка, подтелок, свинья поросная и хряк, индюшки, куры, вуток водили, три лошадя. Жили — подсвязь, а примеж сенцы были. На вусадьбы от выгона — рожь, ниже ржи — пашаница, потом проса, потом конопель и картошки. Лен на полях полосочку сеяли. Картошки закапывали — девать некуда было. Грячиха сильна — на гектаре четырнадцать копен, а я ея косила. Гектар ускресенье срезала, ни павилички нету, ни пырью, никакой травки — только все лятить, только все лятить! Зимой пряла, манфактур-то не было. Сеем конопи, а в конопях есть замашки, понял? Замашки выбяру, постелю на траве, они уляжатся, помну, поеду на толчею, повезеть меня брат, натолку три пуда и приезжаю двору — прясть.

— Ребята возили у Щигры, торговать, навалят полны сани зерно и вязуть. Женихи, они одевались хорошо, манжеты белыя, тут то вот воротничок подкладали сабе. Наряжались дюже культурно. Один раз привязли мне ботинки на пуговицах, отец бало с ума сшел. Конопи били, у нас масло было, знаешь, какое хорошая? Мешок повезем, били Баршевские, да привезем прямо бутыль. Маслития! Ештя! Вишняка было хто знат сколько, на Илью возили продавать таратайку полную, наделял брат на шоколадные конфеты. Огурцы солили в наполах. Яблоки покупали на зиму солить, шесть вядерок. Мы были в почетя, в церкве, где колоколня стояли, видныя: Иван Микич, Иван Ваныч, мать и одна дошь. я была в части. Наряжаться стала, не нарадуются, шаль шолковая у меня бала. Выйдем с подружкою на Илью: карусели, ларьки. Днем либо вяжешь, либо скалки мотаишь, а в вечери идешь на вячеринки, как пойду полечку — ов-во! Под гармоня двухрядку — только ноги стучать, да все жилы колотяться! За меня сватов тот то их зная сколькя! Я и не шла замуш. А дед твой высватал. Два года ездил. Они богатыя были — три коровы, две хаты. Поехали дома глядеть — мы тут то не поладили. Я: не пойду да не пойду. А потом мать начала лупить рушником. Силом отдала. Я в хвате венчалася, с певчими. Добра наготовили — лошадь не везла. Восемь подушак, пярины, шесть одеял, пятьдесят холстов напряли, там страсть господняя... Поставили сабе хату как горницу, там такие то вот дубы. Да разве мы думали тах-то жить?

— Тут начали обкладать да ворочать. Побирашки, какие побираться ходили, а потом начали кулачить: Дранцов, Михейка, Силай... Вон же Сталин их выбирал. Брат приехал вярхом: «Маш, живая ты?» Охватил мене и заголосил: «Машечка, не то гаварить табе, не то нет... Усех Баршевских повыселели». «Да они ж не дюже богатыя?» За ночь — семнадцать домов. И какие женихи мои, все поплыли в Каранду... Далеко это? Да, вязал Сталин виски с висками. Запахал колхоз нашу усадьбу, а дед твой писаться не хочя, за ним гонялися, Дранцов ловил, сдасть в Курск у тюрьму: зажиточно жил — десять лет дають. Дед прятался у ямки. А потом грю: «Василь, докеда ж ты будешь прятатьси?» Отправила яго с озерским мужиком у Харьков, Турбинстрой строить.

— Стали хлеб отбирать. У дяди рыгу сожгли и корм весь, побирался. «Марь Ванна, Марь Ванна, ваша рыга горить!» Я глянула: а стропилы уж повернулися. А, знаешь, какая была рыга! Силай с винтовкой ходил. Чуть что: выходитя из хати! Пол-литра я яму не поднесла, он узял и окна выдрал да пошел. А когда родила Толькю, вон яго выкинул на снех и меня выгнал, у костюмчику, шалью покрымши, примеж оскорин, разбой кричу. Только накупала, одеялом обернула, а он в снегу гробыхаеться. Позвала меня мать: «Пожги ты деньги отцовы, все уже...» И, плачя, голосит: «Вон их в вишняку зарыл, железом обогнуты». Я яё послушала, узяла, принесла кострики вязанку, высыпала и зажгла катериновки, хто знат сколькя, анеж сердца сжалося — сколько пашаницы продавали... А мать: «Заночуй, дочешка, со мной, а то Дранцов сожге хату и мине тут задуша». Я: «Брось ты ету хату, да переезжай ко мне. Хоть подушать нас, так с тобою. Мене с родительницой, а табе с дочщерью». Глядь: пришел Дранцов. «Выходи, Авдотья Ахванасьевна, из хати».— «В честь чаго я буду выходить?»— «Я ее купил. За тридцать рублей».

— На мельнице, ветрянке, еще не разорили, купила сабе четыре пуда, на себе носила по два пуда, встрелась золовка: «Дранцова удавили. За дрошками ташился»,— и засмеялась.— «Ктой-то скинул, вожи накинул на яго и удавили». Я: «Ну это чья-то молитва дошла».

— Война уж поднималася — пошли в колхоз. А грячиха колхозная — одна повилика, я, бывало, приду — рук не подыму.

Немес пришел, а наши возли Силаеву, наша сторона немсу смотреть мешае, плеснул в потолок с бутыли и зажег, ребят повышвырнула, хотела хату затворить — меня отбузовали. Сгорел мой пятистен дубы пиленыя... Пошли на выселки, корову вела, за хорошу работу колхоз дал за двести рублей, корова только отелилася, не подояла утром, офицер немеский отнял. Я: «Пан, а с кем же я буду детей?..» А сама заплакала. На выселках руку провертела — пряла, а ребята побирались. На свой бок не пускали. Морозишша, а я на рани пошла на свой бок за подушками, деньги сталинския были зашиты, хоть бы соли купить: а как начали стрелять в мене.

— При немсе обсевали, рошь была, девяносто сотых, лопатками копали, но ее отобрали у нас. Колхоз вернулся — приехал какой-то, постановил: отобрать. Я ходила жалилась, а они там уже мужика поставили: ловя. Ходили нощью этот колос воровать с невесткою, рвали, да в мяшок, сушили у печки, напарю и молочка разживуся. На выселках огород им прополола два раза, лошадя водила перепахивать, а они стали ругаться: какого черта тут сидишь? Наняла деда с Озер и дезертира землянку строить — восемь метров холстины отдала. Ничего не было — перематки на шее не было. Дезертир был из Силаева, вечерком приде погреться, дрова колол, а наша одна взяла и сказала нашему, ездил верховник. Он прям зле мени и разстрелил яго. Он стал к ниму задом, а он: не становься задом! Перворачивася лицом! Ну что ей надо было?

— Как живы остались, не знаю. Тольки лето пришли девки из правления, землянку обмирять — налог какой мне платить — и то танцую, то танцую. «Галькя, да што ты трепишси?! Тут и сердца разрываться».— «Да, бабушка, война замирилася!» — «Да будя, не бряши!» — «Бабушка, милая». Поцеловала мени и заплакала.

— Прибягать: «Мам, Михейка пришел! Мам, не ругайси, Силай пришел. Кладовшик вернулси!» Аж досада бере. Хоть бы щеку одерябнуло: кладовщик, бригадир, председатель, а мой самый последний вернулси. Стало быть, бога умолила. Не вернулися: Епихванов Миколка, Нюрки Володькиной Володька, Васька Серенькин, Ванька Серенькин, Гринька Серенькин, Петечка Бабкин, Шаталихин малый, много еще...

— С той Германии ничего, кроме двух пудов муки вальцовочной, не привез. Гляжу в землянке, сапоги сымает, а ноги на газетку ставить. А у меня пятки потрескалися, кровь тяке, палец в трешшыну ложиться, как тольки што идем, как бабы кричать: «Маруся, вонын трахтор стоит, там силидон есть — ноги мазать». А вот говорит: «Маруся, давай в Орел переедям. Там дома хорошия». Я отвечаю: «Езжай, если хочешь. Можа, у тебя там какая ухажерка есть. А мне детей растить». А он: «Без тебя я никуда не поеду». Двадцать лет прожили в той землянке.

— А захотела хату ставить, наняла лес возить. Самогон затирала: кто ш мне так поедет? Привязуть на лошадя, складають, а я становлю: пол-литру или четверть всю. Они хвалються, идуть пьяныя. Кладовщик и председатель меня и ухватили. Милицанер допрашивал, куцку вот так на столе держал. Два дня судили. Показательный суд был, в конторе. Чуть серца не лопнула! Говорят: последнее слово. А я и не знаю и што мне сказать. Говорю: прошу поставьте дояркой, свинаркой даже буду. Шесть лет! Посадили на линейкю да повезли. Бабы в голос голосили, бригада наша. Дед прям упал на землянку и заголосил: «Милые мои уголошки, да как же я теперь без хозяйки?»

— А кормили в лагере, ничаво, концерт был, распутный такой, плясали, били, один мужик другому на плечи взлазил, а мне нищаго не надо, ни на кого не смотрела, зубов не оголяла, а как лягу на нары и думаю: «Как же тебя угораздило? Ни дед, ни прадед тут не был». Как корове время доиться — вся подушка у слезах. Хотела Швернику подать. Прокурор сидел курской. Пришел он с каструлей за харчами, поздоровлялся, прошу. А он: «Пять рублей!» У мине их нету. Глядь: начальник лагеря иде, кашляе, согнувши. Я так и обмерла, даже варева не почерпнула. Спасиба бригадир селедку принесла, а жирна-а... там страсть. Я селедочки нарезочек съела. Глядь, приходя девка, кульер. Ведерку картох в колхози украли, ие расконвоировали: «Где Данилова? К начальнику лагери!»

— Ох, теперь в карцеию посодют. А у в карцеи — двести грамм хлеба и кружка воды. Посодют на две недели, а ето большая цифра. Надо иттить. Наплакалась и стучу. Да! Здрастуйтя! А стул насупротив поставлен. «Я никакого за тобой замечания не замечал. Что ты с мужиком разговаривала?» — «Хотела Швернику подать».— «А Шверник утвердил ба за тэйту заботу!» Я заплакала: «Председатель сельсовета с кладовшиком посадили». «Не плачь!» Написал мне жалобу. «В яшшик опусти за вахтой, сама. Тольки перепеши». Девка сидела, Настька, ие матеря девяносто годов, была корова, а омет в колхоз связли, она вязанку связала себе — восемь лет присмолили! Как судил Сталин! Глаза ему повыскочили б тут-то! Она переписала. На два листа тетрадных. Нас вывели в бярезы на работу, я бягом к яшшику...

— А Толькя встрел председателя, на земь повалил, бабы видели, ухватил за горло и тряс тах то во: «Если шесть лет маме сидеть: спалю. Задушу!» Тот сразу побежал к деду: «Василь Максимыч, хлопочи, мы допустили к Марии Ивановне очень большую ошибку». А тот говорить: «Вспомни, как ты не отсеялся после войны и идешь мимо, она табе усегда: сало на стол, картохи!» Председателя потом рак заел. Дед месяц возил жалобу тэй ту: подпишите, что не спекулировала. Двадцать пять человек подписало. Никто ж на меня не гнал ничаво. А Мишка ходит ошалелый, носки сверх ботинок висять, а был отличник. Повез дед в Москву, гдей-то там Красная площадь есть... Есть, правда? Подавал вон там. И говорит: ну, будя какое разслабаждение моей жаны? Будя! Сичас имнистия. Ежели сверху дело попадеться, то через неделю. Если под зем, я ж не одна там,— через месяц.

— Готовилась на выселку, рубаху вымыла мушшинскую, рукава зашила, насушила сухарей, хто знат скольки,— и все бабам отдала. Нате, бабы. В Курску никак куму не найду. Где тэйта улица ВЧК? Мужик говорит: «Пойдем покажу». Я и не пошла. Так пойдешь — опять посодют. Еле нашла. «Кума, да откуда ты?» — «С производству».

— Пришла. Деду завтря ехать в ЛещПлату за рожью. На постели грязи, кто знат сколькя, сам весь в грязи. Встала темно. «Маруськ, чтой ты встала?» Воды нагрела, выкупала яго, у рубахи мочки прометала, пуговицы пришила, кухвайку новую дала, штаны новыя, костюм новый, у миня все загодя было. Он побрилсси, помоложел. «Ну вот, таперь иди».

— На волах копали, на волах скородили, лопаткою рыли луг под конопель, ладони были синие, мазоли. Салому возили, дед плотничал, сараи становил, сани ремонтировал, телеги, кадушки на огурцы, ульи делал двухсемейные. Уходил затемно и назад, когда смерклося. Он чятырeста трудодней, да я триста. Приду к няму зимой, борода смерзлась в сосульку, а вон справляе сани... Скосим по 50 сотых, норма — пятьдесят, и идем двору. Встревает председатель верхом: «А кудай-то вы направилися». Солнушку, правда, еще не село. Я тах-то смело: «Домой! Ну, далеко мы идем? На гулянку, что ль, куды?!» «Нука вертайтесь, ищо по пять сотых!» Я три ряда прошла, а ряды длинныя, говорю: «Васьк, не могу. Можа, я и не выживу». Толькя косил по двадцать пять сотых, нас с им на ленту засняли и вычитывали — «мать косит с сыном».

— Вот как! А щас нигде не видны. Я на себе семенное зерно по тридцать килограмм носила у колхоз из Солнцево, а это тридцать километров. Легла и подняться не могла. Я многих спасала. Тольки миня никто не спасал...

— Приехала золовкина дочеря с братом. «Бабушк, пойдем завтря в церкву».— «Да пойдем, я истоплю рано, мяса сварила, мы козу зарезали к Ильи, ситники спекла, прибрала». Я грю: «Дед, я думаю пойтить в церквя». «Да иди, дюже ты мне нужна, договорись с ребятами, чтобы гуси были целы, да теленок». Я с ребятами договорилась. Побыла в церквя, и чтой-то у меня сердца боли, хто зная как. Идем, а Толькя бягить. «Сходила ты церквя?» — «Сходила».— «Помолилась?» — «Помолилась».— «На батюшку посмотрела?» — «Толькя, я шас хворостину сломлю!» — «Тринадцать трудодней — нету!» И взяло мене горе. «Завтря не приходитя, мне косить овес в темна».

— Бычонка наш подрос, пришли председатель и бригадир. «Мы, Маруся, быка забираем».— «Да на што я робят в город отправлю? Я хожу — хвост подтрепанный, и они чтоб так ходили?!» А церкву тэй ту узорвали, отворотили колокольню, где звонють. Председатель сельсовету и председатель колхозу. У одного сын умер. Другой поехал с суседкою за поросенком, биз люлки мотоцик. Суседка осталась с двумя поросятами, а он вкололся прям в столб. И околдыбился. Глянькися, ведь это ж господь яго наказал?

— Подписывались под заим. Председатель говорит: «Мариванна, а ты под скольки подпишисся?» Я: «На всю корову. Пиши. Йде я была? Посадить посадил, какой я табе займ могу давать?» Сталин налог накладал: пятьсот рублей на двадцать пять сотых! А я сем литров молока сдавала. Три литра утром да в обед четыре. Молоко там страсть господняя — одна пенка! И нам — пятнадцать копеек за литр! Не одной мне, усем. Сборщик усе придирался: то битон не полный, то банка не полна. А я шла в больницу, глядь: сборщик поехал на хутор. Я смотрю за кряпивою. Сошел к гатки, почерпнул воды чистой ведро да и по весемь фляг разлил. Я его стрела: «Больше чтоб тебя, чтоrt, ко мне не носил!» «Мариванна, иль ты сбесилась?» — «Сбясись ты; а до тебя бабы доберутся!» Купили сепаратор, маслом Сталину сдавать. Вот такой-то мяшок кружкового масла Сталину... Дно его провалленое! Да он сопрел уже... Золовка приходит и говорит: «Маруськ, ты не на газетке. А Василий на газетке, что расшавается хорошо с налогом. Тебе не записали, а масло ты сбирала». «Нехай, хотьба хто-нибудь, что удавить, что ли, за тэйто председателя?»

— Мы дружней работали, а тэйти тольки воровать, воруют, а что разве смотреть? Свеклу брали и хлеб. И я брала. Ну. Деда в резивионную комиссию, а он не йшел по стопам председателевым. Нашему председателю собьют маслица ведерко и несут, а он бумашки подписывае. Дед приходя: «Маруська, Маруська, што мне делать?» «Так тебе дали дело!» — «Ты нынче стригла овец?» — «Не пошла, Вась, хошь ругай, хошь нет, что-то у миня тей то вот крыльям больно, с ими ворочаться». «А не знаешь, по скольки постригли бабы?» — «Ходила коров доить, видела, я табе порасскажу, та то сорок пять килограммов настригла, та то...»— «Я ишел по ржи — мужики понесли осемь мешков у кряпиву прятать. Не хочу я в резивионной комиссии».— «Садись ешь, скажу, что делать». Утром приезжают за ним: «А где ж Максимыч?» «Максимыч больной лежит на печке, я его в больницу повезу». Потом у сестры пожил, переждал. Приходит: «Ну, Маруськ, у тебя голова!»

— По радиву сообщили — тэй то пензию, тей то, мине посля всех. По двенадцать рублей. Председатель пошел на пензию — девяносто. А деда обвязали ленточкой на общем собрании: почетный колхозник. И меня звали, а я не пошла. Народ поразъехал, скока хат пустых, запили: глянешь, лежит, протянувши, мокрый, что хорошего находит? Выжруть — опять. Выжруть — и опять. Трудная стала наша жисть. Хлеба не доставалось, залмаг подругам раздасть, а ты бяги к шохферу: купи мне двенадцать буханок. А он: «Поллитра!» Дрова носить за два километра. Некому сена готовить. Уголь — плати, огород вскопать — плати. Или самогон. Клещ завелси, пчел поел. Открыли — все наверху, погибли, а меду, хто знат, скольки. Пришлось уезжать, бросать. Хату бросили.

— Дед как помирал, как просил меня хорошо: «Маруська, поедем в Тяреховку, подай мне ходоки и кухвайку. Это климат так на меня... То бы я швыдко бегал...» Я яму принесла, обула, а он встать уже не можа, тольки руками... Да пережили уж... Говорит: «Дай мне молощка, молощко я люблю...» Я посидела в яго ногах, поплакала и пошла звонить... И опять чаша эта... Талоны мне какие-то дали... Книжку семейную... Это карточшки опять, дожила... Ты бы спишек купил и соли, а то продавщица мне не даеть много... Сижу и не знаю, где там мои куры, а то ить кочет такой побродяга, хвост яму выдрали, клюе яго, кто хочя...

* * *

Уважаемый Иван Кузьмич, мне важно, чтобы среди града плевков и пинков, отпускаемых вам левой прессой, вы поверили, что у меня за пазухой нет никакого камня для вас. Меня не пугает, когда вы тенью отца Гамлета бродите по курящимся развалинам того, что мы любили страстно, чем клялись, гордились, что светило в мечтах иконой ленинского лба.

Вы более достойны уважения в своем детски открытом противостоянии времени, чем гибкие ваши собратья, заструившиеся по щелям и трибунам, сбрасывающие кожу, рвущие погоны и кокарды с мясом, пристреливающие раненых и предающие себя, лишь бы быть на коне, прыгающие из постели в постель и кричащие, что уж теперь-то настоящая любовь!

Никто не сможет оспаривать вашего права исповедовать дальше социализм, звать людей за собой. Ступайте с миром.

И я бы никогда не попытался достучаться до вас, если б не миллионы русских людей, оказавшихся за вашей спиной под именем Российской компартии. Они вступали в партию в разное время, и, если без детской стыдливости, вступавшие в 1950-м, в 1955-м, в 1960-м, в 1970-м, в 1983-м, 84-м, 85-м, 90-м — каждый из них вступал в разную партию. Они писали свои заявления, когда парторг, вдохновленный разнарядкой, клал руку на плечо и заглядывал в глаза, и бормотали невнятно на партбюро про коммунистическое строительство, подспудно понимая, что заполненная графа «партийность» может открыть какие-то пусть убогие, но калиточки. Я говорю не о тех, кто, допустим, похож на вас. Я говорю о большинстве.

Иван Кузьмич, для искренней политической, обновляющейся силы эти люди, безусловно, напрасный груз, доставшийся случайно по завещанию, подписанному больной, неверною рукой. Их надо отпустить.

Это люди забитой и забытой провинции, для которой демократическая платформа не ближе железнодорожной, которые боятся стать дезертирами и не подозревая, что кончена война, генералы предали и померли, святыни порушены. Иван Кузьмич, если вы трубите в новый поход, вам нужны новые товарищи. Старых надо отпустить, снять с них чужие грехи, не бояться своей ноши. Их надо отпустить.

Мир не рухнет, и социалистическое дело не канет в бездну, если на несколько месяцев ваша партия разойдется по домам, распустится. И те, кто придет обратно, за новыми билетами, с четким знанием того, что собой представляет РКП, они и будут ваши соратники. Прочих надо отпустить. Нужно убрать из-за спины безропотные, крепостные миллионы, хватит вечных боев и убогих партсобраний. Их надо отпустить.

Если вы патриот своей земли, вы сделаете это, потому что патриотизм сейчас — это не ненависть к инородцам, не верность изломанным идеям последних семидесяти лет, как ни жутко с ними расставаться, это — покаяние перед родной землей. В этом, может быть, ваше покаяние. Если вы, конечно, чувствуете свою вину.

Я не могу требовать этого от вас. Покаяние — личное дело. Мне просто кажется, что вы можете облегчить путь к очищению миллионов, избавить их от лишних унижений, ложного стыда, незаслуженной грязи. У вас просто больше возможностей.

Нас раскатало по чужим землям, мы хороним своих вдали от родных погостов. Русские богатыри падали на землю, и она давала им силы, а сейчас нет уверенности, что есть у нас мать-земля. Наступает новое Дикое поле. И просторы земли нашей столь огромны, что единственное, что может объединить нас,— это память. Память не о словах и идеях, а память о людях, которые жили и умерли. Мы слишком долго жили для потомков и слишком много наворотили под ноги костей, чтобы увидеть этих потомков. Надо жить для тех, кто рядом.

Иван Кузьмич, у моей бабушки, кроме старых кур и кочета-побродяги, есть две главные ценности: лента «Почетный колхозник колхоза «Рассвет» и два холста. Ленту она бережет. А из холстины любому нарежет полотенце. И я не успею ей объяснить, что все должно быть наоборот.

Эта холстина, серая и шершавая на щеке, была в двух ямках — от колхоза и от немцев. И я ничего не прошу для своей бабушки от моей страны. Страна сделала для нее слишком много, чтобы что-то просить. И поэтому мне странно неприятно слышать ваши слова, что партия в большом долгу перед народом и надо его отдавать. Я не уверен, что это надо делать. Слишком поздно, слишком опасно. Мне кажется: народ простит.

Надо лишь, чтобы завтрашнее утро было связано с чем-то другим, кроме запаса спичек и соли. Народ погибает не тогда, когда отнимают землю, когда теряет смысл труд. Народ погибает, когда не хочется жить. Мне хочется, чтобы моя бабушка пожила. Чтобы драгоценная эта холстина не легла в третью ямку. Некому будет искать. Не будет даже следа. Чтоб хоть след остался. По нему можно вернуться.

Чтоб хоть остался след.

* * *

Когда я приезжаю, бабушка просит меня читать единственное письмо, которое прислали ей с родных мест.

Я его прочел раз сорок, но, думаю, вам интересно будет узнать тамошние новости.

«Здравствуйте, Мария Ивановна! С приветом к вам Лида и Витя. Письмо ваше получили и сразу даем ответ. Вы спрашиваете, какие у нас новости. Клавдия Ивановна в вашей хате умерла года три назад, а Митя умер еще раньше. Хата досталась Дедякиной Насте. Она продала ее за пятьсот рублей поселенцу. Марфа Никитична умерла полтора года назад. Она жила у Насти, сын ее Саша умер тоже, похоронили здесь тоже. Зинаида Петровна жива, живет также с пасынком. Саша Азариева умерла два года назад, похоронили тоже здесь. Роза Ивановна живет хорошо, не работает, пьет. Сын женился в Курске. Таня ушла в вашу хату, родила сына. Зять уже старый, пьет много. Толик работает. Колхоз по-старому, председатель тот же. У нас много покойников. Коль Палыч умер, не болел (сердце). Санек умер. Клава умерла. Ванька очень слабый, готовятся хоронить. Валентин Митяев умер, весной будет год, не болевши. Петька Жигалкин умер, не болел (осенью). Маня Мишина, Настюрка, Клава Барищева, Николай Иванович (умерли.— А. Т.), а Мария Тихоновна уехала в Солнцево. Егорка Романихин умер. Николай Николаевич Епихванов очень больной, всю зиму в больнице. Иван Иванович тоже больной (Гришин), без сознания отправлен в Курск на самолете. Болеет он давно. Умерла Гринина Маруся, сына они сдали. Умерла Машуха. Гриня живет дома. Вроде бы новости все по деревне. У нас хозяйство все полностью, как и было. Живем одни. Дети все в Курске. Мы тоже болели, я на пенсии, а Виктор последний год дорабатывает. В деревне работать некому, все на пенсии. Вроде бы написала все. Если хотите, приезжайте, посмотрите сами, поживете у нас, места хватит. Вы знаете сами. До свиданья. Може, что не понятно, напишите».

* * *

Ну вот. Я только запятые порасставил да переменил пару имен живых. А мертвых хоть так помянем.

Ну вот, кажется, обо всем уже поговорили. Бабушка смотрит в окно, я складываю письмо, бережно. На распаханном лугу теснятся на крохотных клочках земли лачуги горожан из старых автобусных кузовов с отхожими местами из ржавых красных телефонных будок.

— Передавали по радиву: президент, што ли, какой-та приехал,— говорит бабушка.— Ну, уговорились они али нет? Ну да ладно, да ты ежай с богом.

Я вывожу велосипед, дождь мелко колет щеки, она помашет мне, пока я буду виден на зеленой еще обочине разбитой дороги, а потом уйдет.

Конец связи.

Александр ТЕРЕХОВ

ГРАЖДАНСТВО ТОЛЬКО ПО ДОГОВОРЕННОСТИ? ●
КРОВАВЫЙ ПЕПЕЛ ХАЙБАХА ●
ГЛАВНОЕ ВСЕ ЖЕ — УЧЕБА ●

■

Отсутствие на деле перестройки в Вооруженных Силах, радикальных перемен пошатнули веру военнослужащих в социальную справедливость. Кто же хочет ее вернуть? Громче всего кричат о вотуме доверия к политорганам, как гарантам добрых перемен, сами «комиссары». Закусив удила, они набросились на сторонников идеи создания профессиональных союзов в армии. Взамен они хотят сами выступить защитниками военнослужащих и даже готовы сменить вывеску — переименовать свои должности и поменять ведомственную подчиненность: из-под опеки ГлавПУРа под крылышко Генштаба. Но каких прав не хватало им для того, чтобы стать гарантами нашей социальной и правовой защиты ранее или хотя бы сейчас?

Почему у военнослужащих «должен быть залог доверия к замполиту, веры в его честность, справедливость, компетентность, высокие человеческие качества», как пишет в газете «Страж Балтики» один политработник, если назначение их на должности не зависит ни от экипажа, ни от командира части. Особый это пока департамент, недосягаемый. Свой отдел кадров, да и служба идет куда более гладко.

Но если у нынешнего политработника на плечах «огромный груз ответственности», который к тому же не измерить, то в новом качестве — не то социологов, не то психологов — это понятие ответственности — вообще абстракция! Много ли сегодня среди замполитов юристов, социологов, психологов? Нужна ли нам такая армия высоко оплачиваемых полупрофессионалов? Ни для кого не секрет, что вся ответственность за обучение и воспитание подчиненных давным-давно переложена на командиров подразделений. К тому же за политическую подготовку, согласно ныне действующему Уставу внутренней службы, ответственность несет командир части, в том числе за ошибки и промахи политработника. Любой командир может его заменить, но не найдешь обратного примера. За пятнадцать лет службы на Балтийском флоте сплошь и рядом я встречал таких комиссаров, которые не только политинформацию провести не могут, но и личное оружие зарядить не способны.

В Вооруженных Силах гласность далеко не безобидна, хотя за открытость и свободу мнения должны стоять все те же политработники. Офицер, открыто отстаивающий свои идейные убеждения и взгляды на жизнь, к тому же не совпадающие с мнением политработников, и сегодня обречен на бесперспективную службу.

Это я знаю не по газетам. Испытал на себе. Три месяца назад был наконец-то назначен на должность в Таллиннский гарнизон по месту проживания семьи. Однако местное командование выразило решительный протест. Чем же был напуган политический аппарат гарнизона? В телеграмме ясно сказано: опасением, что я создам секцию Народного фронта в Таллиннском гарнизоне. Стало быть, страшатся не только меня, но и тех, кто реально может поддержать мои политические убеждения. В итоге приказ о моем переводе был отменен.

Очевидно, это и следует считать торжеством демократии. Правда, мне великодушно разрешили дослужить два месяца до двадцати лет выслуги без... преследований.

...Можно ли вернуть веру в политорганы? Думаю, ответ заключен в историческом плакате на фасаде Таллиннского дома офицеров: «Военно-Морской Флот Коммунистической партии Советского Союза предан!». Но каким приказом это предписано и почему партии, а не народу?

Е. РАСТВОРОВ,
капитан 2-го ранга
Таллинн

■

В феврале 1944 года был приведен в исполнение приказ о депортации чечено-ингушского народа. Буквально в считанные часы все население равнинной части республики согнали на железнодорожные станции и, погрузив в грязные, холодные товарные вагоны, отправили в далекий Казахстан и Среднюю Азию на верную гибель.

В горах, куда не могли забраться «студебеккеры», еще оставались люди, много людей в своих древних саклях, не подозревающих о событиях на равнине. Как быть с ними? Решено было часть здорового населения согнать вниз и отправить вслед за другими. Оставшихся, кто не сможет спуститься самостоятельно: больных, детей, престарелых... сжечь. Кто подал эту бесчеловечную, садистскую идею, кто ее поддержал, одобрил, мы сегодня не знаем. Расскажем о событиях лишь в том ключе, как их донесли до нас скупые свидетельства чудом уцелевших очевидцев.

Морозным февральским утром войска двинулись в горы. Оставшихся жителей со всех хуторов Нашхоевского округа собирают в селении Хайбах под предлогом формирования транспортной колонны для дальнейшей отправки на равнину. Утопая по колено в снегу, медленно движутся вереницы людей в сопровождении солдат с малиновыми погонами. Кто-то под руку ведет престарелого отца, кто-то на плечах несет старую мать, детей. Жителей собирают в конюшне колхоза имени Лаврентия Берия, которая предварительно подготовлена, обложена сеном, соломой. Вместе с больными, с детьми и стариками заходят и молодые люди, не пожелавшие оставлять близких. Когда уже все собрались, горцев оказалось около семисот человек, ворота конюшни накрепко закрыли. Начальник Дальневосточного краевого управления НКВД Гвешиани, командовавший войсками на этом участке, отдал приказ... поджигать.

Наверное, те, кто готовил эту чудовищную акцию, не учитывали того, что кто-либо посмеет возразить приказу начальства. Но такие нашлись в лице капитана Громова и молодого бойца истребительного батальона чеченца Дзиярудина Мальсагова, присутствие которого в этот момент оказалось для всех совершенной неожиданностью. Однако двух молодых людей, пытавшихся остановить организованное массовое зверство, быстро нейтрализовали.

Когда конюшня оказалась объятой пламенем, огромные сильно укрепленные ворота вдруг рухнули под натиском людей, и обезумевшая толпа хлынула наружу. Последовали команды «огонь». Из сотен стволов раздались автоматные очереди. Впереди бегущие, падая, заслоняют собой выход, и буквально за считанные секунды образовалась целая гора трупов, которая не позволяла никому выйти. Ни один не спасся.

Более сорока лет об этом факте смели говорить только шепотом.

Саид-Эмин БИЦОЕВ,
зам. редактора газеты
«Комсомольское племя»
Грозный

■

В первой половине августа этого года почти одновременно приняты два Указа Президента СССР, направленные на восстановление справедливости в отношении незаконно репрессированных. Один — о восстановлении в гражданстве СССР 23 человек, несправедливо лишенных его. Другой — о восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20—50-х годов.

Однако прослеживается несоответствие одного Указа другому. В последнем Указе переоценка допускавшихся в прошлом незаконных репрессий за мнимые политические преступления почему-то обрывается 50-ми годами. Напротив, первый Указ провозглашает политическую реабилитацию лиц, изгнанных из СССР и лишенных гражданства в последующие, то есть в 60—80-е годы. Фактическим же основанием для такой формы политической репрессии этих лиц было их обвинение в той же самой пресловутой антисоветской (контрреволюционной) деятельности, которая являлась наиболее расхожим «криминалом» для лиц, реабилитированных другим Указом. Таким образом, одним «повезло», другим — нет. «Повезло» тем, кто «отделался» за свои убеждения не ГУЛАГом, а лишением гражданства. «Отделался» в силу своей известности, потому что в застойное время правительство боялось в отношении этих лиц того шума, который бы поднялся на Западе в случае тюремного осуждения.

Известно, что статья 70 УК РСФСР (формально провозглашавшая уголовную ответственность за антисоветскую пропаганду и агитацию, а фактически лишавшая советских людей их духовной свободы) отменена еще в прошлом году. Из этого юридически должно вытекать распространение реабилитации на лиц, осужденных по данному закону в 60—80-е годы. Неужели у нас реабилитация так и будет означать в основном посмертную реабилитацию? Слава Богу, многие жертвы этих, относительно недавних, незаконных репрессий еще живы. Так чего же ждать?

Явно компромиссным и непоследовательным выглядит сам по себе и Указ о восстановлении в гражданстве. По данным Секретариата Верховного Совета СССР, с 1966 по 1988 год было лишено советского гражданства 175 человек, из которых около 100 человек — так называемые диссиденты, весь «криминал» которых заключался лишь в том, что они начали перестройку намного раньше. При этом восстановлены в гражданстве лишь те 23 человека, с которыми была достигнута договоренность. Вдруг соответствующие лица не захотят принять отнятое у них гражданство? Думается, что элементарное представление о нравственности диктует другое — восстановление в гражданстве всех несправедливо лишенных его. И делать это надо в качестве принесения государством извинения перед этими людьми за свои несправедливые в отношении них действия. А уж дело «восстановленных» в гражданстве принимать его или не принимать. Именно это означало бы восстановление справедливости.

А. НАУМОВ,
профессор,
доктор юридических наук,
ведущий научный сотрудник
Института государства и права
Академии наук СССР

■

Подавляющее большинство учащихся сельских школ выходит осенью на сельхозработы. Вот так и в этом году началась для меня трудовая деятельность — от праздничного Дня знаний к дырявым мешкам и ящикам, вместе с моими пятиклассниками. У этой традиции масса недостатков.

Во время сельхозработ учителя получают зарплату по тарифной сетке, то есть за количество уроков, которые они должны дать в сентябре. В то же время работают они меньше, так как нет необходимости готовиться к урокам. Кроме того, есть возможность (на поля выходят не все учителя одновременно) дооформить документацию, кабинеты. И это еще лучший вариант — многие используют это время для личных поездок и домашних дел. Директора же и завучи зачастую не работают вообще. Какое же отношение к работе формируется из года в год у сельских учителей, особенно если учесть те дождливые дни, когда не готовые к урокам учителя ведут занятия. Стоит ли удивляться потом, что они с легкостью берут на себя преподавание «чужих» предметов? А в итоге низкое качество знаний учащихся.

Мы твердим детям: учеба — ваш главный труд. Что же это за «главный труд», от которого в любой момент можно оторвать? Где граница нашему лицемерию?

В этом году некоторые администраторы пошли на хитрость. Сельхозработы засчитали как уроки ОПТ (общественно полезного труда). Весь сентябрь сплошной ОПТ, а потом весь год его не будет. Но это не так. Во-первых, все недостатки месячной работы остаются — и разболтанность, и простуды, и потеря сил. Упущена возможность энергично включиться в учебу. Во-вторых, ОПТ в сельской школе все равно будет проводиться. Иначе кто законопатит окна, сложит дрова, уберет пришкольный участок, помоет школу к проверке и т. д. В-третьих, наверстать потерянные часы все равно не удастся.

Но что же делать с картошкой? На мой взгляд, надо заинтересовать население в уборке урожая. Выбирают же люди до клюковки все болота, сдавая ягоды по 2 руб. 80 коп. в заготконтору и приобретая потом дефицитные товары. Тут и дети могут помочь — есть в программе уроки сельскохозяйственного производительного труда. Есть все тот же ОПТ.

Е. МОЛОСТВОВА,
учитель биологии.
д. Еремково, Тверская обл.

НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ФИРМА «ТЭКО» ВСЕСОЮЗНОГО МЕЖОТРАСЛЕВОГО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ТЕХИНВЕСТ» СПЕЦИАЛИЗИРУЕТСЯ НА МЕТОДАХ ЗАЩИТЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ ОТ ПРОМЫШЛЕННЫХ ОТХОДОВ.

Научно-исследовательская деятельность НПФ «ТЭКО» направлена на:

— разработку технологий для решения проблем очистки промышленных стоков гальванических и красильных производств, водомасляных и водно-жировых эмульсий, отходов, содержащих поверхностно-активные вещества, нефтепродукты, тяжелые и цветные металлы, радиоактивные отходы.

— создание аппаратуры, обеспечивающей экспресс-контроль качества окружающей среды.

— производство новых отечественных материалов (L-лизин монохлоргидрат, стероидные гликозиды, моющие средства для обработки оборудования в молочной промышленности и другие).

— создание перспективных материалов для изготовления полупроницаемых мембран.

— решение проблем утилизации отходов с возвращением ценных продуктов в производственный цикл.

НПФ «ТЭКО» работает с заказчиком на всех этапах создания и внедрения разработки, что обеспечивает достаточно сжатые сроки выполнения заказа и качество очистки промышленных отходов.

Практически все установки НПФ «ТЭКО» действуют на основе наиболее перспективных на сегодняшний день сорбционных и баромембранных методов разделения смесей.

Установки, разработанные и изготовленные НПФ «ТЭКО», работают на предприятиях Москвы, Новосибирска, Зеленограда, Чернобыля, Новгорода, Свердловска, Ленинграда, Нижнего Новгорода и других городов страны — это реальный вклад в защиту окружающей среды.

ДЛЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ САМОГО ПРИСТАЛЬНОГО ВНИМАНИЯ К ПРОБЛЕМАМ ЭКОЛОГИИ, ДЛЯ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ И СЛОВОМ, И ДЕЛОМ ХОТЯТ УЧАСТВОВАТЬ В СПАСЕНИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ, НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ФИРМА «ТЭКО» УЧРЕЖДАЕТ ПРИЗ НА ЛУЧШУЮ ПУБЛИКАЦИЮ ПО ЭКОЛОГИИ В ЖУРНАЛЕ «ОГОНЕК». ПРИЗ (1000 РУБЛЕЙ) БУДЕТ ВРУЧАТЬСЯ ПОБЕДИТЕЛЯМ КОНКУРСА ОДИН РАЗ В КВАРТАЛ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ФИРМЫ.

Вниманию постоянных подписчиков «Огонек-видео» и всех тех, кого интересует острая видеопублицистика. Завершена работа над выпуском № 7 1990 года. Предлагаем вашему вниманию:

«Москва — Исламабад» — репортаж о встрече совместной делегации журнала «Огонек» и представителей Духовного Управления мусульман Средней Азии и Казахстана с лидерами "Пешаварской семерки" в Пакистане. Еще один шаг к освобождению советских военнопленных.

«История по Бальтерманцу» — последние 40 лет нашей страны в фотографиях непревзойденного фотолетописца Дмитрия Бальтерманца.

«Кремлевские палатки» — осада Кремля. Феномен перестройки и результат ее просчетов.

«Мастера печали» — все о профессиях гробовщиков и могильщиков.

«Течет река Теча» — отходы завода по производству плутония превратили в подопытных кроликов жителей одной из деревень России. Эксперимент над людьми длится уже 42-й год...

«Иволгинский Дацан» — какой он, центр буддизма в СССР?

«Свой среди чужих» — история о современном Маугли, вырванном из среды волков и водворенном в человеческое общество реального социализма.

«Под щитом и мечом» — бывший генерал КГБ Калугин: жизнь с начала, или прыжок в неизвестное.

Если вы хотите приобрести эту кассету, а также любой другой выпуск за этот и прошлый годы, присылайте заявки по адресу: **117313, Москва, аб. ящик 843, телефон 212-15-79.**

Напоминаем, что начата подписка на видеоприложение к журналу «Огонек» на 1991 год.

Журнал «Огонек»
Фонд «ОГОНЕК» — АНТИСПИД»
Московский Дворец молодежи
проводят
благотворительную художественно-публицистическую акцию
в помощь детям, инфицированным вирусом ВИЧ

21 октября — Презентация книги Б. Н. Ельцина
«Исповедь на заданную тему»
22 октября — Кто есть кто? «Огонек» представляет
своих авторов
23 октября — Только звезды
Концерт мастеров классического искусства
24 октября — Рок против СПИДа
25 октября — Памяти Александра Меня посвящается

В рамках акции состоится премьера полнометражного документального фильма «Остров СПИД» (режиссер С. Баранов), просмотры кинофильмов,
выставки, благотворительные базары и аукционы.
Билеты — в кассах Дворца молодежи

ЛУЧШИЙ ВРАТАРЬ ГОДА. ВАШЕ МНЕНИЕ?

Итак, в конце футбольного сезона самое время подвести итоги. Все вы, дорогие друзья, можете принять участие в традиционном огоньковском конкурсе, назвав лучшего, по вашему мнению, футбольного вратаря года.

Ждем ваших предложений до 1 декабря. Пишите нам на почтовых открытках с пометкой: «Конкурс «Вратарь».

Если ваш любимец наберет больше всего голосов читателей, его ждет приз редакции плюс 2 тысячи рублей, очерк на страницах журнала и фото на обложке.

**Павел БУНИЧ,
народный депутат СССР**

Сегодня всерьез задумались о том, что здоровая экономика не та, что функционирует на приказах и проповедях, а та, что базируется на интересе каждого человека. Имя ее — рынок. Поэтому и разгорелись дискуссии о главных слагаемых рынка, которые, однако, не действуют на базе ничейной собственности. На какой же действуют? Идее коллективной собственности еще недавно отдавалось предпочтение перед общенародной и частной. Но коллективная собственность не антипод частной, а в основном ее акционерный вариант, «второй этаж» для развитых производительных сил.

В Общих основах законодательства об аренде впервые было заявлено, что вновь созданные фонды развития производства (ФРП) — собственность коллективов. Акции на ФРП раздаются людям, а не продаются, поскольку нельзя продать работникам то, что они уже сами «оторвали» от своей оплаты. Каждый совладелец вправе в любое время превратить свою долю в личную денежную собственность, согласно текущей курсовой стоимости имеющихся акций. Пока ее нет, она, надеюсь, появится в будущем. Тем самым мы, не называя, реабилитировали категорию частной собственности, сделали принципиальный прорыв в идеологии и хозяйственной практике. Дело опередило слово.

НЕ АРЕНДА, НЕ ВЫКУП, А ВОЗВРАТ!

По колее, наезженной правилами аренды, идея приватизации продвинулась Законом о собственности, согласно которому с 1 июля 1990 года в дополнение к арендным коллективам получили в собственность фонды развития производства и госпредприятия. Ведь и там, и там в принципе одинаково работают одинаковые люди, которые одинаково мало получают. Нелогично арендаторам возвращать ФРП, а труженикам госпредприятий — не возвращать. При передаче госпредприятиям этих фондов важно только помнить: раз они не на аренде и не платят арендной платы, то у них сравнительно завышена прибыль и ФРП. Чтобы избежать этой несправедливости, надо либо перевести госпредприятия на аренду, либо взимать с них специальный налог на «капитал» (что хуже, чем аренда, поскольку налог не гарантирует сохранности госимущества, а аренда — в случае его порчи — предполагает возмещение арендатором всех потерь арендодателю).

Следующим шагом в становлении коллективной собственности стало разрешение создавать коллективную собственность за счет продажи акций под будущее развитие путем инвестирования заработков людей. Ныне их можно реализовывать не только в пределах своего коллектива, продавать другим предприятиям, но и любым лицам.

Если черепашье движение к коллективно-частной собственности безысходно, то горюй не горюй — ничего не изменится. Но оно не безысходно. Коль признано, что людям принадлежат новые фонды развития производства, то это предопределяет, что и в прежних инвестициях, созданных точно таким же трудом, большая часть требует прямого возврата трудящимся. Не аренды, не выкупа, а именно возврата. Таков императив эквивалентной оплаты работников, которые, за вычетом умеренных налогов, вправе получить от общества все, что создали, передали ему, то есть фонды оплаты труда (они и так наши) и фонды развития производства (в прошлом незаконно отчужденные).

Мнение, что богатство страны в мощи государства и нищете народа,— абсурд. Сила, наоборот, в том, чтобы общество имело умеренное имущество, а его члены процветали, желая и осуществляя дальнейший прогресс. Кроме того, незамедлительно приватизировать большую часть госимущества — это сделать все наше обездоленное население обладателями определенного экономического базиса, наделить более или менее всех и сравнительно быстро, без накопления денег на выкуп, собственностью, подвести под политическую свободу хозяйственную основу, сделав ее тем самым максимально полной. При этом надо видеть, что часть своей финансовой силы государство вернет обратно. Когда у населения нет недвижимости — нет и налога на нее. Когда же такая собственность возникнет — государство вправе установить налоги на недвижимость и заработать, особенно на приросте собственности как основе прироста налогов. Сейчас, по-моему, должен состояться этот новый и самый большой шаг приватизации госсобственности.

Проект программы стабилизации экономики и перехода к рынку предусматривает движение к безвозмездной приватизации госсобственности. Намечено передать бесплатно либо за небольшую плату земли крестьянам, занятые под личные подсобные хозяйства, горожанам — дешево продать садово-огородные участки, величина которых будет оговорена специально. Бесплатно становятся собственностью граждан квартиры, исходя из определенных норм площади на человека, устанавливаемых местными Советами. Допускается также их продажа за символическую плату — в размере 500—600 рублей за квартиру при ее рыночной стоимости в 10—30 тысяч рублей. До 10 процентов акций крупных и средних госпредприятий намечено продавать на льготных условиях или просто передавать членам трудовых коллективов. Это снова хорошо, но снова мало.

ФАБРИКИ — РАБОЧИМ. НО КАК?

Как же разделить госсобственность между трудящимися? Абстрактные разговоры на эту тему, которых ведется немало, статьи и речи о необходимости приватизации сейчас уже ничего, кроме потерянного времени, не производят.

В письмах избирателей, предложениях ряда хозяйственных руководителей, выступлениях народных депутатов зачастую предлагается раздать госсобственность коллективам, уже ее использующим. Идея частично воплощена на практике. Разделили свои фонды авиационный завод, несколько строительных управлений, агрообъединение, комбинат бытового обслуживания. Газеты забирают себе имущество, которое сложилось у них на дату регистрации согласно Закону о печати. Правда, пока еще не делят его между сотрудниками. О том же подумывают научные институты, другие трудовые коллективы. Немногим лучше разгосударствление собственности в масштабах отраслей. Лучше потому, что каждая отрасль включает как бедные, так и богатые, капиталоемкие предприятия. Поэтому в среднем по отрасли капитал на человека подравняется, приблизится к общехозяйственному и региональному, но все же не совпадет с ними. Если по такому пути пойти дальше, то дорогостоящее метро разделят метрополитеновцы, самолеты — летный состав, космические корабли — космонавты, Кремлевский Дворец съездов — обслуживающий его персонал, убогие сапожные мастерские — сапожники, а дворникам достанутся метлы.

Предлагали и такое — дарить, но не всем, а только желающим. И не все предприятия, а мелкие в торговле и бытовом обслуживании с преимущественным правом передачи в частную соб-

БАРЬЕРЫ ПРИВАТИЗАЦИИ

ГОССОБСТВЕННОСТЬ ДОЛЖНА БЫТЬ ПЕРЕДАНА ТЕМ, КТО ЕЕ ЗАРАБОТАЛ

ственность их работникам. Ну, ладно бы речь шла о никчемном, ненужном, запущенном имуществе. Без его раздачи не обойтись (что, однако, не следует считать благом для населения — никто же не говорит, что он одаривает кого-то, выбрасывая негодное на помойку). Иное дело — фонды с положительной оценкой. И частенько — с немалой в мелких, но хорошо оснащенных прачечных, магазинах... Почему не взять его в запас, который «кармана не рвет» и назад не изымается, поскольку частная собственность священна. В этих условиях неминуемо число претендентов, спрос превысит предложение. Кому отдать предпочтение? И как отнесутся к такой раздаче госимущества работники «Серпа и молота», ЗИЛа, всех крупных и средних предприятий (в них около половины занятых), вложившие в него не меньше коллективов мелких предприятий, а остающиеся ни с чем? Ясно, что сложится вопиющее неравенство.

Тупиковость самостийно найденных и незаконно примененных способов растаскивания госимущества по «большому и маленькому кирпичикам», однако, не снимает проблемы. Более того, внимание общественного мнения к ней растет.

Интересен опыт США, других государств, где профсоюзы «откупают» имущество у владельцев и распределяют его в виде акций между работниками каждого предприятия. Таких «народных» предприятий в США, говорят, около 3 процентов. Это, как видим, путь выкупа, но платит не работник, а профсоюз, которому работник в свое время перечислил взносы. Наши профвзносы недостаточны для выкупа госсобственности в пользу граждан.

Думают над безвозмездной передачей госимущества в странах Восточной Европы. Она предусмотрена в Чехословакии, началась в Венгрии. Ряд экономистов, инженеров, политиков СССР примерно год назад выступили с той же идеей. Проект закона Украины об аренде и разгосударствлении содержит фундаментальный принцип денационализации госкапитала. Но остается много дискуссионных принципиальных вопросов.

КОМУ МУЗЕЙ, КОМУ КОСМОДРОМ...

Сначала о величине госсобственности, которую надо возвратить людям. Любое государство, хорошее или плохое, на федеративном, конфедеративном и других уровнях налогами и другими средствами формирует для выполнения своих функций государственный «капитал». На верхнем уровне, к примеру, сосредоточиваются военные сооружения, объекты государственной финансово-кредитной системы, имущество милиции, органов госбезопасности, госуправления, космодромы, линии связи, музеи, национальные театры, выставки, дворцы культуры, библиотеки, высшие учебные заведения, школы, техникумы, больницы, здравницы и т. д. Разумеется, существуют коммерческие театры, больницы, можно представить платные школы, вузы... Но это не исключает безусловной необходимости «бесплатного» здравоохранения, просвещения, культуры. Думаю, что ориентировочно в котел народного перераспределения не должно включаться 30—40 процентов общего стоимостного объема госимущества.

Наши последние поколения дореволюционные «госкапиталы», разумеется, не создали. Следует продискуссировать: подлежат ли они разделу, или останутся в государственной собственности? Возможно и такое рассуждение: что все мы внуки, правнуки и т. д. тех, чей труд воплотился в ценностях, созданных до нас, и по отношению к кому мы вправе рассматриваться в качестве наследников.

О земле и других природных ресурсах. В принципе они «от бога» (что говорил еще Л. Толстой), а не от труда наших предков.

Но мечтой крестьян всегда была земля, экспроприированная у царя, церкви, помещиков. После Октября эта мечта реализовалась, позднее превратилась в колхозно-совхозное ярмо. Сейчас крестьяне снова хотят получить землю бесплатно. Считаясь с этим, возможно, часть земли следует раздать тем, кто ее обрабатывает, чтобы, например, один гектар на Кубани равнялся двум-трем в Псковской области. Иначе говоря, сделать крестьян собственниками земли равной «стоимости», а не физически одинакового надела.

Делить ли только производственные фонды или также непроизводственные — в первую очередь жилье? И те, и другие. Но тут возможны, как говорят, варианты. Согласно первому из них, жилье надо раздать только низкооплачиваемым, социально слабо защищенным людям, в частности инвалидам. Пожалуй, это справедливо. При нормальных условиях люди, как правило, жилье зарабатывают сами, а у нас квартиры выдавало государство, неся лишние расходы на покрытие убытков от его эксплуатации, поскольку квартплата была низка. Есть и такой вариант: раздать жилье всем при условии, что жилье должно покупаться, как хлеб, мясо, одежда, но для этого люди должны больше зарабатывать, чем размер «жалованья», определенного государством. Можно предоставить каждому его долю в ныне занимаемой квартире. Если ее недостает до нормы — любой дополучит свое из госфонда, поступлений нового жилья. Если осталась излишняя площадь и есть желание ее сохранить — плати за излишки либо выкупай. С жильем, как и с землей, надо учитывать качество объекта: набор удобств, высоту потолков, степень современности, расположение по отношению к центру города, близость к шумным магистралям, экологически худшим зонам.

ПАЙ НА СОБСТВЕННОСТЬ — ПО СПРАВЕДЛИВОСТИ

Прежде чем делить «госкапитал» по людям, его надо правильно оценить. Как это сделать? Отказаться от самого принципа оценки объектов по затратам. Ведь, если на них много истрачено, но они не дают хорошей прибыли, не «плодоносят», грош цена таким затратам. В то же время дешевые объекты, приносящие высокие доходы, найдут покупателей, согласных уплатить большие деньги. После оценки «капитала», исходя из потенциальной прибыли, ее следует снизить на процент действительного износа, что и зафиксирует истинную стоимость имущества.

До того, как объекты получат правильную, объективную оценку, нельзя ни в коем случае допустить не только их распределения, но и продажи. К сожалению, немало объектов уже продано коллективам и частным собственникам по их низкой первоначальной цене (цене давнего создания, которая много ниже современной), уменьшенной на «экспертно» завышенный износ. В этом ясно просматривается интерес спекулянтов от экономики и коррумпированных чиновников. Пока не поздно, следует полностью остановить этот процесс и пересмотреть уже принятые распоряжения.

Теперь о населении, которое вправе получить госфонды в свою собственность. По одному варианту им могут быть все граждане страны, по другому — только те, кто уже внес в народное хозяйство трудовой вклад. Если бы все жили семьями и имели равное число детей, то различие между этими вариантами исчезло бы. Дети унаследовали бы одинаковое богатство. Современная демографическая ситуация, где большинство семей имеет одного ребенка, подводит к сделанному выводу. Но все же число детей в ряде семей отличается от среднего: где-то детей нет, а где-то их 5—7. При распределении госимущества только между взрослыми многодетные семьи останутся в заметном проигрыше. Если в семье один ребенок, он унаследует два пая, если два — по одному, если четыре — по полпая, если восемь — по четверти пая.

Деликатный вопрос — возврат имущества бывшим собственникам или их наследникам.

В любом случае пай на собственность, включая жилье, видимо, лучше дифференцировать от трудового стажа, а внутри него от оплаты труда, которая худо-бедно отражает качество и количество усилий людей, противостоит уравнительному распределению. Неработающие матери должны, видимо, получать пай в зависимости от количества воспитанных ими детей. На пай имеют право инвалиды, студенты. Представляется оправданным не лишать колхозников права на получение госсобственности (мол, пусть делят «свое» колхозное имущество). Ничего колхозного в этом имуществе, которое бы отличалось от совхозного, нет. Наши колхозы — те же государственные совхозы, вообще госпредприятия, созданные лихим перераспределением общенародных средств. Кому-то оно дало необоснованный плюс, но большинству — минус.

«Стоимость» пая, выдаваемого каждому «взрослому», определяется перемножением двух множителей, где первый — суммарная зарплата за все время труда (сумма произведений проработанных лет на соответствующие заработки людей), а второй — «величина» пая на рубль оплаты труда. Эта величина равна частному от деления общего фонда оплаты населения за период его трудового стажа на стоимость имущества, выделенного для «раскулачивания» государства. Такой счет, однако, слишком сложен для практики. Да и как найти и документально подтвердить все свои заработки за 20—40 лет труда? Может, упростить методику до «несложной» — брать заработки последнего года или среднегодовые за любые пять лет подряд? Заманчиво пойти по пути предельной простоты — сделать всех как равными. Несколько смущает, не будет ли эта простота синонимом воровства. В качестве первой прикидки весьма приблизительно пай на среднего «взрослого» (без осовременивания цен и цены земли) составит 5 тысяч рублей (на жителя — 4 тысячи рублей).

Пай можно также положить на счет в банке, продать любому лицу. Опасение, что от этого возрастет денежная масса и обострится напряжение на потребительском рынке, необоснованно или основано на недопонимании предлагаемого механизма. Свободная торговля паями перераспределит наличные деньги от лиц купивших к лицам продавшим. В условиях дефицита потребительского рынка кто бы ни стал собственником паев — не получит права расходовать их на товары и услуги. Только на предлагаемую к денационализации госсобственность, на недвижимость, на состоящие на госбалансе средства труда.

Однако при таком решении остается открытым вопрос об общесоюзном имуществе. Предпочтительнее поступить так: приватизировать ту его часть, которая не является необходимым атрибутом нового союзного содружества с предварительным зачислением в республиканские фонды согласно их долевым вложениям. Оставшееся общесоюзное имущество не делить между гражданами, но перевести на режим корпоративной собственности создавших его республик.

МАФИЯ ВЫЖИДАЕТ...

Раздачу «госкапитала» можно осуществить за год-два (включая создание фондовых бирж, печатание и распространение паев). Я беру, разумеется, лучший срок, когда приватизации никто не мешает. Однако мешать уже начали. Одной рукой правительство пообещало резко сократить черные списки, запрещающие аренду (а это хоть медленная, но приватизация), а другой — душит самостоятельность коллективов необузданными притязаниями на «вменение» во многие госпредприятия своих контрольных пакетов акций и соответственно своей руководящей роли.

Утверждается, что в Англии, других странах денационализация шла только путем выкупа. Это факт. Но не меньше другой факт: ни в одной из этих стран у населения не отбиралась в госкарман такая доля ресурсов, как при командной экономике. И нигде поэтому госсектор искусственно не разбух до практически единственной сферы производства, до госдолга страны перед народом. Выходит, и вправду у России, как сказал поэт, особенная стать, ее аршином общим не измерить. В меру специфики нам необходимо искать собственные решения.

Не породит ли раздача госсобственности слой рантье, живущих на диви-

денды? В какой-то мере породит. Тем более что люмпенизированные элементы пропьют свой пай, предварительно продав его мафии, которая с удовольствием продолжит паразитировать на народе. Но станет ли перепродажа массовым явлением? Сомневаюсь. Большинство — люди нормальные. Они не станут продавать акции, а, наоборот, постараются их нарастить. Неправильно также думать, что акционеры постараются, как правило, стать рантье и увильнуть от работы. Кто так поступит, тот не только не приумножит капитал, но и потеряет его. Ведь в рыночной экономике стоять на месте нельзя. Нужно вкладывать средства в разные дела, авось в среднем кривая доходов окажется приемлемой. Даже в пределах одного предприятия необходимы дополнительные инвестиции для роста и совершенствования производства, новые акции, которые возникают в первую очередь от труда.

Теперь насчет мафии, что она якобы все скупит. Чтобы этого избежать, с покупателей паев надо требовать декларации. Конечно, кто-то получит их за взятки. Но в некоторых царствах за ложные декларации сажают даже сенаторов. Поэтому не стоит гипертрофировать возможность обмана.

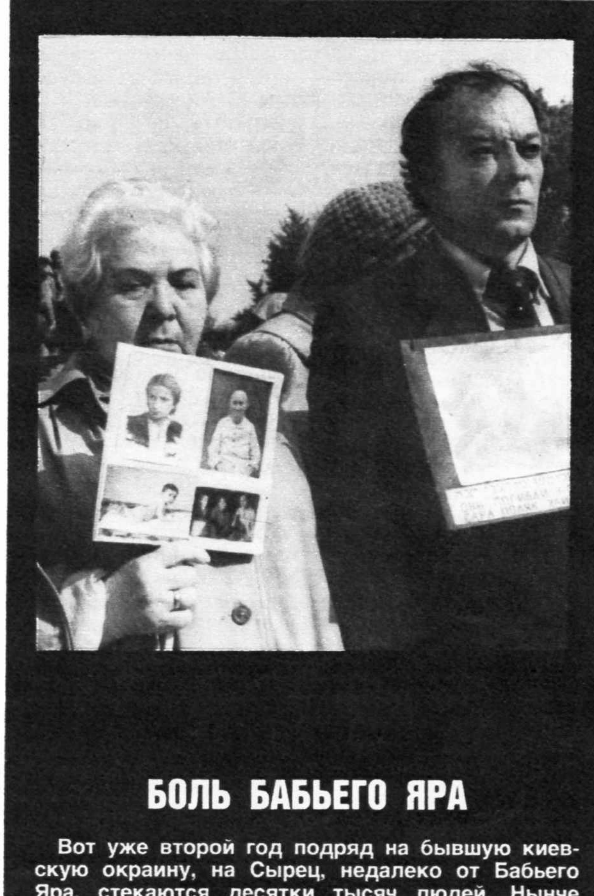
Я уже вижу лица, искривленные завистью: возьмут, мол, все много квартир и начнут сдавать за бешеные деньги. Но коль скоро все получат жилье, желающих снимать поубавится. А если многие станут арендодателями, то цены на квартиры не возрастут, а снизятся.

Пугает и такой вопрос: откуда предприятия возьмут деньги для выплаты дивидендов? Из тех же доходов, что они имеют сегодня, из фондов материального поощрения, которые получат несколько иное распределение — приобретут направление вознаграждения собственников. Когда от усиления интереса людей к труду эти фонды увеличатся, тогда дополнительно «потяжелеют» и дивиденды. Словом, источник выплаты дивидендов есть.

Говорят также, что изначально заработанная частная собственность выстрадана сильнее, чем неожиданно «с неба» упавшая. Это верно. Но аргументы за приватизацию «госкапитала» перевешивают. Не исключен и компромисс: примерно 80 процентов подлежащего приватизации госимущества распределить по паям, а 20 — оставить для распродажи. Еще одно усиление приватизации — продажа по символическим ценам. Наряду с весьма серьезными возражениями выдвигаются и менее серьезные: мол, надоело экспериментирование; операция приватизации сложна (куда легче, конечно, катиться вниз); от приватизации якобы не возникнет предпринимательского духа (во-первых, не одним этим духом, но и социальной справедливостью жив человек, во-вторых, собственность — лучший воспитатель предпринимательства, без которого она не сохранится и тем более не приумножится. Эти возражения привела Г. Анулова в «Известиях» от 1 октября сего года. Хочу выразить искреннее сочувствие автору за присущие ей пороки самонадеянности и недостаточной культуры научного спора.

Выступая 21 сентября сего года на IV сессии Верховного Совета СССР, я попытался кратко обосновать необходимость возвращения народу отчужденного от него госимущества и изложить основные принципы предлагаемого механизма разгосударствления. Близкие позиции защищали некоторые другие депутаты. М. С. Горбачев отметил, что многое из того, что я сказал, он разделяет. Такого же мнения придерживается Комитет Верховного Совета СССР по вопросам экономической реформы, ряд иных комитетов. Это дает надежду на продвижение. Только не затянуть решение! Не споткнуться об организационную беспомощность! Не допустить перехвата госкапитала по специально сбитым, низким ценам!

МЕТРОНОМ

БОЛЬ БАБЬЕГО ЯРА

Вот уже второй год подряд на бывшую киевскую окраину, на Сырец, недалеко от Бабьего Яра, стекаются десятки тысяч людей. Нынче они приходят без страха столкнуться с плотным милицейским кордоном, как бывало, когда на правду о Бабьем Яре было наложено строжайшее табу. Тех, кто осмеливался на скорбном месте зажигать свечи, преклонять колени в поминальной молитве, со скрученными руками волокли к милицейской машине, а потом давали по 10—15 суток за «хулиганство в общественном месте».

Да, Бабий Яр — могила интернациональная, но в первую очередь это символ трагедии еврейского народа. И не только потому, что с евреев начинали именно здесь 29 сентября 1941 года и что из более чем 200 тысяч человек, уничтоженных в этом месте за два года, в первые пять дней казней нацисты убили примерно 150—160 тысяч евреев. Но и потому, что именно отсюда, с Бабьего Яра, началось планомерное уничтожение евреев в Европе. Бабий Яр стал полигоном нацистского геноцида.

Вглядываюсь в людей... По-разному ведут они себя на этом скорбном месте. Увы, находятся и такие, кто, поправ правила приличия, шныряет по толпе, шустро и настырно предлагает присутствующим «за коммерческую цену» какие-то брошюрки, пластиковые пакеты, украшенные безвкусными рисунками по мотивам трагедии с надписью «Бабий Яр». Ловкие нововявленные «купцы» ничтоже сумняшеся оправдывают «затраты на мероприятие». Это уже не просто цинизм, а кое-что похуже: торгаши рванулись в храм, но их никто не схватил за руку, не вытолкнул...

А вокруг пылали свечи... В будущем году исполнится 50 лет со дня кровавой трагедии. Правительство Украины создало подготовительный комитет, чтобы достойно отметить этот печальный для всего человечества юбилей, придать ему не только киевское, союзное, но и международное звучание.

Но у меня боль не отпускает сердце: почему, скажите, почему мы всегда опаздываем?

Александр ШЛАЕН, кинорежиссер, председатель Советского общественного центра «Бабий Яр»

Фото Николая КОЗЛОВСКОГО.

ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

УРВАЛИ?

Никакой академик (не сердитесь, Татьяна Ивановна Заславская) не прояснит сиюминутных структур власти так дешево и точно, как сделали это лихие ребята из омского КГБ! Спецназ захватывал блатной Ту-134, уходивший из Омска в Батум якобы с грузом оружия, а ворвались и нашли... Салон с коньяком и закусом, длинноногими красавицами, запасами клюквы, меда, редких запчастей к «Жигулям» — и контингент равных. Ибо неравные тайно к пальмам не летают.

Оставим дев радости: нового в них нет. Кто в элите, почем ныне равенство? «Известия» (№ 274) сообщают итоги опроса с автоматами наперевес. Первый секретарь райкома КПСС (или надо — КП РСФСР?) — и глава кооператива «Модная обувь». Еще первый райкома соседнего — и председатель кооператива «Уралочка». Председатель районного Совета народных депутатов — и малодушное Бюро путешествий «Спутник», ответвление ЦК ВЛКСМ, в лице двух перспективных менеджеров. Начальник «Автовазтехобслуживания» как держатель валюты (запчасти!) и... Стоп, где иностранец? Без внешних соглашений теперь нельзя... А-а, вот: самолет-то арендовала некая советско-британская фирма из Якутии «Фарус», возможно, мифическая, что картины не портит. А представитель ее — как раз шеф «Модной обуви», он же и снабженец таежного колхоза имени Ленина Усть-Ишимского района Омской области. «От тайги до британских морей». И «внешность», значит, в порядке.

Ну и что? Ну, маленько подзалетели ребята — дальше? Даже дети — воспитанные — говорят: «не смей смеяться над чужой бедой!»

Господи, да мы разве злорадствуем? Главное — в парах: на каждую власть — своя собственность. Сращивание, так сказать, одного капитала с другим. А поскольку всякая крупная социальная перемена ставит вопрос о власти и собственности, то моментальное фото ГБ обретает социальную ценность. Первые двух райкомов — взяли бы они в салон каких-то кооператоров до того, раньше, ну в медуновское, скажем, время, когда свертки денег краснодарские верхи хранили... в канистрах? Да ни за что. Не было ни равенства, ни братства. А дельный кооператор — стал бы он приглашать прежнего предрика, фигуру сомнительную, подбитую ветерком? То-то, а ныне вон какая многогранность. Смычка времен приватизации. Социально новый коктейль, властный ерш на основе бартерных сделок: желаешь собственности — отдай власть.

Встречаю днями цековца, перед которым всегда заискивал: авось пробьет книжку или заступится за фильм — иде-о-логия. А он уже лучится рыночной приязнью:

— Мы совместное создали, не слыхал? Взаимный анализ общественных язв, мне на полгода Флориду пробили. Черт-те, ехать или нет?.. А сам-то ты — в ассоциации? Не, малое предприятие небось! Все вы хватугаи,— и хохочет жизнелюбиво, рассыпчато.

Вы перестроились? Приспособили властные возможности к требованиям рыночной экономики? Перевели свой отдел на кооперативные начала? Имеете живую копейку с того, что делали 20 лет за так, за одну зарплату? Глядите, люди уже и Арал приспособили, даром что остался только на карте, и земное притяжение утилизуют, продают острова и Францу, и Иосифу — особенно комсомольские лидеры, молодые штуцерщики, и еще которые по непримиримой идеологии... Хватанули? Захапали? Успели или еще пребываете в рассеянном недоумении?

А как иначе? Раз новая эпоха, Большой, скажем так, Хапок, то кто должен взять на себя инициативу? Рискнуть, первым подняться из окопа? Поступить погагановски, так сказать? И Кара-Богаз сбыть, конечно, не шутка, и Гольфстрим можно в аренду сдать, но вы под ноги, под ноги-то смотрите! Хозяева ли вы своей земле или нет? А если да, так смотрите, как умные люди из паршивого болотца, где жаба и та в ревматизме, умеют извлечь буквально алмазы дефицита! И без иностранца, будь он неладен, все со своим братом русаком, лишь бы нуждался в шести сотках, а кто в них не нуждается! Глядите, агроком-

Метроном

бинат «Наро-Фоминский» какой реестр заслал взыскующим Шести Соток: автокраны, автогудронаторы на шасси «ЗИЛ-130», экскаваторы и такой марки, и эдакой, самосвалы, бульдозеры, автосмесители... Ну где, какой лендлорд обложил бы таким вдумчивым и детальным оброком — без денег притом, без проклятых денег! Полмиллиарда дани в деревянных рублях платит славным нашим аграриям одна Белокаменная за то, учтем, что им не принадлежит, а вы еще куда-то ездите учиться бизнесу.

— Ишь, демократишки, завыли, как прищемило? — назло усмехается друг Василий Кузьмич.

Да на нас, демократишек, никогда, Василий Кузьмич, не настачишься, и то нам не так, и это не этак. Один вон, сатирическим старцем звался, так тоже — все за реформы был да за преобразования, а как стали господа чиновники дележ казенной земле учинять, так глагол придумал: «Урвали?» (Салтыков-Щедрин. За рубежом. М. Худ. лит. 1950 г., стр. 43).

И этим глаголом всех бесшабашных советников приветствовал: «Урвали, ваше превосходительство?». Поздравлял с благополучным похищением — а хватугаи тогдашние все жаловались ему, все плакались... Тип поведения такой: хватани — и расплачься. Утащи — и обжалуй публично...

Вот намедни: хотел один статский генерал мирком-ладком приобрести полтора гектара земли при Москве-реке, с домом и садом, в которых проживал за так, хотел, я говорю, заплатить за все это 47 тысяч, цену, скажем так, нового «Москвича» вполне исправного, а ему — огромной компанией:

— Урвали, ваше превосходительство?

Обидно: помешали. И человек плачет.

Юрий ЧЕРНИЧЕНКО

ХРОНИКА

Исполнение соглашения, подписанного председателем Ленсовета Анатолием Собчаком и председателем концерна «Джасода» господином Шах Шейерманом, предоставившее последнему исключительное право по организации свободной экономической зоны и свободного порта в Ленинграде и области, остановлено председателем комиссии по внешнеэкономическим связям Ленсовета В. Ягьей. В газете ленинградских профсоюзов «Единство» господин Шах назван «мошенником».

Как ему удалось добиться подписи первого лица не последнего города?

«Единство» сожалеет об отсутствии единства среди депутатов Ленсовета: «Разбитые на десятки группировок, они становятся добычей политически нечистоплотных людей».

Комментарий народного депутата СССР и РСФСР Галины Старовойтовой: «Не надо торопиться и разжигать ажиотаж вокруг этой истории. Сегодня очень много людей, желающих дискредитировать депутатов».

«Северо-Запад»
(специально для «Огонька»)

ХРОНИКА

Судно «Гринпис» международной экологической экспедиции вышло из Архангельска в направлении Новой Земли. «Пока у нас есть лишь разрешение на плавание в советских территориальных водах»,— говорит координатор движения «За безъядерные моря» Стивен Малхорн. Впрочем, сделан запрос Министерству обороны СССР на право посещения и высадки на Новой Земле. Ответа пока нет.

В составе экспедиции экологи из европейских стран. Шесть человек представляют экологические организации СССР. В их числе президент ассоциации «Спасем мир и природу» Григорий Томкин. Если Министерство обороны не даст никакого ответа либо откажет, экологи все равно намерены высадиться на Новой Земле и провести митинг. Чтобы привлечь внимание всего мира к проблеме запрещения ядерных испытаний.

«Северо-Запад»
(специально для «Огонька»)

«ВЫ ПРЕКРАСНО ПОНИМАЕТЕ, О ЧЕМ Я ГОВОРЮ»

Радиостанцию «Свобода» слушают у нас не все. Для тех, кто не слушает, есть газета «Советская Россия». А в ней (номер за 19 сентября) сотрудник Центра общественных связей КГБ СССР О. Царев знакомит читателей с одним из материалов радиостанции — интервью с народным депутатом СССР Юрием Власовым.

Читатели узнают, что **«КГБ — это преступная...** даже террористическая организация и работают в ней преступники, которые... совершают тайные убийства, подстраивают автокатастрофы и несчастные случаи, прививают людям болезни, разрушают их иммунитет». У КГБ «1 миллион сотрудников... и 12 дивизий, принадлежащих ему, и даже целая армия, расквартированная в Московской области под Балашихой».

Как видите, информация в основном новая, неожиданная. Сообщил ее, если верить газете, в беседе с корреспондентом упомянутой радиостанции Юрий Власов, а О. Царев комментирует. Обращая внимание на «бесцеремонность» и бездоказательность заявлений народного депутата, сотрудник КГБ задает себе вопрос: почему привлекаю внимание к этому? И отвечает: «Да потому, что в нашей истории мы уже прошли через страшный период сфабрикованных, ничем не доказанных обвинений в отношении как отдельных лиц, так и целых групп, прослоек и классов населения. Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю».

Да, мы понимаем. И кто «фабриковал обвинения в отношении прослоек», понимаем тоже. И кто судил. И приводил приговор в исполнение. И чьи спецбригады хоронили убитых. Полемизируя с Юрием Власовым, автор «Советской России» невольно поддерживает точку зрения своего оппонента.

Я не слушал интервью Юрия Власова корреспонденту «Свободы» и потому не берусь давать ему оценку. Вероятно, оно было еще более резким, чем его известная речь на первом Съезде народных депутатов. Я вынужден полагаться на честность О. Царева, который обязан точно пересказать текст радиоинтервью. Одно место, впрочем, вызывает серьезные сомнения. Перечислив ряд «клеветнических измышлений», порочащих КГБ, автор пишет: «Сюда же он (Власов.— **И. М.**) совершенно кощунственно приписал и пытку Андрея Дмитриевича Сахарова голодом».

Отрадно, что у покойного академика теперь появились заступники и в КГБ, величающие его по имени-отчеству. Мучения, которые он испытывал, уже не вызывают у них злорадства. Произнесено даже слово «кощунство». Хорошо. Непонятно лишь, о какой «пытке голодом» идет речь. Известно, что А. Д. Сахаров неоднократно объявлял голодовки протеста и подвергался искусственному кормлению — пытке жесточайшей, усугубленной унижением беспомощного человека, который своим сопротивлением лишь увеличивает муки и продлевает боль. Разумеется, говорить в подобной ситуации о пытке голодом — кощунство...

Получается, что член Межрегиональной депутатской группы допустил фактическую ошибку? Проверим. Интервью у Юрия Власова брал Марк Дейч — корреспондент радио «Свобода» в Москве. У него и текст магнитофонной записи, и дословная расшифровка. Ознакомимся. Вот что на самом деле сказал Юрий Власов.

«Еще в 1985 году под видом спасения от голодной смерти КГБ в лице своих докторов, как, скажем, я не помню точно, кто лечил Сахарова, Обухов, кажется... пытали Сахарова. Это было всего пять лет назад».

А вот что писал А. Д. Сахаров в ноябре 1984 года президенту АН СССР А. П. Александрову. «В беседе со мной главный врач О. А. Обухов сказал: «Умереть мы вам не дадим. Я опять назначу женскую бригаду для кормления с зажимом, у нас есть и кое-что еще. Но вы станете беспомощным инвалидом» (кто-то из врачей пояснил: не сможете даже сами надеть брюки). Обухов дал понять, что такой исход вполне устраивает КГБ...» Цитата из книги Елены Боннэр «Постскриптум» (Париж, 1988).

В книге воспоминаний А. Д. Сахарова (Нью-Йорк, 1990) читаем о том, что в 1985 году все повторилось. Итак, Ю. Власов придерживается фактов. Напротив, сотрудник КГБ эти факты дважды грубо передергивает. Он приписывает народному депутату слова, которые тот не говорил, и отрицает события, действительно происходившие в Горьковской областной больнице в 1984—1985 годах.

О. Царев, глубоко изучив высказывания народного депутата, называет их цель. Цель такая: «уничтожить КГБ». Ни больше ни меньше. Так и видишь великого атлета, пудовым кулаком сметающего хрупкие лубянские постройки... Страшно за судьбу армии, расквартированной под Балашихой. О двенадцати дивизиях я уже не говорю. Даже если их и нет — страшно.

Пребудем в надежде, что у Юрия Власова другие цели. Такие, например, как гласность и правдивость, которые коснутся же когда-нибудь и органов государственной безопасности. А также газеты «Советская Россия».

Илья МИЛЬШТЕЙН

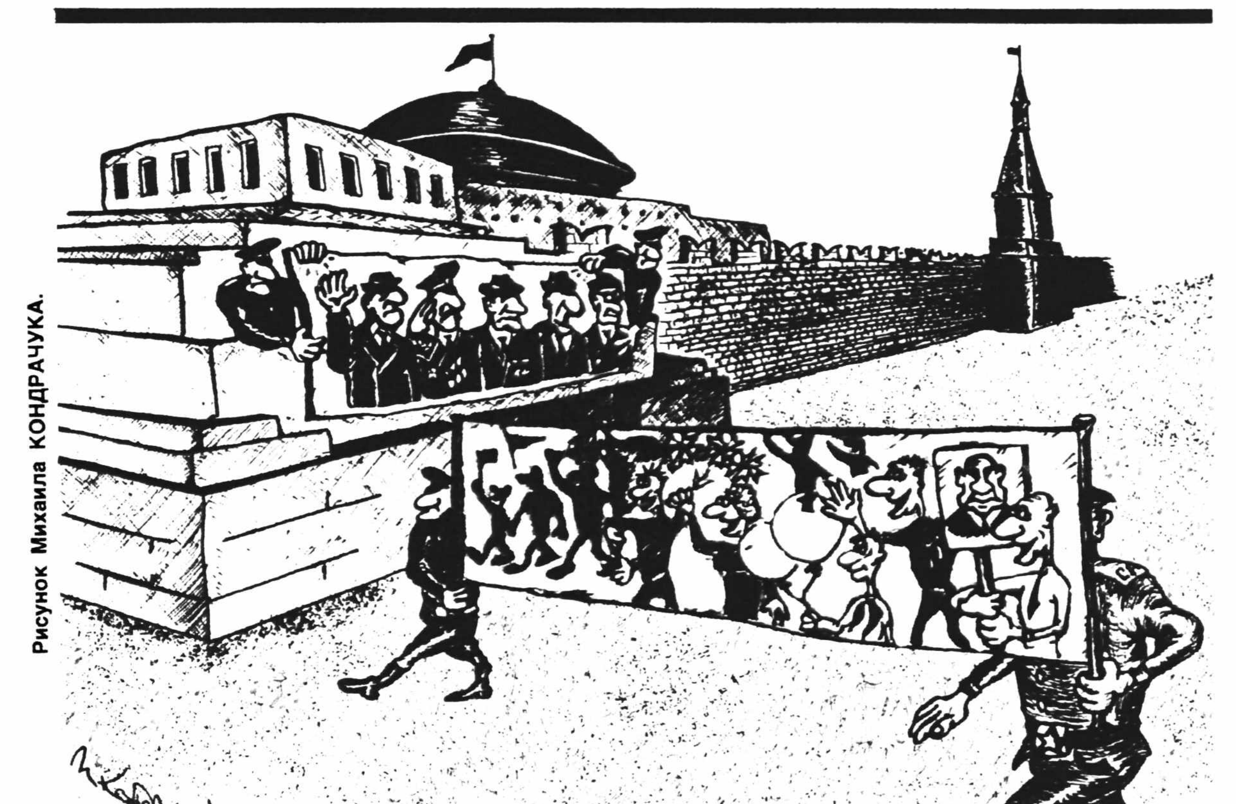

Рисунок Михаила КОНДРАЧУКА.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ВЕРХОВНОМУ СОВЕТУ СССР, ПРЕЗИДЕНТУ СССР ОТ РАСПОРЯДИТЕЛЬНОГО СОВЕТА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ФОНДА «ОГОНЕК» — АНТИСПИД»

Только крайняя озабоченность реальной смертельной угрозой, нависшей над миллионами наших сограждан, над малыми детьми, над детьми, которым еще только предстоит родиться, заставляет нас повторно обращаться к вам, кому народ сегодня вручил свою судьбу.

Наше первое обращение, опубликованное в «Огоньке» № 12 (март 1990 г.) и адресованное Верховному Совету СССР и правительству страны, осталось фактически без ответа. Постановление Верховного Совета СССР «О введении в действие закона СССР о профилактике заболевания СПИД», как и сам закон, ни в коей мере не предусматривают активных действий, способных предотвратить глобальную эпидемию СПИДа в нашей стране.

Совмину СССР поручается сформировать правительственную комиссию под руководством заместителя Председателя Совета Министров, а в тех же Соединенных Штатах такой орган создан при президенте и наделен широкими полномочиями.

В нынешнем году только лишь **намечается разработка** государственной программы по борьбе с заболеванием СПИДом. Пока нет никаких признаков, что Совмин и его комиссия приступили к этой работе.

Товарищи депутаты Верховного Совета: может, вы думаете, что и СПИД годочек-другой подождет?

Мы вынуждены повторить то, о чем уже писали,— к концу нынешнего года смертельным вирусом иммунодефицита будет инфицировано более 1600 человек, в 1991 году — 6200, а к 2006 году, согласно научному прогнозу, в СССР будет инфицировано ВИЧ 50 миллионов человек; ежегодные прямые расходы на обслуживание эпидемии СПИДа в СССР после 2000 года могут превысить валовой национальный продукт СССР 1989 года, то есть превысить 3 триллиона американских долларов. Высокая заболеваемость СПИДом может вызвать дезорганизацию в экономике страны к 2005 году. В первую очередь ВИЧ будет поражать молодежь и детей. После 2010 года станет реальной угроза вымирания до 40 процентов молодого поколения страны.

Прогноз этот можно оспаривать, можно считать, что цифры завышены: любой научный прогноз еще не данность. И пусть ученые спорят о цифрах. Но! Прогноз этот существует. Он может стать реальностью! Или нам «повезет» и цифры окажутся меньше — что, от этого легче? Ведь совершенно ясно, что советские люди, а главное — дети будут заражаться в больницах и в стоматологических креслах. И мы запланировали эти жертвы.

Счет идет уже не на годы и даже не на месяцы — меры должны быть приняты сегодня, сейчас. Можете ли вы, народные избранники, решать будущее страны, если только в наших больницах вирусом иммунодефицита заражено уже 270 детей? Или эта цифра кажется вам недостаточно страшной?

Видимо, нет.

Мы снова и снова вынуждены повторить: чтобы не осуществились самые страшные прогнозы, в течение двух, нет, уже полутора лет необходимо принять следующие меры:

1. Создать общенациональную государственную комиссию, возглавляемую Президентом СССР или Председателем Верховного Совета СССР, которая сможет принять срочные чрезвычайные меры по предотвращению глобальной эпидемии СПИДа в СССР.

2. Разработать и осуществить национальную программу по предотвращению глобальной эпидемии СПИДа в СССР. Придать этой программе один из высших государственных приоритетов.

3. Срочно разработать и осуществить конкретные подпрограммы в педиатрии, службе крови, хирургии, стоматологии, гинекологии и т. д., направленные на предотвращение массового заражения ВИЧ-инфекцией, полностью перекрыть «объективные» пути заражения ВИЧ — в больницах, поликлиниках, роддомах.

Самое неотложное:

а) Необходимо внедрить в производство высококачественные отечественные тест-системы для проверки на СПИД. На период внедрения закупить необходимое количество импортных тест-наборов.

б) Срочно изыскать валютные средства на закупку линий, производящих одноразовые медицинские изделия, с тем, чтобы «парк» производственного оборудования в СССР мог полностью обеспечить страну одноразовыми медицинскими изделиями. Для этого нужно, по приблизительным подсчетам, 284 миллиона инвалютных рублей.

А пока закупленные линии будут установлены и на них будет налажено производство,— на это время необходимо закупать за рубежом столько одноразовых медицинских изделий, чтобы в них не было дефицита. На это нужно в 1990 году 580 миллионов инвалютных рублей. Если за год не сумеем линии закупить и «запустить», придется и на 1991 год осуществить аналогичную закупку.

в) Срочно нарастить «парк» оборудования для производства презервативов, а тем временем закупать их за рубежом в достаточном количестве. Одновременно необходимо широко пропагандировать среди молодежи «безопасный» секс.

г) Наладить производство защитных средств для хирургов и других врачей — кольчужных перчаток, длинных акушерских перчаток и т. д. Пока производство не налажено, необходимо все это закупать.

д) Наладить производство одноразовых стоматологических инструментов. А пока закупать их в необходимом количестве. Для стерилизации инструментов многократного применения оснастить стоматологические кабинеты специальными стерилизаторами, которые не портят стоматологический инструментарий.

4. Резко интенсифицировать фундаментальные научные исследования и создать на их основе принципиально новые методы и средства диагностики, профилактики и лечения СПИДа. Для этого необходимо создать сеть специально оборудованных для работы с опаснейшими вирусами комплексных базовых центров, модернизировать имеющиеся лаборатории, обеспечить их необходимыми реактивами и приборами. А главное: привлечь к этой работе наиболее одаренных и продуктивных ученых и создать им условия финансирования, как это было сделано при разработке атомного проекта И. В. Курчатовым, А. Д. Сахаровым, Ю. Б. Харитоном.

Мы уже упоминали цифру, вычисленную учеными: после 2000 года ежегодные затраты на обслуживание эпидемии СПИДа могут превысить 3 триллиона американских долларов. Но есть два других пути. Первый — принять незамедлительные меры, не пожалеть средств сегодня.

Второй — по-прежнему делать вид, что ничего не происходит. Пусть каждый умирает в одиночку.

* * *

И еще об одном. Мы прекрасно понимаем, что благотворительный фонд не может спасти страну от глобальной эпидемии СПИДа. Но уверены: наш фонд нужен, даже если мы спасем хотя бы двоих — десятерых — сто... детей от заражения в больнице.

Мы делаем то, что в наших силах. С января нынешнего года получено и передано в конкретные больницы 7 миллионов одноразовых шприцев, 1 стерилизатор стоматологических инструментов, партия специальных хирургических перчаток, 20 тысяч одноразовых катетеров, 9 тысяч одноразовых систем для переливания крови; детское реанимационное оборудование для 2-й инфекционной больницы г. Москвы: сервовентилятор, аппарат «Искусственная почка», осмометр-онкометр, биохимический аналитический комплекс, дыхательный аппарат для новорожденных; заключен договор с фирмой «Машсырьеимпекс» о поставке за советские рубли 32 миллионов импортных одноразовых шприцев. Итого получено оборудования на примерную сумму 4 миллиона 100 тысяч долларов. Из пожертвований, собранных на благотворительном рублевом счету, начали выплату ежемесячных пособий детям, инфицированным ВИЧ. К другим статьям расходования рублевых средств фонда относятся: закупка одноразовых медицинских изделий (фонд прорабатывает сейчас несколько вариантов закупки одноразовых инструментов за рубли); вложение средств в производство медицинского оборудования; просветительская работа среди населения и медработников, в частности создание документальных и видеофильмов, издание плакатов и другой печатной продукции, создание выездных «курсов» повышения квалификации для медсестер (бригады медиков, выезжающие в отдаленные поселки, кишлаки и ведущие разъяснительную работу для медперсонала); финансирование эпидемиологических экспедиций для выяснения эпидемиологической ситуации в различных регионах страны, в частности создание бригад «быстрого реагирования», немедленно выезжающих в районы, где зафиксирована вспышка СПИДа; приглашение зарубежных специалистов для разработки совместно с советскими учеными прогноза распространения СПИДа в СССР и программы действий для предотвращения глобальной катастрофы.

На благотворительном валютном счету собираем деньги на закупку технологических линий по производству одноразовых медицинских инструментов и т. д.

Всю эту работу выполняют 9 человек, на содержание которых не тратится ни копейки ни из бюджета, ни из тех пожертвований, которые поступают на наш счет.

Однако по неизвестной нам причине Верховный Совет СССР не освободил от налогообложения не только сам наш фонд, но даже и те пожертвования, которые направляют нам обеспокоенные угрозой эпидемии люди. Кроме нашего, такой «чести» удостоен еще Фонд «Чернобыль». Зато освобожден от налогов Фонд милосердия и здоровья, который, как сообщалось в печати, содержит за счет пожертвований 600 аппаратчиков.

Освобождены от налогов и Советский Фонд культуры, и Советский Фонд мира, и Советский детский фонд. Может, все дело в том, что названные фонды созданы с благословения Совмина, а фонды «ОГОНЕК» — АНТИСПИД» и «Чернобыль» возникли по инициативе и воле самих людей, осознавших реальность нависшей угрозы? Выходит, Верховный Совет таких «самозванцев с улицы» не признает?

Мы вообще считаем, что в 5-й статье Закона СССР о налогах с предприятий, объединений и организаций должно быть сказано, что не облагаются налогом все благотворительные фонды, а не группа избранных — тогда в нашей стране и развивалась бы нормальная благотворительность, а не монопольная, с мафиозными началами. А пожертвования не должны облагаться налогом не только когда они в адрес избранных фондов или всех фондов, а вообще никогда. Разве пожертвование в адрес конкретного детского дома хуже, чем пожертвование в адрес, скажем, Детского фонда?

Надеемся, в будущем законы о налогообложении будут доработаны. Пока же благотворительный Фонд «ОГОНЕК» — АНТИСПИД» и Фонд «Чернобыль» настаивают на принятии безотлагательных дополнений к Законам о налогообложении, которые бы восстановили в правах эти фонды.

В. Т. Абубакиров, А. Г. Аганбегян, Ч. Т. Айтматов, А. И. Алова, Е. М. Альбац, Ш. А. Амонашвили, А. Ф. Быковский, А. И. Воробьев, Л. Н. Гущин, М. Я. Жидков, М. Ф. Жилин, Е. В. Зайцев, Г. К. Каспаров, В. А. Коротич, М. И. Коробков, М. В. Левин, Б. И. Леонов, А. Мень, Р. В. Петров, Г. Х. Попов, Е. Б. Рейн, Е. Д. Свердлов, В. И. Севостьянов, О. О. Сулейменов, Т. Н. Толстая, А. Х. Турсунов, С. Н. Федоров, В. С. Федоровский, В. Я. Цветов, А. М. Яковлев

ГОРЬКОЕ ЛЕКАРСТВО ДЛЯ НЕВЫ

Аркадий СОСНОВ
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Американская журналистка, приехавшая в Ленинград, нелестно отозвалась о нашей воде. Мол, она небезопасна для здоровья. Мне бы промолчать или отшутиться — так нет, попросил подтверждения. И получил — в форме выдержки из туристического буклета. Министерство здравоохранения США предупреждает: не пейте сырую воду в Ленинграде. Пить можно только кипяченую или бутылочную. То же относится к чистке зубов... Некоторые туристы, побывавшие в прошлом году в Ленинграде, вернулись домой со специфическим расстройством желудка.

В школе учили: «Чем знаменита Ладога? А собственно водою...» Но до того загадили этот чудо-водоем (крупнейший, чистейший в Европе!), что за последние 15—25 лет он переродился. Обширные участки акватории «зацвели», в придонных слоях — дефицит кислорода, болеет и гибнет рыба. Как следствие, вернулась гаффская болезнь — острый авитаминоз Б. Недавно директор Института озероведения АН СССР Владислав Румянцев, курирующий программу «Ладога», и вовсе огорчил: состояние озера ухудшилось, способность к самоочищению утрачена, объемы поступающих в него загрязненных сточных вод возросли.

Сколько ж можно твердить прописные истины: НЕ стройте объекты в водоохранной зоне, НЕ спускайте в озеро навозную жижу, НЕ сплавляйте лес по лососевым речкам... Да и на совещании, где выступал Владислав Александрович, сидели старые мои знакомые, завсегдатаи таких вот чинных и бессильных что-либо изменить семинаров. Говорят, научными рекомендациями по сбережению вод в чистоте, залежавшимися на полках чертежами вполне можно устелить дно Невы от истока до устья. Но ученые — народ невозмутимый. Они не забастуют: или внедряйте, или мы немедленно прекращаем творческий процесс! Они в основном констатируют...

Еще недавно мы были уверены: стоит указать источник загрязнения, измерить его вредоносность — с ним будет покончено! Поэтому так упорно стучалась общественность в стену экологической секретности. Стена дала трещину и стала рушиться, когда газеты впервые напечатали сводки о состоянии ленинградских водотоков.

Лекарство гласности оказалось отвратно горьким. Начать с того, что запущенность малых, самых беззащитных речушек, питающих Неву, превзошла худшие ожидания. Концентрация нефти в Екатерингофке в 37 раз выше нормы, в Оккервиле — в 100 раз! Тут понятие ПДК — предельно допустимой концентрации — утратило всякий смысл. Знаменитая Черная речка, где на дуэли стрелялся Пушкин, по классификации Госкомгидромета оказалась заурядно «грязной». Не уступали ей Ижора, Славянка, Карповка. Зато воды Охты характеризовались как «чрезвычайно грязные».

Мы узнали, что северные рукава Невы кишат — извините за каламбур — кишечной палочкой. Что 26 притоков Невы словно бы спорят за право отравить ее. Подхваченная многоводным потоком грязь, по счастью, разбавляется и несется к заливу, а там уж скапливается в отстойнике Невской губы с болячкой строящейся дамбы. Что ж, теперь оставалось назвать виновных и покарать их. Но легче назвать тех, кто к отравлению непричастен. Потому что среди отравителей были флагманы индустрии и мелкие котельные, кооперативные гаражи и предприятия горисполкома. Прошел месяц. Напечатали новую сводку. Черные речки не посветлели. Пролетел еще один. Город над вольной Невой жил столь же размеренно, изрыгая «под себя» миллионы кубометров грязных стоков.

Страшно даже не это хроническое «недержание грязи». Страшно, что мы привыкли к этому. Мы смирились с тем, что в невской воде постоянно присутствуют пестициды, которых ну никак не должно быть, а Обводный канал превращен в сточную канаву. Что Волковку удобряют совхоз «Шушары» и Ленмясокомбинат, поэтому летом у метро «Купчино» граждане затыкают носы.

И шоковые цифры загрязненности водоемов никого не повергли в шок. Оказалось, что можно — уже в пору экологической гласности — выпустить мазутный залп по невской протоке, испакостив сливные колодцы, откосы набережной, погубив бестолковых уток, и остаться безнаказанным. Или преспокойно смыть в Неву несколько тонн соляной кислоты. И заместителю главного санврача города Геннадию Колесникову останется лишь заметить: «Хорошо, хоть сбрасывают нефть — ее видно. А если это будет бесцветный яд, растворимый в воде?»

Привычка жить в грязи не менее заразительна, чем другие вредные привычки. Притерпелись же мы к давке в автобусах, к тоскливым очередям, к протечкам, к хамству, к пустым прилавкам, к обшарпанным фасадам, к плохим дорогам...

При всем том у нас растут дети. Они смотрят на нас с изумлением. А потом тоже привыкают. На Васильевском острове школьники (наивные, четвертый класс) встревожились за речку Смоленку, всю в мазутных разводьях и зелени цветущих водорослей. Вместе с учительницей биологии, они отобрали пробы воды. А пробы эти нигде не принимают. Или принимают, но не сообщают результатов анализа: вам не положено...

До сих пор Нева нас выручала. Так уж сложилось исторически: город использовал ее как гигантскую канализационную трубу. Еще в 1963 году в инженерных схемах очистные сооружения не предусматривались. Сегодня уже мы должны ее выручить: перехватить текущую в нее грязь и направить в городские очистные сооружения. Через два года их емкость позволит принимать все сточные воды Ленинграда. Но, чтобы подвести эти стоки, нужно взломать асфальт, врезаться в городскую подкорку и протянуть вдоль Невы коллекторы, сравнимые с тоннелями метро. Их прокладка займет 6—7 лет, примерно столько же времени понадобится, чтобы ввести очистные на предприятиях.

Как же нам быть? Повесить пломбу на Неву «Сток запрещен»? Взорвать дамбу?

С неизбежностью возникает проблема обезвреживания и обеззараживания огромных объемов сточных вод, утилизации граничащих с городом полей отравленного илового осадка. Над ее решением бьются специалисты Центра экологической безопасности (ЦЭБ).

Лично я ощутил слабый толчок надежды не помню на какой по счету общественно-научной горячечно-бесплодной конференции. И не в зале, где ораторы, сменяя друг друга, развешивали графики и таблицы, а в полутемной курилке... Директор ЦЭБа Владислав Донченко протянул мне две тяжеленькие, тускло поблескивающие гайки. Дал подержать и снова спрятал в карман. И вид у него при этом был немного загадочный.

Гайки эти, как оказалось, извлечены из грязи. Главный «поставщик» металлов в канализацию — производства печатных плат, цехи гальванических покрытий. Вот где в первую очередь надо внедрять замкнутый водооборот, безотходную технологию. Очищенные стоки возвращать в процесс, а ценные компоненты — извлекать. При этом можно получать перспективные материалы — металлокомпозиты, содержащие цинк, медь, никель, кобальт, хром... Так что

гаечки на ладони Донченко — сделанные из таких материалов — были не простые.

Я намеренно опускаю подробности. Эти гаечки (а могли быть резцы, пластины) — лишь намек на те выгоды, которые сулит экологически чистое хозяйствование. За последние пять лет в объединении «Сигнал» (один из заказчиков ЦЭБа) объем сточных вод на единицу продукции снижен в восемь раз. Представьте, насколько уменьшится нагрузка на городские очистные сооружения, последуй этому примеру хотя бы полсотни предприятий. Как раз на «Сигнале» и действует установка для очистки гальваностоков. Пока то лишь опытный образец, модель, встроенная в технологическую цепочку. А если создать типовую автоматизированную установку и тиражировать ее для родственных предприятий? Заманчиво. В городе за такую идею ухватились, организовали даже акционерную компанию. Так заявила о себе Экологическая ассоциация, в состав которой вошли крупные концерны, объединения, научные организации Ленинграда.

Среди других направлений ее деятельности — разработка, монтаж и наладка эффективных очистных сооружений, финансирование исследований по реанимации малых речек города. Много заявок от предприятий поступило на систему автоконтроля за выпуском сточных вод. Это своеобразная «защита от экологического дурака». Превышен заданный норматив — задвижка на трубопроводе закрылась. И никакой злонамеренный дурак ее не откроет.

Стало уже стереотипом: экология — забота неформалов. Но не вредно нам

присмотреться и к происходящему в официальных сферах. Ассоциация создана по инициативе Ленкомприроды. От нее же исходят импульсы к сотрудничеству с учеными, заводчанами. Опасения, что комитеты по охране природы станут еще одной безжизненной бюрократической структурой, в Ленинграде не подтверждаются. Напротив, Ленкомприрода «дает жизни» промышленным браконьерам и первые свои шаги отметила безжалостными штрафными санкциями. А ее двойная подчиненность — Госкомитету и горисполкому — позволяет действовать согласованно с местной властью.

К примеру, приглашают «отцы города» председателя Госплана СССР и договариваются с ним вот о чем: ни один, пусть распрекрасный, производственный корпус не поднимется на берегах Невы, пока на любом ленинградском предприятии данной отрасли нарушаются природоохранные нормы. Составлен совместный протокол, контроль возложен на Ленкомприроду. И с таким жестким подходом уже столкнулся Минавиапром.

А параллельно — куда более необычный визит. Город не поскупился на валюту, чтобы пригласить 89-летнего американского инженера Ростислава Небольсина. Уроженец Санкт-Петербурга, сын адмирала императорского флота, он покинул родные пенаты в 1917-м и с тех пор построил ряд высокоскоростных, компактных станций очистки и доочистки сточных вод в Италии, Испании, США. Он заявил о намерении передать землякам чертежи и рецептуру «начинки» этих станций. И в ответ услышал нечто нетрадиционное: хорошо, что «там» есть наши люди... Теперь их нет. Недавно Небольсина не стало.

В городе возникла критическая масса людей, в том числе среди ЛПР (лиц, принимающих решения), осознающих, что производство ради производства — абсурд, а на краю экологической трясины — абсурд опасный.

Дубинка штрафа — наиболее грубое средство экологического воспитания. Есть и более тонкие. На знаменательной экологической сессии Ленсовета было принято постановление: за сверхнормативный сброс сточных вод предприятия будут платить дополнительно. По стране такой порядок вводится с 1991 года, но мы ждать не можем. Для каждого абонента канализации (ну да, так они называются) установили лимиты сброса, разработали шкалу тарифов за превышение «законных» объемов и концентраций, вплоть до залпового сброса, утвердили методику анализа в Госстандарте, чин по чину заключили договоры — все для того, чтобы у потенциального нарушителя не было шансов в арбитраже. И поэтапно приводят механизм в действие.

— За первые два месяца на наш экологический субсчет перечислено около 300 тысяч рублей. Причем в соответствии с положением эти выплаты взимаются из прибыли коллективов,— рассказывала заместитель главного инженера «Ленводоканала» Татьяна Степаненко.— Считаете, маловато? Но это лишь начало. И потом, поверьте нашему опыту, плата должна быть реальной, чтобы ее можно было взять, и ощутимой, чтобы с ней не свыкались.

Я поверил, вспомнив рассказ одного бывалого хозяйственника: «Когда нам водная инспекция выставила счет на 116 миллионов, мы громко смеялись. Когда после всех согласований предложила выплатить 25 тысяч, было уже не до смеха».

Абонент канализации — это звучит гордо. Но, кроме 850 таких абонентов, у нас есть еще свыше двухсот предприятий, которые нахально сбрасывают отходы прямиком в Неву и ее притоки. С ними-то как быть? С ними имеет дело «Ленводхоз», организация, ведающая очисткой акваторий от нефти, дноуглубительными и другими санитарными работами. Так вот, «Ленводхозу» из двухсот с лишним клиентов платят 145, в основном мелкие и средние предприятия. Такие заводы-гиганты, как Кировский, Ижорский, «Большевик», платить отказываются. Не уважают «труд уборщицы». А загрязняют и воду, и воздух, как никто другой...

Болезнь запущена. Состояние «больного» тяжелое. В этом надо отдавать себе отчет. Как-то, адресуясь к одному ответственному товарищу, я сказал, что состояние Невской губы катастрофичное. «Предкатастрофичное»,— вежливо поправил он. Возможно, ему так легче, комфортнее. Но нельзя в нашем положении предаваться самообману. Просто и беспощадно выразил эту мысль Дмитрий Сергеевич Лихачев в письме к объединенному пленуму творческих союзов города: нечего и думать о возрождении Ленинграда, пока не выберемся из грязи.

Михаил ЛЮБИМОВ

И АД СЛЕДОВАЛ ЗА НИМ

РОМАН

Глава шестая,

ИЛИ БЕСЕДЫ О ЖИЗНИ И СМЕРТИ МЕЖДУ ФАУСТОМ И МЕФИСТОФЕЛЕМ ЗА БУТЫЛКОЙ РЯДОВОГО «ДЖОННИ УОКЕРА», КУПЛЕННОЙ НА ПОСЛЕДНИЕ ДЕНЬГИ ОБОЛЬСТИТЕЛЬНОЙ МАРГАРИТОЙ

«Столица Мекленбурга объявляет войну крысам

Город осажден армией крыс, численность которой, по приблизительным оценкам, составляет 2 миллиона, и кампания по их уничтожению, объявленная городскими властями, займет около трех лет. Стремительное размножение грызунов объясняется мягкими погодными условиями, установившимися в последние два года.

На следующей неделе специально сформированные команды начнут закладывать крысиный яд в канавы канализации».

Из газет.

Будильник на столе тикал и тикал, а мама все не приходила. В окна заглядывали крупные среднеазиатские звезды, от запруды, перегораживающей веселобегущие воды арыка, несло прохладой, а мама все не приходила, и напрасно я вслушивался в застывшую ночную тишину, вытягивая шею,— стук ее каблучков я различил бы за километр.

Вчера прямо около остановки бросилась под трамвай неизвестная женщина, я своими глазами видел кровавое месиво и красные лужицы у рельсов — ее свалили на носилки и потащили к машине, а мужчина в белом шел за ними, держа в руках отрезанную ногу, большой палец был перевязан, бинт развязался и дрожал на ветру, как белый флажок.

По вечерам в городе орудовали лихие молодцы, грабили и убивали не за понюшку табака, а днем торговали на барахолке краденым. И у нас во дворе собиралась мелкая шпана, играли в карты и лузгали семечки, а мы, пацаны, смотрели на все это с восхищением, смешанным со страхом. Мне покровительствовал двадцатилетний главарь с нашивками о ранениях и с золотыми фиксами, я доставал ему жмых и дарил немецкие зажигалки, присланные с фронта отцом; он рассказывал, что среди эвакуированных много богатеев, которые прячут горы золота, и что все это награблено у трудящихся и должно быть изъято.

У мамы не было золота, и будильник тикал и тикал, а она все не шла и не шла, и тогда я начинал молиться, стыдясь своей слабости. Боже, думал я, я не знаю, какой ты, но ты есть, я никогда не буду плохо говорить о тебе, я знаю, что ты очень хороший и добрый и помогаешь людям, сделай так, чтобы мама пришла, чтобы пришла побыстрее, сделай так, чтобы она не попала под трамвай, чтобы ее не тронули, сделай так, Боже, это не так уж много и тебе ничего не стоит, прошу тебя, чтобы мама быстрее пришла.

Так я молился, закутавшись в простыню и вслушиваясь в безмолвие душной ночи, которое изредка разрывал грохот трамвая,— сейчас застучат ее каблучки! — я знал, что веду себя постыдно и недостойно пионера, ибо передовые люди не верят в Бога, этим опиумом облапошивают дураков, но у меня не было выхода: никто не мог мне помочь, а я очень хотел, чтобы она вернулась побыстрее, и готов был на все, лишь бы она пришла.

И раздавались наконец знакомые шаги, и она целовала меня разгоряченными губами, пахнущими духами, вином и папиросным дымом, и я возмущался, что она задержалась, а она зачем-то еще больше укутывала меня в простыню, и я радовался, что она пришла, и забывал о Боге до очередного вечера и новых минут отчаяния, когда меня бросали одного в жестоком мире, где резали людей трамваи и убивали бандиты.

И еще я боялся скорпионов, которые водились в грудах саксаула, сваленного у стены комнаты, однажды один из них залез ко мне в постель, и я проснулся от скользящих по мне щупальцев и заорал на весь дом, а он в отместку укусил меня, и мама быстро сделала мне укол с противоядием.

А на следующий день она снова уходила, и я снова ждал и ждал, и молился, уже зная, что Бог мне обязательно поможет...

Я знал, что за ней ухаживал летчик-подполковник, лысый и похожий на щуку, который недавно ужинал у нас и пил из красивой заграничной бутылки,— он подарил мне верблюжий свитер, привезенный из оккупированного Ирана, но я не надевал его, я ненавидел подполковника и писал отцу на фронт большими закорючками: «Отец, отец, мы победим, мы разгромим фашистских гадов!» — и обещал громить врага примерной учебой и дисциплиной. Но мама снова уходила, и я снова молился, и однажды, когда казалось, что все уже кончено и она никогда не вернется, встал на колени на своей железной кровати, и она тут же вернулась, и я радовался, что научился ее возвращать, и утыкался носом в ее теплую грудь, и просил лечь рядом, и прижимался к ней, и тут же засыпал.

Жизнь крутилась, наплывала и уходила, щекотала нос и гудела морем. Витя шел по улице с дикторшей, предупредительно переводя ее за локоть через лужи, Маня проводил очередное совещание и с пафосом вещал о нерешенных задачах, а Челюсть сидел напротив него за длинным столом, крутил карандаш и одобрительно покачивал головой.

Если он наклонится над пропастью, ты можешь его подтолкнуть; спасибо, друг мой сердечный, за добрый совет, я специально приглашу его погулять по крыше собора святого Павла. Или полюбоваться, как сверкают монеты на дне прозрачного колодца.

— Кажется, он приходит в себя,— услышал я родную речь и не стал приходить в себя, пусть продолжается сон, но он не продолжался, голова разрывалась на части, теплая слизь обволакивала рот и к горлу подступала тошнота.

— Да, он приходит в себя,— повторил мужской незнакомый голос на том же языке.

Я открыл глаза и увидел Матильду и рядом с нею шатена с густыми волосами, сложения плотного, с крупным, чуть крючковатым носом и в очках. Я попытался встать и двинул рукой, но обнаружил, что мои запястья скованы наручниками.

— Прошу вас не предпринимать никаких действий, это повлечет за собой неприятности,— сказал Евгений Ландер, он же «Конт», вполне дружелюбно.— Все ваши документы находятся у меня. Тут же и ваша «беретта». Зачем, кстати, вы таскаете с собой такую громоздкую пушку? Вполне можно обойтись и браунингом. Итак, кто вы такой и как сюда попали?

Я молчал, делая вид, что не понимаю ни слова. Он повторил вопрос, и я ответил по-английски, что ничего не понимаю.

— Ах, я совсем забыл, что вы большой любитель конспирации,— сказал он на плохом английском.— Что ж, продолжим наши игры. Итак, Петро Вуколич, гражданин Югославии...

— Если у вас все мои документы, то, наверное, ваши вопросы не имеют смысла. И снимите наручники, обещаю вести себя спокойно,— попросил я.

— Только помните, что двери надежно закрыты и я хорошо вооружен,— предупредил он и снял наручники.

Я размял затекшие кисти.

— Почему же не имеют смысла? — поднял он брови.— В номере отеля «Шератон», где вы остановились, я обнаружил британский паспорт на имя Джона Грея и удостоверение на то же имя, выданное Скотланд-Ярдом. Там же в вашем «самсоните» найден баллончик аэрозоля с этикеткой дезодоранта «тобакко». Я опробовал его на кошке, и она тут же подохла. Интересно, зачем мистеру Джону Грею отравляющие вещества и оружие?

Накрыли меня классно, заманили дурака Алекса в мышеловку на кусочек вонючего сала, легкомысленный болван, хорошо, что голову не проломили и не пустили плыть по великому Нилу на радость крокодилам! Играл принц Гамлет на флейте, играл и доигрался: сам влез, идиот, в капкан, выслеживал, поил шампанским, дундук, растекался по древу, морочил голову своими фиглями-миглями, а профурсетка оказалась на несколько порядков выше и роль свою провела — что там Сара Бернар! Интересно, как он проник в «Шератон»? Впрочем, на этом восточном базаре любой европеец, более-менее прилично одетый, может попросить ключ у портье — кто помнит в лицо всех клиентов в этом небоскребе? Классно взяли, ничего не скажешь...

— Ну, если вы настаиваете, моя настоящая фамилия действительно Джон Грей. Я сотрудник детективной фирмы и прибыл сюда для розыска важного преступника.

«Конт» дико захохотал, даже его крупный нос пополз вниз и навис над раскрытым зевом.

— Что же это за важный преступник?

— Не совсем понимаю, почему я должен отвечать на ваши вопросы. Я иностранный подданный и нахожусь под защитой своих законов. Имейте в виду, что я уже был в британском консульстве, и именно сейчас они ожидают от меня телефонного звонка. Если его не будет, то начнутся поиски и у вас будут неприятности.

— Я могу позвонить в египетскую полицию,— заметил «Конт».— Она с интересом отнесется к личности Джона Грея, живущего в отеле по югославскому паспорту. Особенно сейчас, когда в каждом англичанине власти видят шпиона.

— Это ваше дело. Единственное мое преступление заключается в том, что я пригласил эту даму на ужин.

— Ну и фрукт! — сказал он по-мекленбургски.— Правда, Бригитта?

Моя Мата Хари улыбнулась, кивнула головой и поправила белый халат — галобею, которую не успел сорвать Петр. Я представил, как они хохотали до слез, вытряхнув из моего пиджака пачку «Черного Джека», и горькая обида захлестнула меня.

— Мне кажется, что Петро или Джон не будут обращаться в консульство. Зачем им обоим неприятности? Я думаю, мы можем поладить мирно...— сказала Матильда по-мекленбургски с небольшим акцентом.

Проклятая баба, бойся баб, они в нашем деле самый ненадежный элемент, говорил дядька в семинарии, они не только дома портят нам жизнь, они и как агенты вероломны и легкомысленны — бойся баб! Закрутят голову и оставят с голым задом!

— Не будем зря тратить время, Алекс,— вдруг сказал «Конт».— Вас никто не собирается убивать или мучить, я хочу лишь узнать причину вашего появления в Каире и в этом доме. Если вы не хотите отвечать, то можете идти на все четыре стороны. Но в этом случае я немедленно звоню в полицию и сооб-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37—41.

щаю, что на меня готовится покушение и что вы являетесь кадровым сотрудником мекленбургской разведки. Чтобы окончательно поставить точки над «і», добавлю, что мне известно и другое ваше имя.— Тут он произнес вслух святая святых, известное только узкому кругу лиц в Монастыре,— словно обухом ударил по голове.

— Рита, дай Алексу чистое полотенце и приличный лосьон — он ведь большой поклонник парфюмерии, я просто поразился, увидев у него в номере несметное число бутылочек...

— Ну, это не совсем так... но за лосьон спасибо! — ответил я улыбчиво — король оказался гол, факир пьян и фокус не удался.

— Вот и прекрасно.— Он протянул мне руку с обкусанными ногтями.— И давайте познакомимся! Евгений. Или лучше зовите меня Юджин. С тех пор, как я ушел, я вроде бы и имя свое там оставил...

Пожав руку заклятого врага, я вышел в ванную, испытывая даже удовлетворение, что все стало на свое место. Мягко гудела электрическая бритва, услужливо предоставленная мне коварной Матильдой, я смочил свои аскетические щеки незнакомым арабским лосьоном и решил приобрести пару флаконов этой тысяча и одной ночи для своей коллекции.

Голова с пока еще зигзагообразным пробором приходила в норму, и, поразмыслив перед зеркалом, я решил не играть в «кошки-мышки» и смело уйти под сень легенды, которую вдохнул в меня Великий Лыжник.

Хотя попал я в замазку и нос еще чуть побаливал от ласковых прикосновений, ситуация, по сути дела, оборачивалась вполне благоприятно: целеустремленному Алексу удалось наконец установить контакт, ради которого его и забросили в опасный Каир,— впрочем, не было ли это самоутешением подстреленного фазана, гордящегося тем, что из него на радость охотников сварили превосходный бульон?

Источая благовонные ароматы, я покинул ванную, надеясь прямо у дверей увидеть бдящего «Конта», терзаемого опасениями, что я либо удушился на крючке для полотенца, либо нырнул в унитаз и поплыл прямо до любимого Мекленбурга. Но оба заговорщика мирно сидели в гостиной.

— Прежде всего я хочу извиниться перед вами. Если бы не «беретта» в кармане, я, конечно, не прибег бы к таким крайним мерам...— заметил Юджин.

Откуда он знал о «беретте»? Ох, легкомысленный Алекс, глупая голова, разве ты не помнишь, что во время первого визита к Матильде повесил пиджак с револьвером в прихожей? Ай да Матильда! Бойбаба, прощупала карман на ходу, молоток, когда приносила кофейные чашки! Поделом тебе, кочан капустный с пробором, еще клички развешиваешь и издеваешься, именно ты и есть Задница, причем первая по величине в книге Гиннесса!

— Я всегда ношу оружие, когда выезжаю в места, где орудуют террористы.— Мы перешли на родной язык и я чувствовал себя, как в ресторанчике, что у памятника незабвенному Виконту.— Честно говоря, вы так хорошо знаете мою биографию, что невольно задумаешься, не занимались ли вы мною более плотно?

За моим игривым вопросом скрывались весьма основательные подозрения, не перестававшие мучить меня: а что, если меня бросают в костер так же, как бросили Генри и его пассию? Тут уже страхами не отделаться, пахнет хорошим сроком, хватит времени на изучение Гегеля или языка племени мяу-мяу, неужели и мною пожертвуют ради поимки зловредной Крысы?

Или это проверка меня американцами?

Все это очень походило на монотонное блуждание между Сциллой и Харибдой с завязанными шелковым платком глазами — не расплатиться бы потоками кровавых слез и выпущенными кишками, что ж, будем глядеть в оба, пусть каждый дергает за ниточки куклу-Алекса, не передергали бы только, не заигрались бы!

— Я вас не спрашиваю, зачем вы носите с собой оружие,— улыбнулся Юджин,— мне и так ясно, что вас направили сюда с совершенно определенной целью. Разве не так?

Он заложил в рот свою пятерню, накрыл ее своим крючком и начал вожделенно грызть ноготь на мизинце, словно после месячной голодовки дорвался наконец до пищи.

— Не говорите чепухи, Юджин,— ответил я спокойно,— разве вам неизвестно, что мы уже давным-давно не проводим «эксов»? Разве вы не знаете, что все «эксы» запрещены?

— И вы хотите заставить меня в это поверить? Мы всю жизнь шумим на всех углах о том, что выступаем против индивидуального террора, а на самом деле? Бросьте, Алекс! Мы живем в царстве беззакония! Интересно тогда, зачем же вы пришли ко мне? Хотели пригласить на осмотр пирамиды Хеопса?[1] Или попали в дом случайно, увидели Риту и влюбились в нее с первого взгляда? Как вы узнали мой адрес?

— Разве вы никому не оставляли его в Лондоне? — подкинул я, как сказал бы Чижик, наводящий вопрос.

— Не был там никогда и не собираюсь!

Игрок передо мною сидел класса экстра-люкс, на кого бы он ни работал — на янки, на Мекленбург, на Израиль или на самого дьявола,— метал карты смело и сейчас спутал все разом, с ходу отбрил Алекса: не был — и все тут! А если у «Эрика» ночные галлюцинации на почве старческого маразма, то место ему в комфортабельной богадельне, пусть беседует там с привидениями и не поднимает на ноги сразу две секретные службы!

— Значит, не были? — повторил я, ощущая свою беспредельную глупость.

— По-моему, вопросы задаю я. Мне не нравится, как вы себя ведете, Алекс! Вас взяли с поличным, а вы все крутите. Неужели мне придется вызывать полицию?

Он многозначительно указал на телефон и сделал грозный жест.

— Не волнуйтесь, Юджин, я как раз собираюсь все вам рассказать. И забудьте о покушении! Какой идиот будет пользоваться в этом пчелином улье «береттой» без глушителя? Ведь на звуки сбежится весь квартал!

— А аэрозоль?

— Я же оставил его в гостинице. Я был до этого в Бейруте, там ночью опасно ходить без оружия. Кстати, заряд аэрозоля не смертелен, просто вам попалась кошка, которая только и ждала удобного случая, чтобы издохнуть. Я не скрываю, что искал вас. Мне поручено провести с вами беседу.

— Что это вдруг за ветры повеяли в Монастыре? — удивился он.— Неужели мы превращаемся в буржуазную демократию? Переговоры с перебежчиком? Это неслыханно! И все же я вам не верю! Волков нельзя превратить в овец. Только ради Бога не предлагайте мне вернуться на родину! Не говорите, что мне все простят! Не предлагайте искупить свою вину здесь! — Он рубанул рукою воздух.

— Почему вы меня не слушаете? И я сомневаюсь, что вы отрезали все концы. Ведь у вас там семья...— Я искренне сочувствовал ему, совсем вошел в роль.

Он аж взлетел — словно джинн вырвался из бутылки в небеса:

— Не напоминайте мне об этом! Вот мерзавцы! Я же вижу насквозь весь ваш сценарий: если вы не вернетесь, семье создадут такие условия... да? Сучьи потроха — вот вы кто! Думаете провести на мякине старого воробья? А если обращусь в Международный суд, в Комиссию по правам человека ООН? Да если вы их хоть пальцем тронете, я такое устрою... я выплесну на страницы газет такое, что все вы позеленеете от злости! И не предлагайте мне никакого сотрудничества, и не обещайте златые горы!

Тут не ошибался уважаемый «Конт», наши уста всегда пели сладко и стелили мы мягко — много дураков клюнуло на эту удочку, иных уж нет, а те далече, как Саади некогда сказал. Я уже сгорал от нетерпения, уже жаждал швырнуть на стол свою козырную карту и предложить ему союз со штатниками, и увидеть застывшие от изумления глаза над его крупным, чуть крючковатым носом! Но Матильда слонялась по квартире, и я не хотел втягивать ее в наши маленькие тайны.

— У вас нет виски? — обратился я к ней, ласково поглядывая на мучительные колыхания груди под галобеей.

— Я не пью,— ответил за нее «Конт»,— а Бригитта иногда балуется кальвадосом, популярным у нее на родине, особенно до знаменитого добровольного присоединения к Мекленбургу. Я совсем забыл представить хозяйку дома. Для света она — Грета, а в жизни — Бригитта. Она эстонка.

Новая оплеуха Алексу от француженки с гастонским акцентом, даже не заподозрил этого проницательный Задница с Ручкой, тешился, напевал «Где же вы, Матильда?», охламон!

— Увы, кальвадос не выношу, и хочется хорошего виски. Может, мы сходим вдвоем, если вы не боитесь, что я убегу...— Тут я ностальгически вспомнил, как нам вечно не хватало одной капли во время тончайших бесед с Совестью Эпохи, одной капли, и мы, пошатываясь и придерживая друг друга, выходили вдвоем в магазин, залихватски шутили и с кассиршей, и с продавщицей, вступали в умилительные контакты с такими же ищущими и страждущими.— В крайнем случае идите один, а я посижу под дулом пистолета вашей прекрасной Бригитты. Кстати, чудесный монастырь в ее честь около Пириты в Таллинне...

Он с опаской поглядел на меня и задумался.

— Я дам вам денег,— облегчил я его мучительные думы.

— Риточка, сходи, пожалуйста, за виски. Денег не надо, будем считать, что это компенсация за причиненный ущерб.

Бригитта, не произнеся ни слова, тихо удалилась, и мы остались одни.

— Извините, Юджин, что я пошел на этот трюк, но я хотел поговорить с вами строго тет-а-тет.

— Я так и понял, ибо вы не похожи на человека, которому настолько претит кальвадос...

Я проглотил эту колкость, хотя сделал в памяти еще одну зарубочку: «Конту» известны и некоторые, сугубо интимные особенности покорного слуги, хотя, конечно, глаз Матильды — Маты Хари без труда мог зафиксировать количество шампанского, выпитое кавалером с «Черным Джеком» в кармане во время плясок слонов.

— Прежде всего я хотел бы развеять ваши опасения. Дело в том, что я уже не работаю в Монастыре. Некоторое время назад я попросил политического убежища и связал свою судьбу с американцами.

Он встал и прошелся по комнате, пытаясь скрыть свое изумление. В наступившей паузе заголосили английские напольные часы.

— Как вы можете это доказать? — Он даже охрип от неожиданности.

— В этих обстоятельствах подобные вещи недоказуемы. Даже если я предъявлю вам свое письменное обязательство работать на американцев, вы мне не поверите. Кстати, у меня точно такие же основания не верить и вам. А что, если весь ваш переход на Запад — лишь умелая комбинация Монастыря?

Я внимательно следил за его реакцией, хотя, конечно, не верил, что актеры такого класса прокалываются, как воздушные шарики. Он снова сел и улыбнулся милой, даже застенчивой улыбкой — снова играл со мною бес, возбуждая симпатии к проходимцу.

— Что ж, пожалуй, вы правы... это несколько новый оборот дела. Вы хотите сказать, что направлены сюда американцами?

— Совершенно верно. Они просили меня установить с вами контакт.

В этот момент хлопнула входная дверь и явилась бодрая Матильда с пластиковым пакетом, из которого торчало горлышко всего лишь восьмилетней выдержки пойла «Джонни Уокер», которое я брал в рот только в отпуске дома, застряв в безальтернативной сивухе.

— Я ведь раньше много пил, но после разрыва с прошлым решил поставить на этом точку. Слава Богу, смог это сделать без врачей. И чувствую себя прекрасно, совсем не тянет. Разве в нашем Мекленбурге нормальный человек может не пить? Что ему еще остается?

Этого конька славно объезжал Совесть Эпохи, точно знавший, сколько ученых, артистов и поэтов спилось в Мекленбурге за последние два века, себя он по скромности в этот список не зачислял.

— У вас нет бокала из тонкого стекла? — закапризничал я совершенно искренне.

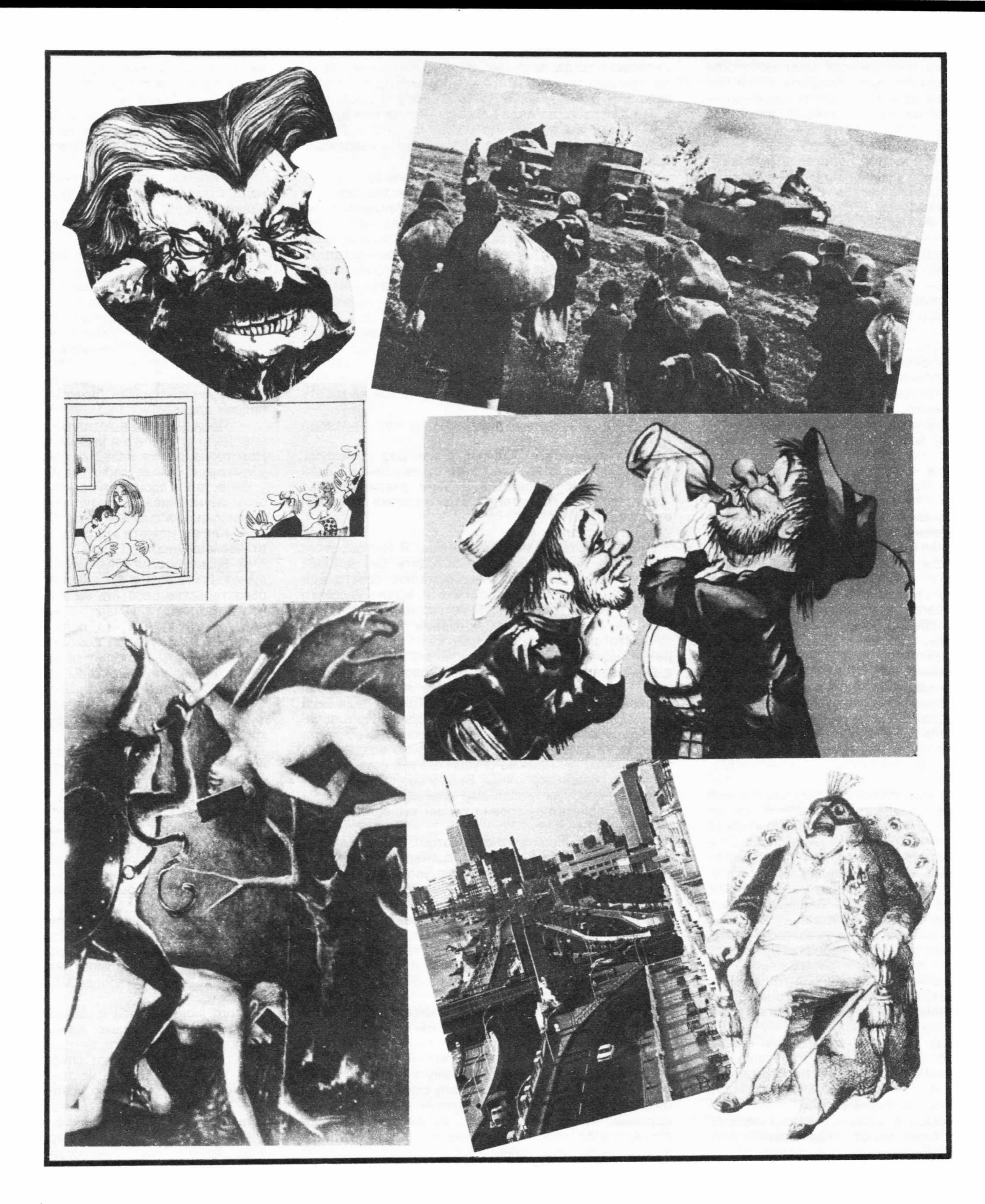
— Да вы эстет! — Он поставил передо мною довольно симпатичную чашу с изображением горы, очень похожей на Химмельсберг в Дании, где я однажды целую неделю, изнемогая от безделья, ожидал прибытия агента из соседней Швеции.

Виски мгновенно затянул кровоточащие раны, сосуды надулись и запели бравурный марш, распустились бутоны души и весь мир опять предстал странным, закутанным в ночной туман. В полированной глади буфета отражалась обаятельная физиономия, правда, пробор своей неухоженностью больше напоминал Кривоколенный переулок, смоченный струями поливальной машины, а не тщательно убранный Невский проспект, прямой и честный, как вся наша История.

Я достал из пиджака алюминиевую расческу (презент от продавщицы[2] из южного городка, где герой восстанавливал свое разрушенное здоровье, подпольная кличка Каланча,— вершины всегда звали меня на альпинистские подвиги,— бушевал июль, санаторные церберы бессердечно запирали двери в одиннадцать, в номер приходилось влезать в окно, коллеги встречали меня похабными улыбками и снимали со штанов колючки) и, аккуратно отделяя друг

[1] Интересно, сколько времени надо лететь с верхотуры вниз, пока не достигнешь любимой Земли?

[2] Всегда уважал парикмахерш, продавщиц, стюардесс, чего и всем желаю!

от друга каждую волосинку, прочертил сквозь жесткие кущи безукоризненную, как собственная жизнь, линию.

Юджин между тем совершенно расслабился, словно и не совал совсем недавно мне в нос вонючую тряпку с отравой.

— Рита, покорми Алекса, чем можешь! Вы не хотите свекольника? Он стоит уже два дня и от этого стал еще вкуснее. Рита готовит его чудесно, кладет массу огурцов, лука и травки. Добавляет сметаны! Уверен, что вы давно не пробовали такой вкуснятины! — Сказал он это подкупающе.

Вот оно как случается в жизни: Бритая Голова, слуга царю, отец солдатам, товарищ по оружию, ничего не вызывал у меня, кроме неприязни и страха, а этого сурка, заложившего не одну резидентуру и достойного вышки, этого негодяя, заманившего меня в сети, хотелось дружески потрепать по плечу. Почему он сбежал? Некорректно работал, запутался в сетях, расставленных контрразведкой? Или просто плюнул на все, пришел в полицию и сдался? Только не надо громких фраз о свободе и демократии, о попранных правах мекленбургского человека — все это так, но не причина для предательства родины. Неужели его потянули заваленные снедью, фраками и мокасинами витрины? Мой друг Аркадий, дорогой Юджин, прошу тебя, не говори красиво и не вздумай уверять меня в том, что мы все жертвы нашего несчастного строя, и поэтому ты логически пришел к заключению... все равно не поверю ни единому слову! Не изображай жертву, Юджин!

А он и не изображал и совсем отвлекся от нашего разговора (представляю, как ему хотелось узнать о цели моего прихода!), впрочем, при Бригитте возобновлять его было сложно.

— Рита, а где у тебя селедочка в банке?[3] Она стояла в холодильнике, я сам видел. Селедочка, между прочим, наша! — Как будто два старых друга заскочили на огонек к подруге дней своих суровых, старушке дряхлой лет тридцати и разводят шурымуры, треплются от нечего делать.

— Ешьте свекольник, ешьте на здоровье! — И я окунул ложку в малиновую массу, вполне достойную рекламы.

Пока я вычерпывал из тарелки дары земли, Юджин вертелся на стуле, что-то напевал под свой крючок и мотал наброшенной на колено ногой в остроносом ботинке — крике парижской моды прошлого века.

— Как сложно мы живем, Алекс! — Он перескочил с тем прозаических на темы заоблачные.— Ведь при царе самый радикальный эмигрант отнюдь не становился оружием в руках разведки другой страны. Наоборот, и английские, и французские службы помогали преследовать революционеров...

— Вы считаете себя революционером? — Я нако-

[3] Опять задушевный тон, словно дома на заледеневшей улице спрашивают, обратив страждущий лик: «Отец, как пройти в винный магазин?»

нец вылез из тарелки со свекольником.

Ничего себе революционер! Все-таки каждый в своем глазу и бревна не видит, воображает о себе черт знает что, так и я, наверное, кажусь самому себе национальным героем, а на самом деле мало чем отличаюсь от кривоногого филера или громилы-рецидивиста.

— Не дай Бог! — Он аж подпрыгнул.— Не оскорбляйте меня. При одном упоминании обо всех этих робеспьерах и лениных у меня начинается аллергия. Я не о том. Просто раньше эмиграция не означала автоматически перехода в стан вражеской державы. Все революционеры стояли по одну сторону баррикад, а власти — по другую. Англичане помогали царской охранке разрабатывать Герцена. А сейчас... Нет места свободному человеку: или — или! И даже если вы сами настолько отважны, что можете отвергнуть прямые предложения, скажем, американской разведки, то все равно она вас может легко использовать «втемную». Вы и знать об этом не будете. Подставит вам дружка — агента, которому вы поверите, а вы, допустим, независимы, и заклятый враг Мекленбурга, и вообще гений, строчите себе статьи или книги, а друг вам помогает устроить их публикацию. Вы радуетесь, а потом узнаете, что давно работаете на американскую разведку и ваши издания субсидируются ЦРУ. А если вы проявите характер, глядишь, и местные власти откажут вам в виде на жительство...

— К чему вы об этом? — Странные проблемы мучили его.

— К тому, что я ненавижу шпионаж! И ни с кем не хочу сотрудничать! Ни с вашими, ни с нашими! Слышите? Ни с кем! Лучше я вернусь в Мекленбург на верную смерть!

Мое предложение, видимо, задело его, и он его переваривал, словно гвоздь, попавший в желудок. Валяй, валяй, предатель Мазепа, думай о своей судьбе, очень хорошо, что ты понимаешь: никуда тебе не деться, в любом месте подкатимся к тебе, нарушим твой призрачный покой. Думал до конца жизни преспокойно жить в Каире и жрать свекольники своей эстонки?

Бригитта унесла тарелку и супницу, она переоделась в розовую блузку и сняла очки, мигом потеряв свой вопросительный вид. Мягкая улыбка бродила по полным губам, под блузкой неутомимо подрагивала грудь и просвечивали широковатые плечи, находившиеся в неразрешимом конфликте с узкой талией,— дальше кисть Леонардо Алекса не осмеливается сползать: мстительная природа подарила ей кривые ноги, обросшие, как у фавна, темными волосами. Юджин послал ей вдогонку многозначительный взгляд, который она правильно прочитала и оставила нас вдвоем.

— Не хотите ли вы сказать, что перешли на сторону американцев? — Видимо, не до конца дошли до него мои объяснения.

— Совершенно верно.

— Знает ли об этом Центр?

— Разумеется, нет.

— И вы не боитесь? А вдруг это станет известно?

— Конечно, боюсь. Но риск есть риск.

Он хмыкнул и прошелся изгрызанными ногтями по своим волосам.

Чеши, чеши голову, уважаемый Юджин, только не думай, что тебе удастся снова провести лису Алекса! Так я и поверю, что ты не связан ни с какими спецслужбами, а просто честный Дон-Кихот, внезапно возненавидевший шпионаж! Ломай, дружок, комедию. Как там вмазал юный принц Розенкранцу и Гильденстерну, игравшим на нем, как на флейте? «Вы собираетесь играть на мне; вы приписываете себе знание моих клапанов; вы уверены, что выжмете из меня голос моей тайны; вы воображаете, будто все мои ноты снизу доверху вам открыты».

— Интересно, как вы узнали, что я нахожусь в Каире? — спросил он.

За какого дурака он меня принимал! Ломать Ваньку таким наглым способом! Неужели он считал, что его ночной визит к Генри мог остаться незамеченным? Что Генри испугается и не скажет мне ни слова? Валяй, валяй, запутывай меня, пудри мне мозги! А вдруг он действительно не врет и никогда не был в Лондоне? Вдруг это чистейший Фауст, с которым ведет беседу коварный Алик — Мефистофель?

— Что мы толчем воду в ступе? Давайте решим главный вопрос. Поедете ли вы в Лондон или нет? — Я нажимал на него как мог.

— Значит, вы не можете доказать, что выступаете от имени американцев? — снова спросил Фома неверующий.

— Я готов связать вас с ними, если вы выедете в Лондон. Как говорили великие, для доказательства существования пудинга его необходимо съесть.

Я покрутил бокалом, вглядываясь в очертания горы (в Химмельсберге я забыл поставить на тормоз машину и она скатилась на основную магистраль — полиция тут же отбуксировала ее к себе на участок и с меня потом содрали огромный штраф, хорошо, что не начали разыскивать и не накрыли на встрече с агентом),— лед уже растаял, и виски приобрел милый сердцу мочеподобный цвет.

— Допустим, я вам верю. Но что конкретно предлагают мне американцы?

О, святая простота! Что же тебе предлагают американцы? Контрольный пакет акций в «Дженерал моторс», роль вождя индейцев в ковбойском фильме. Что еще могут предложить тебе, мой невинный друг?

— Естественно, вас допросят, снимут всю информацию... дадут какую-нибудь работу по линии разведки. Не сомневаюсь, что получите хорошую зарплату...

Некоторое время он раздумывал, потом вдруг вышел из комнаты и вернулся с Бригиттой, снова водрузившей на нос свои вопросительные очки.

— Я хочу, чтобы ты слышала, Рита. Он говорит, что он не мекленбургский боевик, а американский агент. Как тебе это понравится? Он предлагает мне сотрудничество! Как они все одинаково устроены, как у них у всех все просто! Ведь он не поверил, что я все это ненавижу, решил, что ломаюсь, набиваю цену! Говорит, что платить будут неплохо! Поедем в Лондон, Рита?

Я злился, что он втянул в это дело свою бабу,— зачем нам лишние люди? Терпеть не могу этих слизняков, быстро попадающих под новый каблук и ни шагу не делающих без совета со своими благоверными. Бригитта молчала, как та самая Валаамова ослица (никогда на картинках не видел это библейское существо, но представлял, как оно упирается копытами в дорогу, стискивая зубы и выкатывая красные от натуги глаза).

— Вот так, дорогой мой. Как говорят англичане, There is nothing more to be said[4]. Извините, Алекс, я ничего не имею против вас, понимаю, что это не ваша инициатива, но никуда я не поеду!.. Как вы меня разволновали! Даже выпить захотелось! Как жаль, что я завязал!

Я молча ему посочувствовал: не хочешь — и не надо, расстанемся, как в море корабли (снова вспомнилась почему-то парикмахерша Каланча и расставание навеки под песню «Не уходи, побудь со мной еще немного», в глазах у нее стояли слезы, но жизнь моряков всегда в море — я выдавал себя за судового врача), насильно мил не будешь. А вдруг это действительно одинокий Фауст, ищущий истину?

— Не спешите, подумайте. Неужели вам хочется жить в Каире? Сегодня преподаете, а завтра будете подметать улицы!

— Лучше уж дерьмо жрать, чем на вас работать! — сказал он с подкупающей прямотой,— это острое словечко любил Сам и употреблял его иногда на совещаниях для характеристик самых неистовых врагов Мекленбурга.— Извини, Рита!

И тут я вдруг понял, что он не играет, а говорит без всякой задней мысли и самое главное, я с ужасом осознал, что миссия моя закончена, возвращайся в Лондон, товарищ Том, докладывай о срыве вербовки. Как будет реагировать Хилсмен? А если это не проверка? Думай, думай, мудрец Алекс, не зря дядька в семинарии считал тебя сообразительным парнем («Этот Алекс, как уж: всегда найдет способ соскочить со сковородки!»), не зря хватал ты самые большие очки на тестах!

И не ошиблись, коллеги! Упало ньютоново яблоко на гениальную голову, озарило мятущиеся мысли.

— Напрасно вы отказываетесь, ведь штатники дадут вам не только деньги. Они обещают помочь вызволить семью из-за занавеса.

Сказал и подумал: а на черта ему семья? Если он попросил убежища, то уж наверняка семь раз примерил, прежде чем отрезать. Кем ему доводится Бригитта? Может, он и рад, что отделался от своих чад и домочадцев?

Но он оживился.

— Вот как? А как они смогут помочь? Кто же пойдет на воссоединение семьи предателя?

Конечно, никто, уважаемый сэр. Собаке собачья смерть. Если враг не сдается, его уничтожают. Вырвем с корнями гадючью поросль.

— Американцы — деловые люди. У них есть что предложить Мекленбургу взамен. В конце концов обменяли же Пауэрса на Абеля, а Лонсдейла на Винна...

— Ну, это из другой оперы... Что-то я не очень в это верю.

— Знаете что,— продолжал кот Алекс, распушив хвост,— я могу и уйти! — Тут я встал и залпом допил виски.— В конце концов я не могу вам ничего навязывать. Не хотите — и не надо! — И решительным шагом двинулся к двери.

Нервы у него не выдержали.

— Черт возьми! Да садитесь же! Вы меня разволновали...— Он взглянул на бутылягу скотча, а потом на Бригитту, которая стояла, прислонившись к стенке, и внимала нашим речам.— Может, мне развязать, Рита? Хотя бы на сегодня?

У него было такое страдальческое лицо, даже нос уменьшился от переживаний, жалость проснулась во мне, будто я сам завязал и пёр на горбу целый мешок неразряженных нервов, жаждущих окунуться в ведро водки и вырваться на вольные просторы.[5]

— Выпейте немного, все-таки сегодня у вас обоих было много впечатлений! — Благостная Матильда кивнула головой.

— Ах, как я пил в свое время! Как я пил! — говорил он, со смаком наливая в стакан виски и закладывая туда лед.— Знаете, Алекс, сейчас я не успеваю жить, я думаю о сне, как о печальной необходимости и, засыпая, уже с нетерпением ожидаю утра. А было время, когда от пьянства я уставал жить и мечтал заснуть пораньше, чтобы не видеть ни знакомых лиц, ни телевизионный ящик, чтобы ничего не слышать, ничего! Напиться и свалиться в постель! — Он сделал большой глоток.

Щеки Фауста сразу порозовели и крючковатый нос принял благообразные формы.

Он выпил до дна и даже поперхнулся от счастья.

— Что вы знаете обо мне? Небось получили циркуляр: сбежал предатель, неприятный толстяк с висячим носом, правда, Рита? Иуда, законченный подлец, переметнувшийся к врагу... Вы спрашиваете: почему? Да я никогда бы в жизни на это не пошел, если бы... если бы...— Он налил себе виски до самых краев, разбавлять, видимо, так и не научился.— Да... вы меня заинтриговали... Я бы никогда не ушел, но мне грозила смерть! Вы действительно думаете, что можно вызволить семью? Скажите, а если я соглашусь на сотрудничество, я мог бы определить его рамки? Я не хотел бы выдавать людей, но я могу писать... в газеты, это все-таки не шпионаж? Могли бы американцы помочь мне организовать газету? Я бы такое написал...

— Думаете, что в этом случае наши не будут на вас в претензии? — съязвил я.

— Плевал я на ваших, дело во мне самом... Ненавижу я ваших...— И Фауст засосал хорошую дозу скотча.

— В Лондоне вы будете в безопасности, вам организуют негласную охрану. Кстати, сколько вы получаете в каирском университете? Что вы там делаете?

— Как ни смешно, преподаю мекленбургскую историю... платят гроши, но нам хватает, спросите у Бригитты. Вот пиджачок, вот брюки, ем я скромно, пытаюсь худеть. Машина мне не нужна, пользуюсь машиной Риты, женщина она добрая и сравнительно состоятельная.

Он взял руку Бригитты и прикоснулся к ней губами — виски уже затуманил ему голову.

— Вы самоуверенны, Алекс, и это, конечно, хорошо... Но вы ничего не знаете обо мне, я ведь в отличие от вас не со стороны пришел в службу, я ведь белая кость, я ведь вырос в шпионской среде... и, если угодно, с пеленок впитал дух организации... Что вы поднимаете брови? Не знали? Не пейте много, а то не запомните, вылетит все из головы. Послушайте меня! А насчет американцев и вашего предложения... я подумаю. Если честно, не нравится мне это!

Хотелось трахнуть его кулаком по голове, как по мекленбургскому телефону-автомату, в котором застряла монетка,— так надоели мне эти рассусоливания; сказал бы просто: берите билеты в Лондон, Алекс,— и точка! Но я налил себе виски и сделал вид, что меня дико интересуют все его дурацкие россказни.

[4] **Не о чем больше говорить.**

[5] **Завязки не были чужды жизнелюбу Алексу, очищавшему временами свой мотор от шлаков и грязи,— о литр теплой воды и целительные клизмы! О два пальца в рот! о яблочная диета! о молоко до судорог, утренние пробежки, пятьдесят отжимов от пола, эспандер и снова клизма — лучшее лекарство от всех недугов! И тихая счастливая жизнь без алкоголя неделю или две! Как писал святой Августин: «Даруй мне чистоту сердца и непорочность воздержания, но не спеши, о Господи...»**

Продолжение следует.

УСЛОВЛЕННЫЙ ЧАС

Натан
ЗЛОТНИКОВ

СРЕТЕНЬЕ

Почудилось во сне, что я тону.
А это облака ушли ко дну,
И длинных волн негромкие качели
Качнули горизонт туда-сюда —
Повылетали птицы из гнезда,
Сорвались ветры с гор,
со льдов — метели.

Упали искры со своих костров.
И только краски старых мастеров
Незыблемы в глуби холстов,
пейзажей,
Свежа соединившая их страсть —
Ее убить пытались, и украсть,
И кислотой травить, и мазать
сажей.

Узрел я свет на тех холмах земли,
С которых люди медленно сошли
В густую воду нового закона.
Вновь обращенным заповедь Христа
Предстала и сурова, и проста,
Как византийского письма икона.

Но мне две тыщи лет невмоготу
И кротость Божью знать, и красоту,
Не в силах знать вины своей
причины.
И разве так уж мал земной погост,
Откуда в Лету протянулся мост —
К прозреньям, что даются в миг
кончины?

Толпа, первосвященники, Пилат,
Погромщики, звериной злобы чад
Так утомили, что испить охота
С евангельского первого листа
Воды днепровской горсть, пока
чиста,
Как Аввакума взгляд иль
Дон Кихота.

Однако средь далеких Палестин
Случилось то, что разум
не вместил.
Да и кому дано вкусить от чаши,
Где светят звезды всех семи небес,
Где Гефсиманский сад и Русский
лес
Вошли друг в друга, словно
судьбы наши?

МИЛОСЕРДЬЕ

Геннадию Головатому

Друг ко мне приезжал и рассказывал о Головатом,
И себя ощутил я и немощным, и виноватым.

Пустяковой деталью немыслимого агрегата,
Что справляется с ролью свидетеля, стражника, ката.

И тогда, как фундамент спит на бесцементном растворе,
Нету продыха для бескорыстья, сидит вор на воре,

Капитальные стены охвачены гибельным креном,
Все просвечены разом чернобыльским острым рентгеном.

И тогда, как на прялках веков истощились кудели,
Закрома, и покосы, и недра когда оскудели,

Может, что и осталось без накипи грязи и ржави
В нашей гордой, громоздкой, давно несчастливой державе —

Это люди, что тьму одолели и мощью, и духом,
Не бессмертные, нет, а кто умер — земля ему пухом.

Ведь при жизни была она тверже замшелого жмыха,
Тверже нерчинских нар, и московской брусчатки, и лиха.

О, не жалует те она души, что с жалостью вместе
Не забыли о слове сыновнем, о долге и чести.

Бог мой! Те, кого так унижали, неволили, били,
Эту грешную землю прощали светло и любили,

И разлуки навеки страшились не с жизнью, а с нею,
Зная цену жрецам и не слушая их ахинею.

Но пока не любовь дорога — лицемеров усердье,
Нет надежды земле этой сирой. И нет милосердья.

В ТЕНИ КОСТРА

Все явственнее, все заметней
Погромный смысл статей, речей.
За грязным анекдотом, сплетней
Открыт простор, пока ничей.

Худых предчувствий, час не ровен,
Густеет сумрак над страной,
Перед которой я виновен,
Как перед матерью больной.

О Господи, чего же проще,
Дай обездоленным меня —
Они уже не просто ропщут,
А жаждут крови, кистеня.

Их обобрала камарилья,
Чиновной своры саранча,
Она и подрезает крылья
Парламентского кумача.

Усердствует, страшась ответа,
И, вторя опыту веков,
Вновь на фальшивую монету
Громил вербует, простаков.

Звучи, прелюдия разбоя,
Россию бедную дразни,
Чтоб сделать вновь ее рабою
Обмана, нищеты, резни!

УСЛОВЛЕННЫЙ ЧАС

Ждут условленного часа
Рыцарь финки и плаща,
Заговорщик, рубщик мяса
И девчонка трепеща.
Этот час, чреватый болью,
Низкой тайной, дележом,
И закланьем, и любовью,
И беспечным кутежом.

По старинному закону
Час пришел и был таков,
Только он лишь внемлет звону
Чарок, слов, монет, оков.

Только он, из общей доли
Выбрав судьбы на авось,
Угадал причину, что ли,
Жизни, жизнь пройдя насквозь.

Только он не хочет порознь
Метить в нас, хмельной слегка,
С мушкой совмещая прорезь
На прицеле у стрелка.

Татьяна БЕК

* * *

Тебя любили — ты не верил им...
Кусты шумели, как скитальцы.
Пространство разминулось
с временем —
И время утекло сквозь пальцы.

Таких не взять руками голыми:
Тут узел мужества и лени..
О, не героями — изгоями
Держалось наше поколенье!

Герой слагал восторги
к празднику —
Его подкармливал хозяин.
А ты завертывался в классику,
Суров, и нищ, и неприкаян.

Кусты, кусты,
о чем вы плачете,
Читая улицу как сводку?
Вон юноша в коротком плащике
Ломает общую колодку,

Чтобы простор прижался к времени
(Не быть бы срыву
иль осечке!..),
Чтоб жизнь
с разбитыми коленями,
Как девочка,
спустилась к речке...

* * *

А. Г.

Вот и кончена разлука.
Ливнем разразилась тишь.
Школьная моя подруга,
Ты на родине гостишь.

Умница и балаболка,
Не озлобившая дух,
О, как страшно,
о, как долго
Мы не говорили вслух!

Горбоносая пичуга,
Не желая быть чужой,
Ты тогда ушла из круга
И взлетела над межой.

...Сгинул Славка, умер Вовка,
Оступившись на лету,—
Те, кто звал тебя «жидовка»
И любил за доброту,

И гулял с тобою в слякоть...
Знаю:
прилетев домой,
Ты ночами будешь плакать
Над могилой и тюрьмой.

О, как время губы студит,
Будь то север или юг...
Никогда уже не будет
У меня таких подруг!

Но рыданье успокоив
В этом горе и тепле,
Я скажу, что нет изгоев,
Нет изгоев на земле.

* * *

Гостиничный ужас описан...
Я чувствую этот ночлег.—
Как будто на нитку нанизан
Мой ставший отчетливым век,—

Где кубики школьного мела
Крошились, где пел соловей,
Где я ни на миг не сумела
Расстаться с гордыней своей,

А вечно боялась подвоха,
И на люди шла, как на казнь,
И, страстью горевшая, плохо
Хранила простую приязнь,—

Любимый! ...А впрочем, о ком я?
Ушел и растаял вдали.
Лишь падают слезы,
как комья
Сырой похоронной земли.

Но главное: в пыточном свете,
Когда проступают черты,
Мои нерожденные дети
Зовут меня из темноты:

«Сюда!» — погодите до срока.
А нынче,
в казенном жилье,
Я проклята. Я одинока.
Я лампу гашу на столе.

* * *

Далеко, за кустами жасмина
Юность темная, как мезозой,
Где на все ваши «вольно» и
«смирно»
Отвечала я страшной грозой,—

Так боялась вмешательства!
(То есть
Посяганий, советов, облав.)
...Я не знала, что главная
доблесть —
Сохраниться, с людьми не порвав.

Илья ЦЕНЦИПЕР

АПОЛОГИЯ ПРОДАЖНОГО ИСКУССТВА

Есть для нас что-то дискомфортное в выражении «торговля искусством».

В нашем общественном сознании искусство и деньги, талант и успех исключают друг друга. Истинный гений должен ютиться в мансарде, вечно пьяный шататься по почитателям, в полубезумии мазать пальцами краску на скатерть, умирать под забором. И тут-то — ах! — цены летят вверх, музеи наперебой гоняются за божественными клочками скатерти, старые друзья выступают на вернисажах и дают интервью, где покрывают позором стыдливо жмущихся в углу аппаратчиков.

Вот уже более ста лет, как романтический «ван-гоговский» миф стал достоянием широких кругов общественности.

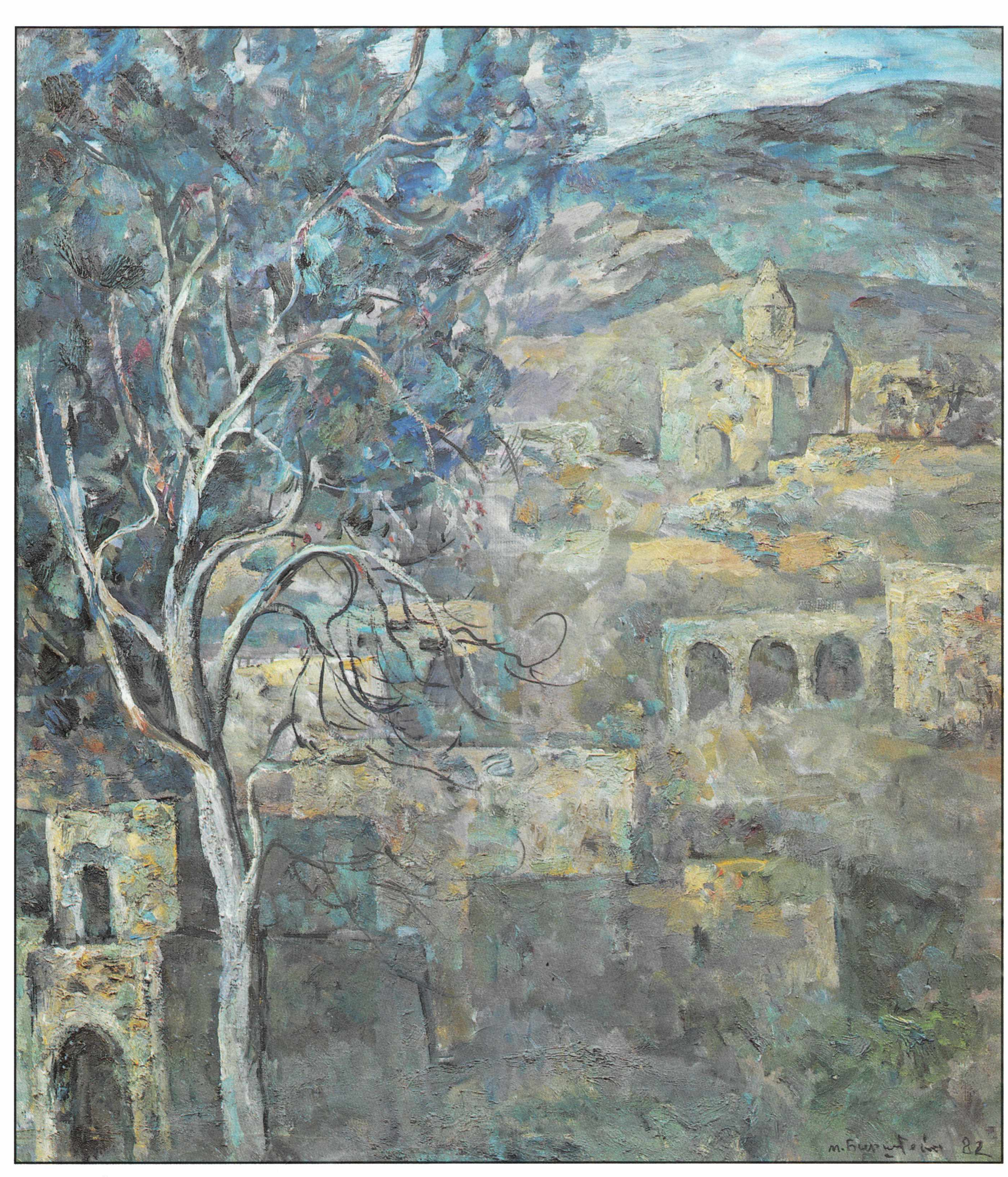
На самом же деле (то есть там, за границей) все давно обстоит по-другому. Возьмите какую-нибудь книжку по истории искусства на Западе после вой-

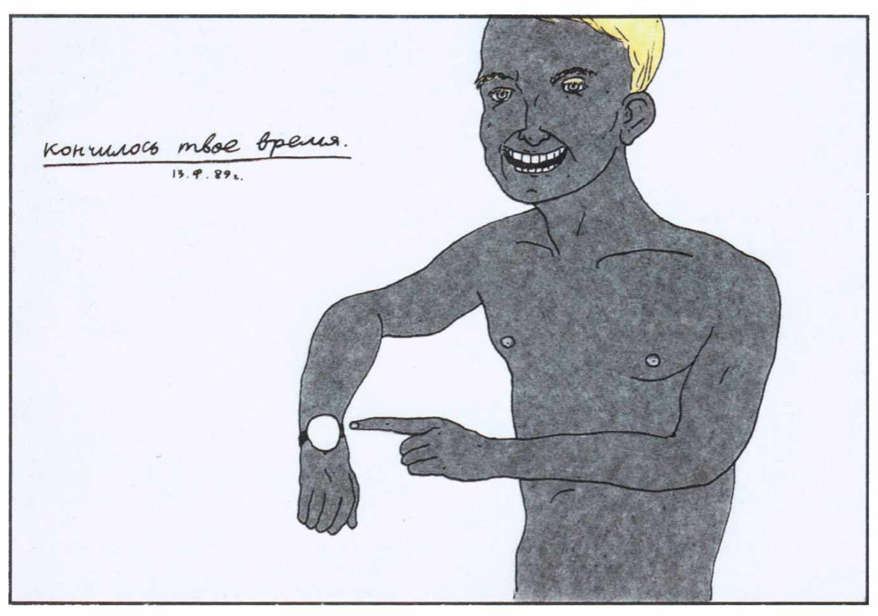
Д. КРЫМОВ.
«РОССИЯ. 1946». 1989.
Центр художественной культуры «Доминус» (Москва).

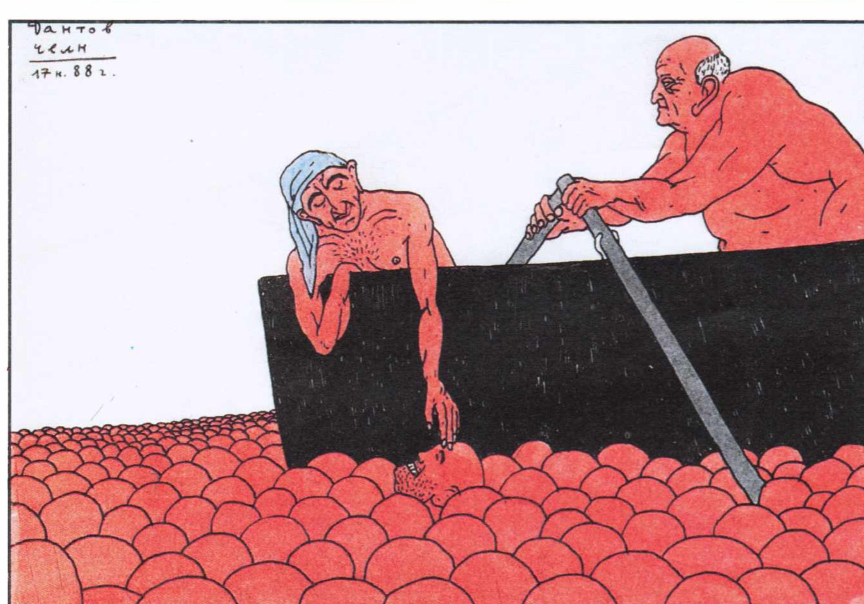
О. ГОЛОСИЙ.
«ВЫХОД К МОРЮ». 1989.
«Гельман Гэллери» (Москва).

М. БИРШТЕЙН.
«СЕЛО АКУЛИСЫ. УТРО». 1982.
ВНПО СХ СССР (Москва) и «Артэспас Русин» (Париж).

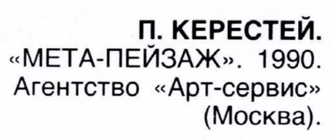

А. ДЖИКИЯ.
Без названия.
1988 — 1989.
Галерея «Юнион» (Москва).

Р. ГУДИЕВ.
Без названия. 1990.
Центр
современного искусства.
Галерея «Эрмитаж»
(Москва).

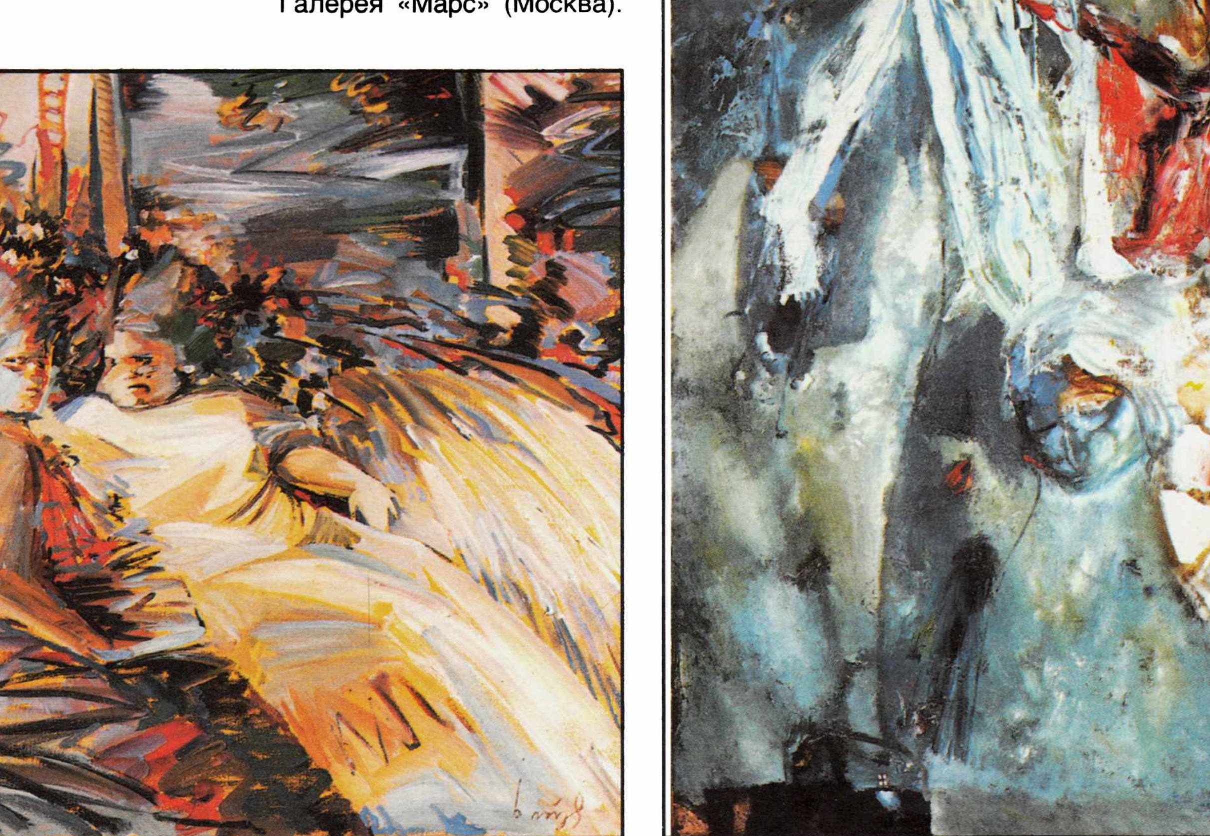

П. КЕРЕСТЕЙ.
«МЕТА-ПЕЙЗАЖ». 1990.
Агентство «Арт-сервис»
(Москва).

Ю. ХОРОВСКИЙ.
«БЕРЕГ СОМНАМБУЛ». 1989.
В/С «Имекс» (Таллинн).

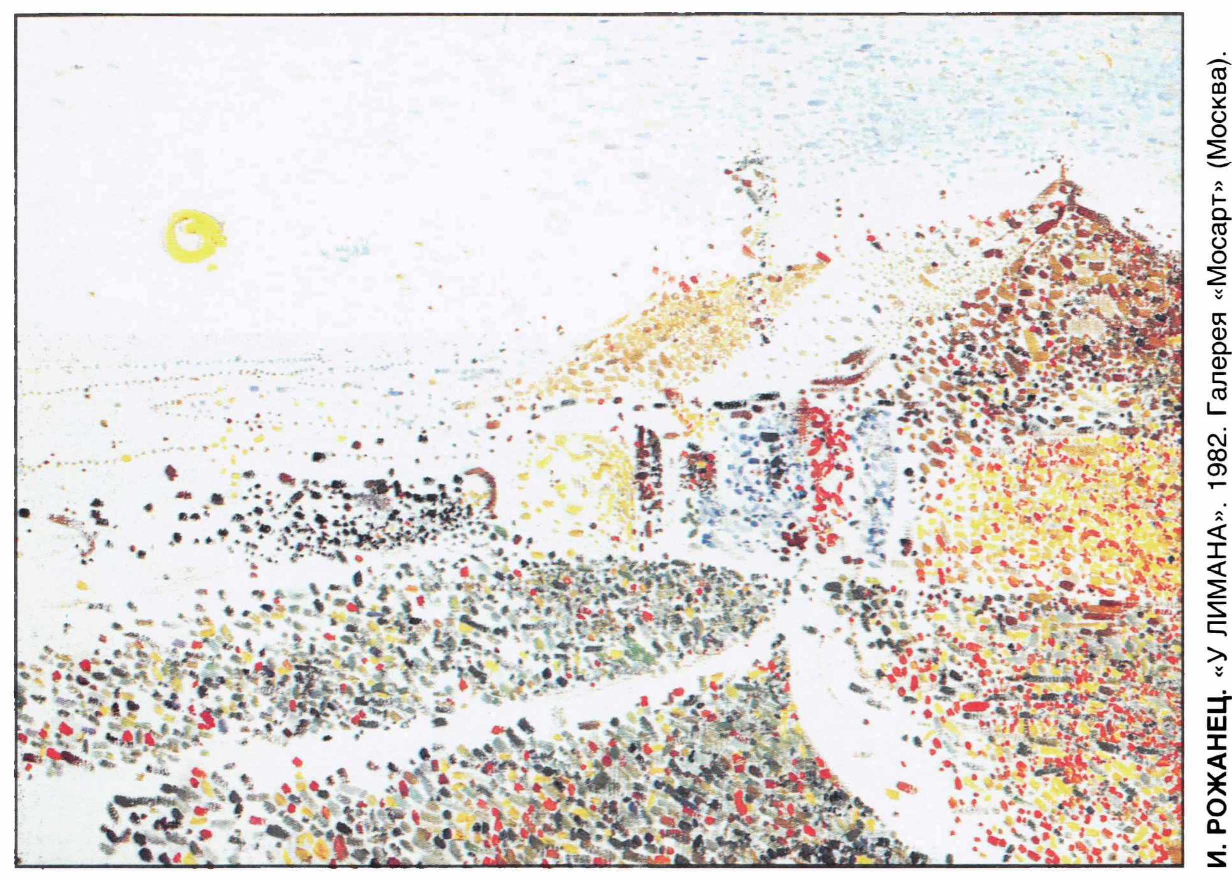
В. ВОСТРЫХ. «ИЕРАРХИЯ». 1989. Объединение «Рама-арт» (Москва).

А. СЕМЕНОВ.
«ЗАБЛУДИВШИЙСЯ АНГЕЛ». 1990.
Галерея «Марс» (Москва).

Х. ИРЕМАДЗЕ.
«ЖАРКИЙ ДЕНЬ». 1990.
Объединение «Московская палитра» (Москва).

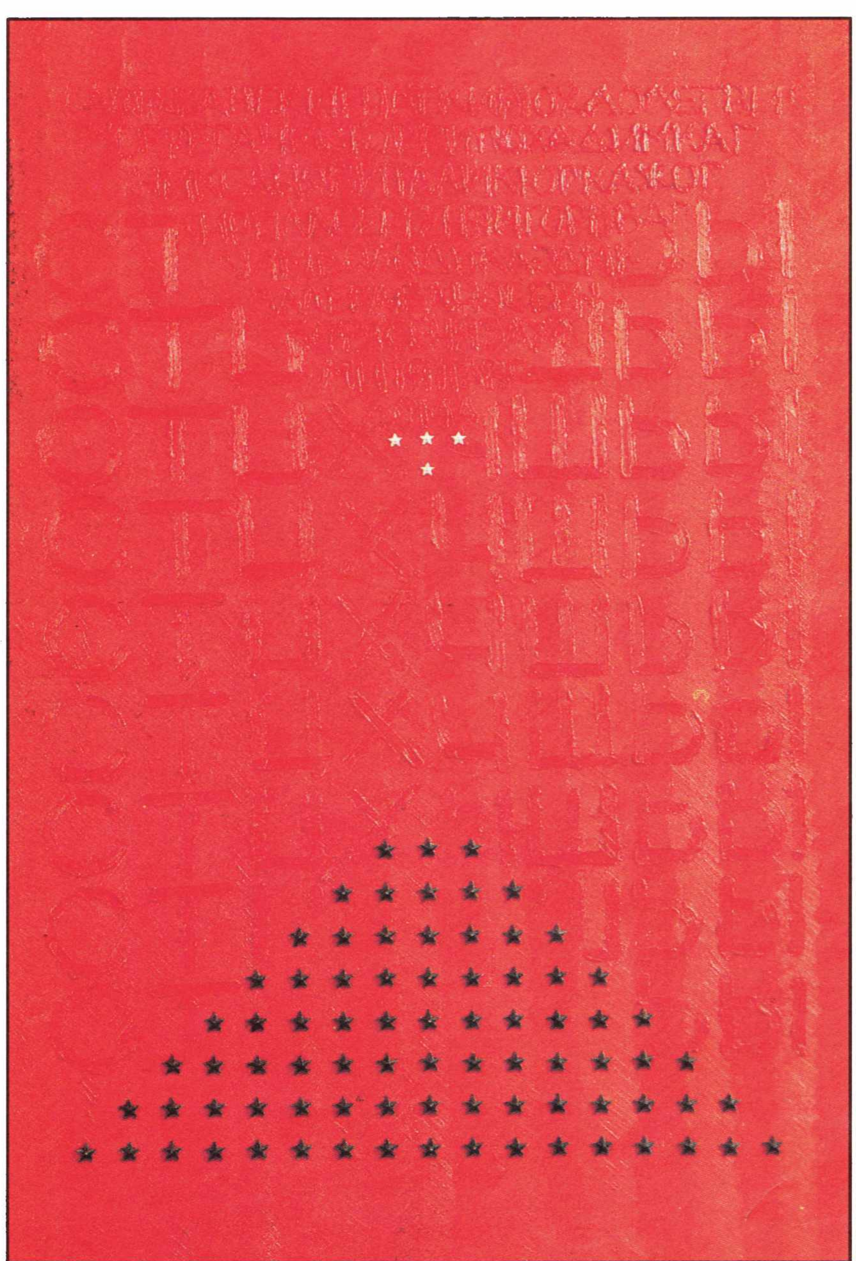

И. РОЖАНЕЦ. «У ЛИМАНА». 1982. Галерея «Мосарт» (Москва).

ны и, скажем, «Journal of Arts», периодическое обозрение мирового художественного рынка. Например, можно прочесть о Джаспере Джонсе, что он один из самых влиятельных американских художников этого времени. А из того же «Journal of Arts», выяснить, что его «Фальшстарт» был не так давно продан на очередном аукционе «Сотбис» за рекордную сумму в семнадцать миллионов долларов. Иерархия ценностей искусствоведения не так уж отличается от порядка цен на художественном рынке. Безвестные гении все куда-то пропали — то ли не добиваются известности после смерти, то ли добиваются еще до того, как становятся безвестными гениями.

Есть, конечно, исключения: любимцы критики, недооцененные рынком, или всенародные герои, звезды рынка, вызывающие у критиков ухмылки (вроде Уайета). Но, в общем, на сегодняшнем художественном рынке царит гармония. Почему же рынок изобразительного искусства менее противоречив, чем рынок музыки или художественной литературы? Почему роман-бестселлер — это, как правило, лишь более или менее профессионально сделанное чтиво, а в изобразительном искусстве вкусы массы рядовых покупателей и тонких ценителей так часто совпадают?

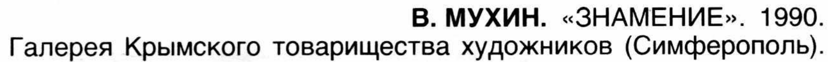
Дело в том, что никакой «массы рядовых покупателей» здесь нет. У картины нет массового покупателя: у нее нет

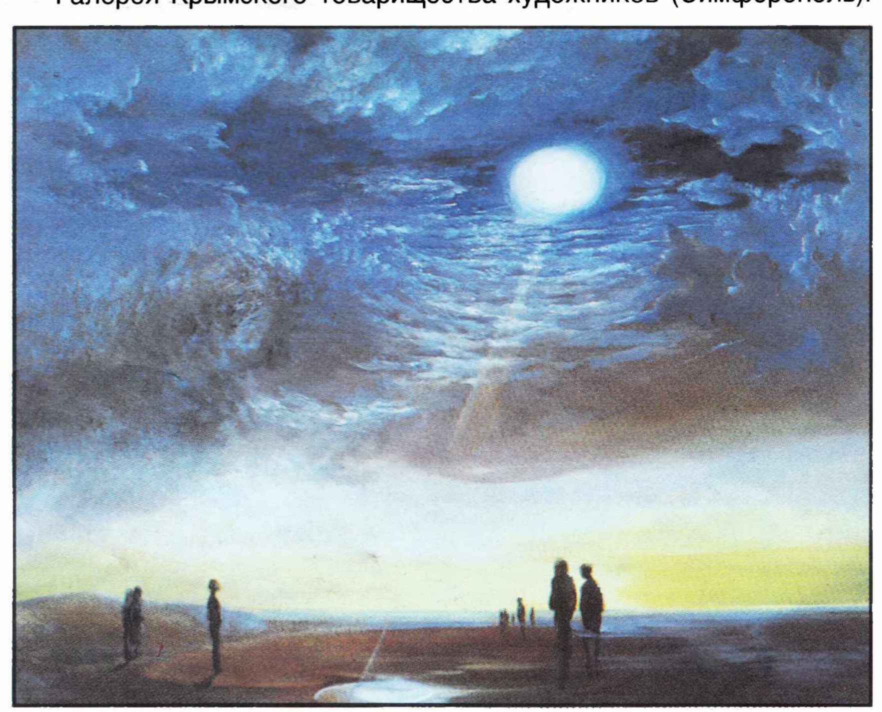
И. АКИМОВ.
«АЗБУКА ВОЙНЫ».
Правая часть триптиха. 1989. Галерея «Юнона» (Москва)

В. АНИПКО. «РИТОНЫ».
Галерея «Арктос» (Ленинград).

В. МУХИН. «ЗНАМЕНИЕ». 1990.
Галерея Крымского товарищества художников (Симферополь).

тиража. Она уникальна. Самые большие тиражи графики редко достигают пятисот экземпляров. Картина индивидуально производится и индивидуально приобретается сравнительно небольшим слоем состоятельных людей: их десятки тысяч, но никак не миллионы.

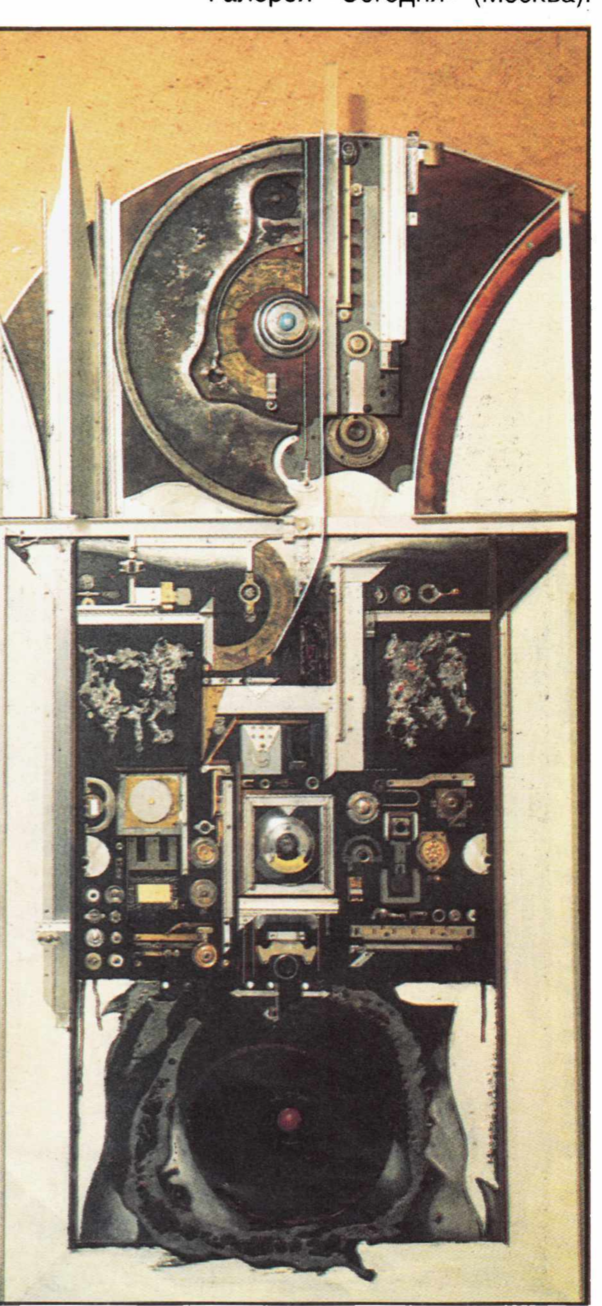
Уникальный товар стоит очень дорого, и покупать что-то не то эти люди себе позволить не могут. Нерасчетливо тратить огромные деньги на то, о чем завтра забудут. Коллекционеры не любители: они профессионалы или пользуются советами профессионалов. И чем ближе к большим деньгам, тем строже их вкус: искусство для них — это капиталовложения, приносящие неплохой доход (в восьмидесятые годы — в среднем около 17 процентов годовых).

Широкие же массы «просто любителей», зрителей на рынок не оказывают почти никакого воздействия. И это хорошо, ибо вкус их обычно более наивен и консервативен, чем вкус профессионалов. Тут разгадка, почему любимый народом и редакцией журнала «Огонек» «гениальный социолог» (определение Д. Дондурея) на «Сотбис» в Москве успеха, мягко говоря, не имел. Профессионалам — при всей разнице художественных пристрастий — с художником Глазуновым все ясно.

Этот «основной закон» не исчерпывает, конечно, всей сложности современного художественного рынка. Внутри него есть рынок коммерческого искус-

В. ЯКОВЛЕВ.
Без названия. 1970.
«Синтез файн артс интернэшнл» (Москва).

Б. СМЕРТИН.
«СЕАНС СВЯЗИ». 1985 — 1988.
Галерея «Сегодня» (Москва).

Р. КОРЯГИН.
«БИЛЬЯРД». 1989.
«Сибирский салон» (Кемерово).

Б. МАТВЕЕВА.
«КЕРЕНСКИЙ». 1989.
Галерея «Ариадна»
(Ленинград).

ства и рынок игрушек для интеллектуалов. Рынок китча и рынок экспериментов. Есть рискованный рынок новых имен, обещающий сверхприбыль торговцу или коллекционеру с хорошим «глазом». А есть верный рынок корифеев, стабильно дорожающих год от года. Есть рынок дорогой и дешевый, мировой и региональный, живописи и скульптуры, и даже рынок концептуалистских объектов! Все эти рынки прошиты кровеносной системой галерей, музеев, частных коллекций, собраний крупных корпораций, ярмарок, аукционов, консультационных агентств, экспертизы, критики, журналов, издательств, искусствоведения и художественного образования, посредников и агентов, банков, фондов, ассоциаций, государственных служб и прочее прочее. А еще есть писаное юридическое право, неписаные этические принципы и, главное, нормы культурные, создающие определенное положение в обществе людям, которые на этом рынке покупают.

Все это завязано к тому же на общекультурный процесс («моду»), а с другой стороны — на ситуацию в «большой» экономике, сделавшей возможным фантастический рост цен на искусство в последнюю четверть века.

Вернемся домой. Что же происходит тут?

Тут до последнего времени только государство могло позволить себе коллекционировать современное искусство и решало, что ему подходит, а что — нет. Рынка с одним покупателем не бывает — и его не было. Эпизодические наезды иностранных покупателей, несколько легендарных энтузиастов-соотечественников погоды не делали. Продажа долгое время была для тех, кого не любила власть, не столько сделкой, сколько культурно-политическим жестом. В семидесятые годы целая выставка была, например, подарена неофициальными художниками для показа в Италии — чтобы дать о себе знать западным учителям и коллегам.

И вот «горби-бум» на евроамериканском художественном рынке вкупе с экономической либерализацией приводит к тому, что советское искусство начинают покупать. В количествах, которые никому и не снились. Самой удивительной оказалась при этом реакция главных наших «художественных спецов» — Союза художников и Министер-

Н. УДАЛЬЦОВА.
«АРМЕНИЯ.
ДОМ СРЕДИ ДЕРЕВЬЕВ».
1933 — 1935.
Галерея «Манеж» (Москва).

ства культуры. Они сделали вид, что проблемы рынка нет в природе, а потому можно жить, как жили. От «авангардистов» отвязались, кое-кого даже вяло попринимали в «молодежку», западным друзьям и компатриотам арт-бизнесом заниматься не мешаем — чего вам еще, ребята?

Всего год назад Союз еще мог сыграть решающую роль в формировании рынка. За его спиной — деньги, традиционный официальный авторитет, залы и запасники, журналы и издательство, худо-бедно охватывающая всю страну система местных организаций. Как и в «большой» экономике-политике, у властей предержащих было время, чтобы сделать движение к рынку возможно более мягким, защитить художников, сохранить старые структуры, изменив их функции. Время это было бесплодно потеряно. Рынок формируется снизу, стихийно, и ситуация для Союза кажется мне почти безнадежной. Уже и сотрудничество с ним мало кого интересует, и круговую оборону по отношению к рынку занимать поздно. Нельзя не пожалеть сотен и тысяч художников, которые не могут, не умеют выступать на рынке и которых неповоротливость Союза вместо защиты оставит не сегодня-завтра у разбитого корыта.

Министерство культуры при виде рынка... не сделало ничего. Наоборот. Во-первых, максимально затруднена процедура вывоза работ из страны. Во-вторых, все молчат о налоговых льготах, которые существуют во всем мире, кроме нас. И все это сопровождается коронным номером культур-популизма — рассуждениями о распродаже национального достояния. У последней идеи находятся самые неожиданные защитники: то С. Менжинский из-за бугра такое присоветует из любви к советскому искусству, что здесь у художников волосы дыбом, то Д. Лихачев попросит для советских музеев право первой ночи при покупке картин.

А ведь в нищете выбор невелик. Либо художники живут здесь и продают на Запад работы, недоступные в силу мировой конъюнктуры советским музеям и коллекционерам. Либо — голод не тетка — живут они в гостях у своих покупателей. В первом случае они в нашей художественной жизни участвуют, во втором — нет.

Дело не только в деньгах. Чтобы о тебе писала мировая художественная пресса, чтобы твои работы попадали в музеи, чтобы тебя знали, надо выставляться. И отнюдь не в Калужском краеведческом, уверяю вас. Словом, если граница окажется на замке, советское искусство уедет. Все, какое сможет. Меньшая, но лучшая часть.

Уже года, наверное, три, как Москва не видела ни одной новой работы Кабакова. Зато можно рассматривать в журналах репродукции его инсталляций на «Волшебниках Земли» в Бобуре. Так мы и будем изучать текущий художественный процесс, если радетели национального культурного достояния добьются своего.

Я далек от того, чтобы рисовать рынок в розовом цвете. Тем более то, что у нас сейчас вместо него. Стихийно формирующийся рынок, брошенный обществом и государством на произвол судьбы, не может не быть диким рынком вроде описанного Диккенсом. Как помнит читатель, непременный персонаж диккенсовского рынка — Сиротка. Сиротку обижают все кому не лень. У нас роль Сиротки обычно исполняет художник. (Хотя перестройка превратила некоторых из них в таких акул шоу-бизнеса, что сиротками начинают себя чувствовать западные стреляные воробьи.) Наш дикий художественный рынок наполовину состоит из легкой фарцовки, на четверть — из темных махинаций и, будем надеяться, на четверть — из чего-то пристойного. Тут можно вспомнить массу правдивых анекдотов. Например, историю о судебном процессе над председателем одного арт-кооператива, оказавшимся генеральным спонсором главного конкурента люберецких вооруженных сил — солнцевской, кажется, группировки. Или о недавних визитах рэкетиров в мастерские процветающих художников, где, по слухам, вымогали не деньги — картины!

Наш рынок нелеп. Открытие какой-либо художественной галереи в СССР — скорее свидетельство сентиментальности организаторов или их необычайной любви к искусству, чем деловая необходимость. Огромная часть торговцев искусством обходится без выставочных залов и без выставок. Среди выставляющих можно по пальцам перечесть выставляющих нечто удобоваримое.

Это не значит, что рынок надо душить или обливать презрением. Усиление конкуренции постепенно приведет к изменению нравов. А усилению конкуренции будут способствовать спад интереса к «перестроечной» живописи на Западе и увеличение числа желающих заняться арт-бизнесом.

С развитием рынка улучшится его информационная инфраструктура — тоже гарант цивилизованности и приличий. Уже сегодня истории о том, как эмигрант-галерейщик Х. обманул художника У., реже слышны в Москве. Обманывать стало труднее: появилась информация, появился кое-какой опыт, можно коллегам за границу позвонить, можно тут с друзьями посоветоваться, можно и к юристу пойти. Многих «сироток» теперь голыми руками не возьмешь, да и спекулянты теряют интерес к нашему искусству, по мере того как проходит мода. Остаются более солидные партнеры, заинтересованные в хорошей репутации и долгосрочных контактах. Одновременно все более заметной становится деятельность лучших советских галерей.

Несмотря на анекдотические издержки, художественная жизнь медленно, но верно дрейфует в сторону рынка, в сторону галерей. Она покидает вымороченное пространство официальных залов, где прежняя несвобода сменилась эстетической кашей.

Она (художественная жизнь) перебирается в пространство частное — в культурном и экономическом смысле,— где торговец картинами отбирает на свой страх и риск художника, а коллекционер или просто зритель — на свой вкус галерею.

«Искусство движется к свободе». Так заканчивалась статья Ильи Ценципера. Автор, подумав, эту фразу вычеркнул. Редакция, подумав, ее восстановила. И не без причины.

18 октября в Центральном Доме художника откроется Первая Московская международная ярмарка изобразительного искусства. (19 из галерей-участников представлены на вкладке «Огонька».) Идея ярмарки (называется она «ART-MIF—90») возникла у группы дилеров, критиков, менеджеров, социологов, художников, которые поняли, что рынок — это не просто купить и продать. На Западе ярмарка — важный механизм рынка, его срез. Международная ярмарка современного искусства в Париже (ФИАК) — это Канны изобразительного искусства. Но смысл ярмарки не просто в презентации галерей без попытки навязать им свои художественные пристрастия. Ярмарка — это симптом приближения к рынку как организму со сложной финансовой, организационной, социальной, информационной, научной инфраструктурой. XVII молодежная выставка на Кузнецком была шоком, культурным сломом от столкновения дозволенного и недозволенного искусства. «Сотбис» в Москве был прежде всего культурным шоком от столкновения с мировым художественным рынком и уже затем коммерческой акцией. От переломов художественная жизнь постепенно поворачивается к естественному росту. Поэтому ярмарка «ART-MIF—90» получила девиз «Идеальный проект для советского художественного рынка». Рискнем?

Юрий ЕЛАГИН

НЕУСТАННАЯ ЗАБОТА ПАРТИИ ОБ АКТЕРАХ

Главы из книги «Укрощение искусств».

«1937 год начался еще в 1936-м» — часто приходилось мне слышать в Москве.

Этот хронологический парадокс правильно выражал ход событий, происходивших в это странное время. Но, может быть, точнее было бы сказать, что этот год начался еще в тот вечер 1 декабря 1934 года, когда в Ленинграде был убит Киров. В скором времени всю страну залила волна беспощадного террора.

На фронте идеологии достигла кульминационного пункта нетерпимость ко всему тому, что не вполне совпадало с генеральной линией или хотя бы недостаточно быстро приспосабливалось к ее новому крутому повороту. А этот поворот был действительно очень крут, и приспособиться к нему было нелегко для тех, кто был воспитан на старых классических принципах интернационального коммунизма. Новое же иногда было диаметрально противоположно старому. Это был национализм, реабилитация если не всего, то многого из исторического прошлого народа, утверждение откровенного духа диктатуры, признание значения личности в истории. Требовалась немалая ловкость, чтобы эти новые установки втиснуть в марксистские и ленинские концепции. И их кромсали, извращали, переворачивали наизнанку, но все-таки втискивали. И это было то новое, что относилось к содержанию. В области же формы началась впервые официальная борьба с формализмом и насильственное внедрение реализма во все виды искусства и литературы.

Первый удар нового курса в области содержания был нанесен опере «Богатыри» в Камерном театре Таирова.

Первое нападение по линии формы началось двумя статьями в «Правде» против музыки Шостаковича. Оба эти события произошли в начале 1936 года.

* * *

В ноябре 1936 года в Камерном театре была поставлена неизвестная до сих пор и незаконченная опера Бородина «Богатыри». Она была оркестрована и инструментована дирижером театра Александром Метнером (братом известного композитора), а либретто написал заслуженнейший поэт — Демьян Бедный. В эпоху гражданской войны Демьян Бедный был единственным деятелем литературы, который занимал в стране положение, равное по значительности и влиянию положению большого правительственного чиновника. Он был приятелем многих большевистских вождей тех лет. Он даже жил вместе с ними в Кремле. Он был единственным литератором в течение первых десяти лет существования советской власти, получившим за свои заслуги орден Трудового Красного Знамени. Поэт он был совершенно бездарный, но зато был верным большевиком без сомнений и упреков. Сочинения его, не отличаясь ни глубиной содержания, ни блеском формы, являлись, в сущности, изложением злободневных политических лозунгов, облеченных в популярную стихотворную форму басен и сказок. В «Богатырях» он вывел героев русского народного эпоса — сказочных богатырей (Илью Муромца, Добрыню Никитича и Алешу Поповича) в резко отрицательном, карикатурном виде. Спектакль был уже принят и одобрен Комитетом по делам искусств. Все было как будто в высшей степени благополучно. Но, на беду, сам Молотов приехал смотреть премьеру и, просмотрев один акт, демонстративно встал и уехал. Таирову передали, что перед отъездом он бросил всего лишь одну возмущенную фразу: «Безобразие! Богатыри ведь были замечательные люди!»

«Богатыри» были, конечно, немедленно запрещены. Камерный театр с Таировым и сам Комитет по делам искусств подверглись жестокому разносу за «отсутствие политического такта в изображении прошлого нашего народа». А автор текста — вчера еще знаменитейший пролетарский поэт Демьян Бедный — был низвержен с высоты сразу же на самое дно. Его выгнали из Союза советских писателей и из квартиры. Писать ему запретили, книги его изъяли из библиотек. Каким чудом он избежал ареста — это долго оставалось загадкой для москвичей.

Инцидент с «Богатырями» было приказано обсудить и «проработать» на специальных общих собраниях во всех театральных и музыкальных учреждениях Советского Союза. Это был первый случай применения нового способа художественно-политического воспитания работников искусств. С того времени эти общие собрания для обсуждения правительственных действий в области искусства становятся обычным явлением, без которого редко обходилась наша трудовая неделя. Обычно в нашем театре эти общие собрания проходили так: секретарь парторганизации, директор театра или специально присланное лицо из Комитета по делам искусств читали очередную разоблачительную статью из «Правды» или только что опубликованное правительственное сообщение и пространно комментировали и разжевывали и без того всем понятные, ясные факты. Затем начинались «прения». Брали слово наши активисты — кто-нибудь из парторганизации, рабочий сцены или парикмахер, — и долго и наставительно поучали актеров одного из лучших театров Москвы, какие выводы они должны сделать из мудрых исторических статей

Начало в № 39.

был жестоко разгромлены Мейерхольд и его театр.

Мейерхольд был в искусстве художником смелым, честным и последовательным. Это был человек саркастического ума и иногда злой иронии. К инакомыслящим он относился нетерпимо. Характер имел жесткий, зачастую неприятный для тех, кому приходилось с ним иметь дело. В своем театре он был полновластным диктатором. Когда он входил в репетиционный зал, раздавалась команда помощника режиссера: «Встать! Мастер идет!». И актеры, и присутствовавшая в зале публика обязаны были вставать. Однажды он поссорился с одним из своих помощников режиссера (по имени Исаак Мохамед) и уволил его, запретив ему раз и навсегда переступать порог театра. Мохамед поступил к нам в Театр Вахтангова, спокойно работал и вскоре забыл о своем конфликте с Мейерхольдом. Раз как-то, года через два после этого, пошел Мохамед смотреть генеральную репетицию новой постановки своего бывшего шефа. Он предъявил, как обычно, билет при входе в зал, вошел и сел на свое место. Уже зажглись огни рампы и стал гаснуть свет, когда открылась одна из боковых дверей и в зал быстрыми шагами вошел Мейерхольд.

— Кто впустил Мохамеда? — раздался его резкий голос в наступившей тишине.— Я спрашиваю, кто впустил Мохамеда? — повторил он. К нему подбежали билетеры.— До тех пор, пока Мохамед не выйдет из зала, спектакль начат не будет! — кричал он.

Мохамед встал и молча вышел. Он говорил мне потом, что, если ему надо было пройти по Тверской мимо мейерхольдовского театра, он обязательно переходил на другую сторону улицы.

И сам Вахтангов, и его ученики относились к Мейерхольду с огромным уважением. Мейерхольд тоже к нашему театру относился гораздо более снисходительно, чем ко многим другим. В конце двадцатых годов его даже приглашали вахтанговцы поставить у нас один из спектаклей, и он ответил согласием, бечего никогда не делал для других театров. Лишь его неожиданный отъезд за границу помешал ему осуществить эту постановку.

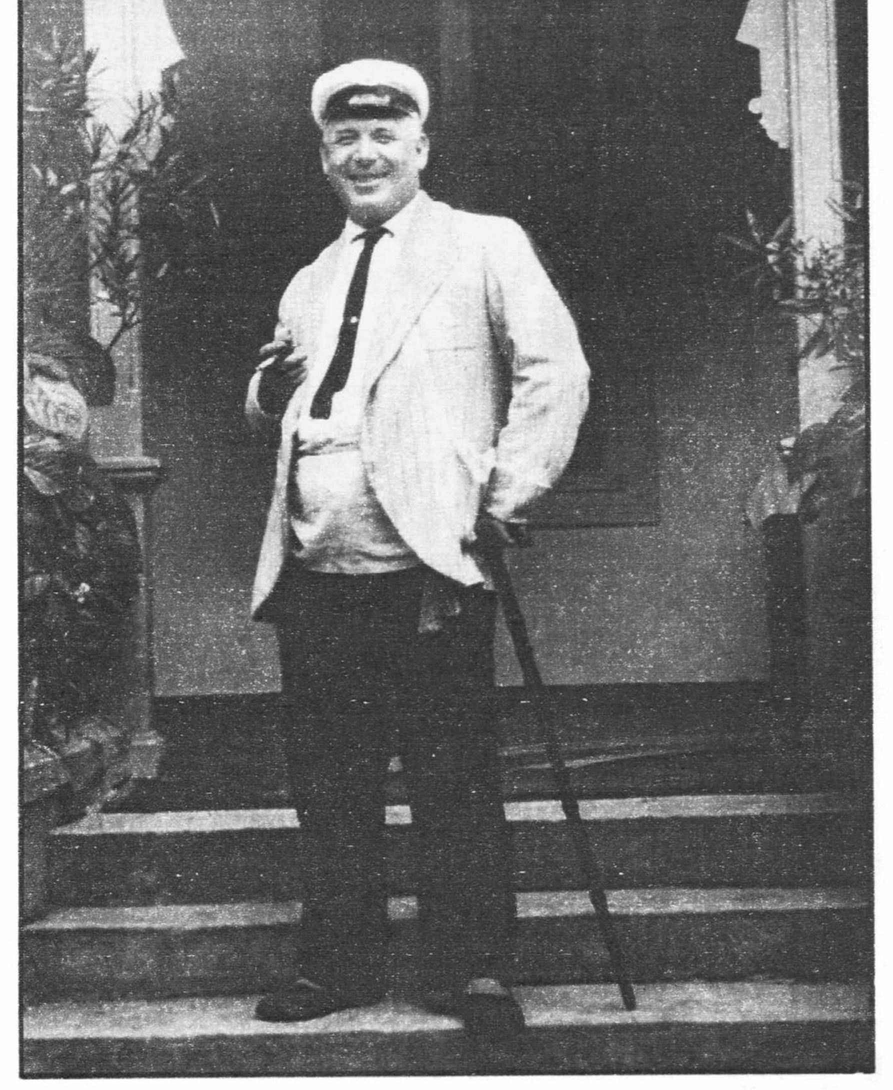
Взаимно благожелательные отношения между Мейерхольдом и вахтанговцами продолжались вплоть до одного из вечеров весной 1930 года. В этот вечер Мейерхольд, вместе со своим приятелем — литератором Волковым, пришел смотреть у нас «Коварство и любовь». Романтический, изящный и сентиментальный спектакль Акимова пришелся не по вкусу вождю революционного театра. Зрелище трогательной любви Фердинанда и Луизы, представленное в стиле старинных саксонских миниатюр, даже настолько возмутило Мейерхольда, что он не смог сдержать своего негодования и вышел из границ такта и приличного поведения. Он так громко выражал свое возмущение Волкову во время действия пьесы, что на него оборачивались и негодующе шикали соседи из публики.

— Какая дрянь! Пошляки!.. Слюнтяи! Мещанство!.. — кричал Мейерхольд, забывшись, громко на весь зал. В антракте к нему, как обычно, почтительно подошли наши режиссеры и попросили его пройти за кулисы и высказать исполнителям свое мнение о спектакле. Злой Мейерхольд молча встал и пошел за кулисы. Но вместо объективной критики он обрушил на актеров град самых резких и обидных выражений. Он начал просто ругаться. Особенно досталось от него Акимову. Долго молча слушали вахтанговцы разбушевавшегося мэтра, пока наконец не раздался голос нашей актрисы Елизаветы Алексеевой — женщины решительной и смелой:

— Что же вы все стоите и молчите?! Тут оскорбляют нашего режиссера, хамят нашим актерам, а мы стоим и молчим? Да как вы смеете так себя вести в нашем театре?! — закричала она на опешившего Мейерхольда.— Убирайтесь вон и не приходите к нам никогда!

Смертельно обиженный Мейерхольд ушел и разорвал «дипломатические отношения» с нами навсегда. Он присылал обратно билеты на генеральные репетиции, которые ему продолжала посылать наша дирекция. Наши актеры избегали даже произносить его имя.

С середины тридцатых годов, когда уже наметился стиль социалистического реализма и сформировались официальные вкусы в искусстве, Мейерхольда понемногу начали травить сверху, и только что организованный Комитет по делам искусств сразу установил

Демьян Бедный

и постановлений. Иногда выступал кто-нибудь из наших художественных руководителей и произносил сложную дипломатическую речь.

В январе и феврале 1936 года появились две редакционные статьи в «Правде», направленные против музыки Шостаковича,— «Сумбур вместо музыки» (об опере «Леди Макбет Мценского уезда») и «Балетная фальшь» (о балете «Светлый ручей»). Статьи были написаны Ждановым. Музыка, совершенно выпадавшая до той поры из поля зрения правительства, стала сразу объектом жестокой агрессии. Вполне сформировавшиеся к этому времени художественные вкусы советских вождей нашли свое выражение в этом походе на самое абстрактное из искусств. Результатом этих статей была опала Шостаковича. Но эта опала была лишь неизбежным побочным следствием их. Главным же следствием этих статей оказалась широкая дискуссия о формализме «как о вреднейшем антинародном явлении в советском искусстве». Дискуссия была проведена в размерах, до тех пор невиданных. Эту дискуссию московские деятели искусств встретили мрачным демонстративным молчанием, не приняв в ней ни малейшего участия. Дискуссию о формализме пришлось проводить чиновникам из Комитета по делам искусств, критикам и агитаторам из отдела агитации и пропаганды ЦК. Помню, какое недоумевающее и ироническое настроение царило у нас на первом общем собрании по поводу статей в «Правде» о Шостаковиче. Шостаковича в нашем театре любили и ценили. И мы молча слушали, как секретарь театральной парторганизации — парикмахер Ваня Баранов — горячо громил, разоблачал и разносил в пух и прах бедного композитора.

Итоги борьбы с формализмом не замедлили сказаться весьма быстро в театрах Москвы. Все спектакли стали ставиться в добрых старых традициях конца прошлого столетия. Все завоевания режиссерского мастерства, культура спектакля как единого целого, все или почти все созданное русским театром в пору его расцвета было зачеркнуто. Музыка, оригинальные декорации, выдумка и изобретательность режиссера — все это было объявлено элементами формализма, все было осуждено и просто запрещено...

Председателем Комитета был тогда Керженцев. Его заместителями — Боярский (начальник Театрального управления) и Шумяцкий (начальник Управления по делам кинематографии). По именам этой тройки была остроумно названа вся эпоха их деятельности в искусстве в 1936—1937 годах — «Сеча при Керженцеве», «Боярская дума» и «Шемяцкий суд». И действительно сеча шла вовсю. В 1936 году приказом правительства был неожиданно ликвидирован Второй художественный театр — бывшая Первая студия Художественного театра, вписавшая в историю русского театра страницы блестящие и славные. Второму художественному предложили переехать на постоянную работу на Украину, в Киев. Артисты, прожившие всю жизнь в Москве, отказались. Тогда театр просто закрыли.

После этой откровенной ликвидации стали применять другую, более тонкую форму уничтожения театров. Их стали «сливать». Театр закрывали, но небольшую часть его актерского персонала определяли в другой театр, из которого одновременно увольняли некоторую часть актеров. Так, под вывеской «слияния» с Камерным театром был закрыт театр режиссера Охлопкова (бывшая Четвертая студия Художественного театра), театр режиссера Дикого был слит с Театром комсомола, а сам Дикий переведен в Ленинград, где и был вскоре арестован. Театр Завадского был послан в Ростов и там слит с местным драматическим театром. Театр-студия режиссера Симонова был просто закрыт без всякого слияния.

Предложено было и Мейерхольду слить его театр с Театром революции, а самому ему занять в новом «гибриде» должность рядового режиссера. Но Мейерхольд отказался наотрез. Тогда (17 декабря 1937 года) в «Правде» появилась редакционная статья под названием «Чужой театр». В этой статье

Играет Дмитрий Шостакович

с ним плохие отношения. Это учреждение и было создано для того, чтобы приказывать и командовать, а Мейерхольд не хотел и органически не мог позволить, чтобы им кто-то командовал. И тут к его творческому самолюбию большого, знающего себе цену мастера примешивался и его властный, строптивый характер. Но Комитет был сильнее, а на Мейерхольда сыпалась одна неприятность за другой. Его почитатели, из числа старых соратников Ленина, уже не могли ему ничем помочь. У них у самих уже почва уплывала из-под ног.

Спектакли Мейерхольда теперь часто браковались и запрещались. Впустую затрачивались большие усилия и средства. Огромное новое здание, которое начали строить для его театра в 1934 году на Триумфальной площади, осталось стоять незаконченным. Было приказано постройку прекратить. Это был особенно большой удар для Мейерхольда. Именно в этом новом театре, выстроенном по его собственным планам и указаниям, собирался он осуществить свои большие творческие замыслы. Кроме всех обычных новейших достижений технического оборудования сцены, должен был быть в нем применен впервые ряд совершенно оригинальных усовершенствований. Так, например, сцена была подвижная. Она могла быть перенесена в центр зала в течение одной минуты. Кресла для зрителей предполагались вертящиеся, так что зритель мог удобно наблюдать действие в любой части зала.

К 1936 году гонение и нажим на Мейерхольда достигли большой остроты. И именно в эти годы он поставил пьесу Александра Дюма-сына «Дама с камелиями» со своей женой — красивой актрисой Зинаидой Райх — в заглавной роли. Был ли этот спектакль дерзким вызовом Комитету по делам искусств? Или это был каприз большого мастера? Или, может быть, дань новым настроениям, смутной тревоге, предчувствию скорого трагического конца? Во всяком случае, было создано прекрасное произведение театрального искусства — неожиданное и необычное для всей творческой деятельности Мейерхольда. И как поражены были москвичи, увидев на сцене знакомого им «левейшего из левых» театра трогательную поэму любви, поставленную с изысканным вкусом, с тончайшим ощущением образов и духа Парижа середины прошлого века.

Спектакль был поставлен в строгом и сдержанном стиле. Это был на редкость аристократический спектакль, и это была классика, но не классика широких ярких мазков, открыто проявляемых чувств, бьющих через край страстей. Это был не Бальзак, но Мериме, не картина, написанная масляными красками, а скорее превосходная гравюра — скромная по тону и колориту, но не менее, а часто и более выразительная для ценителя тонкого и культурного. Мейерхольд нашел мизансцены предельно четкие и скупые, стиль и манеру игры актеров — исключительной сдержанности, на грани схематизма, но никогда не переходящие эту грань. И это потрясало не менее, а может быть, и более, нежели бурный темперамент актеров реалистической школы. Декорации спектакля были также скромны и строги. Интересно отметить, что картины пьесы были обставлены не обычной бутафорской обстановкой, а подлинной. Актеры играли в окружении прекрасных настоящих старинных вещей эпохи Дюма-сына — второй империи: мебель красного дерева, старинные севрские вазы, серебряный туалетный прибор на туалетном столе в спальне, дивная шкатулка ручной работы на столе в гостиной...

Когда Мейерхольда спросили, не думает ли он, что можно было бы обойтись и обычной бутафорией, так как зритель из зала все равно не отличит подлинную обстановку и настоящие вещи от подделки и не оценит их, то Мейерхольд ответил так:

Всеволод Мейерхольд

— Зритель не оценит, но зато оценят актеры. Чудесные старинные вещи, сделанные много лет тому назад, каких уже не умеют делать теперь, заключают в самих себе дух минувшей эпохи. И актеры, находясь в окружении этих вещей, скорее почувствуют образы и страсти былого и вернее передадут их. А вот уж это заметит и оценит зритель.

Это были странные слова в устах вождя левого театра, коммуниста, агитатора и революционера, каким все считали Мейерхольда. «Дама с камелиями» имела огромный успех. Москвичи 1936 года ходили на этот спектакль, чтобы поплакать над старинной сентиментальной мелодрамой, чтобы посочувствовать личной трагедии, каких уже не было в окружающей жизни, ибо кругом бушевали трагедии и страсти совсем другого рода. И надо прямо сказать, что в это время, на пороге 1937 года, мейерхольдовская «Дама с камелиями» была самым несовременным, самым далеким от советской действительности и от нового стиля сталинской эпохи спектаклем в репертуаре всех без исключения театров Москвы.

В то же примерно время Мейерхольд ставит «Пиковую даму» Чайковского в Ленинградском Малом оперном театре. И в этой своей второй «Даме» он также создал спектакль большого очарования, спектакль тонкий и талантливый, исполненный глубокого пессимизма, настроений сумеречных и трагических.

Так позволила великодушная судьба большому художнику пропеть перед гибелью две прекрасные лебединые песни, какими оказались мейерхольдовские «Дама с камелиями» и «Пиковая дама».

* * *

Статья в «Правде» («Чужой театр») была жестоким ударом по Мейерхольду. В ней обвинялся он во многих грехах. Он оказывался отцом формализма в советском театре. Он оказал вреднейшее влияние на многих режиссеров и задержал развитие всего театра по линии социалистического реализма. Он оказался проводником враждебных антинародных тенденций и т. д. и т. п. Вспомнили ему и «Самоубийцу», и «Даму с камелиями», и «искажение классического наследия». Вспомнили и самое тяжелое его преступление — то, что свой спектакль «Земля дыбом» (поставленный в 1923 году) он «не случайно» посвятил «презренному врагу народа Троцкому».

Через несколько дней после опубликования статьи последовали «оргвыводы». Было опубликовано постановление правительства о немедленной ликвидации театра Мейерхольда. Комитет по делам искусств в день опубликования приказа отдал распоряжение провести во всех театрах Советского Союза митинги, на которых актерам и режиссерам предлагалось открыто осудить Мейерхольда и одобрить правительственный приказ. В тот же день у нас в театре состоялся митинг. Молча собирались вахтанговцы в нашем желтом фойе. Настроение было у всех подавленное. Друг с другом старались не разговаривать. Предстояло осудить уже осужденного и уничтоженного Мейерхольда. Казалось бы, что для вахтанговцев это было делом нетрудным: ведь речь шла о режиссере, отношения с которым были вот уже в течение семи лет самые скверные, который когда-то оскорбил наш театр жестоко и несправедливо. К тому же и творческие принципы Мейерхольда, и весь его стиль были во многом чужды вахтанговцам. И разве трудно было, принимая во внимание все это, бросить в него несколько лишних камней?

За столом, покрытым красным сукном, расположился президиум митинга: специально присланный чиновник из Комитета по делам искусств, секретарь театральной парторганизации — парикмахер Ваня Баранов, директор театра Ванеева, заведующий художественной частью Куза и еще два-три видных актера. Ваня Баранов открывает собрание и дает слово чиновнику из Комитета по делам искусств. Тот читает правительственный приказ от начала до конца и сопровождает его соответствующими комментариями. Он заканчивает словами:

— Комитет по делам искусств не сомневается, что творческие работники Театра имени Вахтангова целиком и полностью присоединятся к мудрому решению правительства о ликвидации враждебного советской общественности театра Мейерхольда!

Баранов открывает «прения».

— Кто хочет высказаться, товарищи?

Молчание. Проходит минута.

— Кто просит слова, товарищи?

Опять молчание. Еще одна томительная минута. Напряжение нарастает. Баранов что-то шепчет чиновнику из Комитета, тот наклоняется к Кузе и что-то тихо говорит ему, прикрывая рот рукой. Куза отрицательно качает головой. За столом президиума полное замешательство. Наша директорша Ванеева сидит точно окаменев, бессмысленно уставившись глазами в одну точку. Кажется, что вот-вот ее хватит апоплексический удар. Партийцы перешептываются. Актеры молчат, как будто набрали в рот воды. Наконец, Баранов объявляет:

— Я хочу сказать...

Он начинает говорить и минут десять повторяет в разных вариантах фразы из приказа и статьи «Правды». Закончив и снова пошептавшись с чиновником из Комитета, Баранов объявляет:

— Общее собрание считается закрытым. Резолюция еще не вполне готова и поэтому не может быть зачитана сейчас. Она будет зачитана позже...

Мы все молча расходимся.

Так же прошли подобные собрания и в других лучших театрах Москвы. Нигде не находились желающие выступать, везде царило молчание многозначительное и демонстративное. Но было и одно исключение: на собрании театра МОСПС, после зачтения приказа и открытия прений, раздался голос:

— Я прошу слова!

Со своего места поднялся молодой режиссер Червинский (фамилия вымышлена.— **Ю. Е.**).

— Пожалуйста, товарищ Червинский, просим...— обрадовалось партийное начальство за столом президиума. Червинский медленно подошел к столу и повернулся лицом к сидящим в зале.

— Товарищи,— сказал он громким звенящим голосом,— сегодняшний день навеки явится самым черным днем в истории советского театра. Сегодня закрыт театр величайшего режиссера нашего века — Всеволода Эмильевича Мейерхольда. Нет слов...

— Лишаю слова! — отчаянно закричал председатель, изо всех сил звоня в колокольчик.

Червинский умолк. Он опустил голову и быстро вышел из зала.

Через несколько дней после собрания в нашем театре были сняты со своих постов за «совершенно неудовлетворительное состояние политико-воспитательной работы среди коллектива творческих работников» наш секретарь парторганизации Ваня Баранов и наша директорша Ванеева — старая приятельница Ленина. Ваня Баранов опять занялся своим прямым делом — причесыванием актеров и надеванием на них париков. Ванеева же ушла из театра, и дальнейшая судьба ее не дает повода для оптимистических предположений.

Самого Мейерхольда не арестовали после закрытия его театра. Он просто попал в тяжелую опалу и присоединился, таким образом, к бывшему уже полтора года в опале Шостаковичу. Надо сказать, что это были два первых случая в истории искусства Советского Союза. И раньше бывали отдельные аресты, увольнения, но официальных опал не было. Не было такого положения, чтобы тот или иной видный деятель искусства был открыто осужден правительством за несозвучие его творчества с генеральной линией партии в области искусств. И эти опалы как новое средство насильственного давления на творчество были, бесспорно, признаком того, что процесс тотализаризации искусств вступил уже в заключительную свою фазу.

Продолжение следует.

ЛЮДИ НА ПОМОЙКЕ

Это целый город. Его зовут, как старшего и чистого брата, Краснодар. Но с небольшим добавлением: Краснодар-на-свалке.

В недрах свалки вырыты норы, утепленные досками да ящиками, внутри стол, топчан, посуда. В центре свалки — корыто, в котором моют посуду. Утром сквозь смрад вечно чадящей свалки жители ее бредут с мешками на раскопки. То, что заработано, уходит на пропитание и «отдых» — пиво, одеколон. Отдыхают крепко.

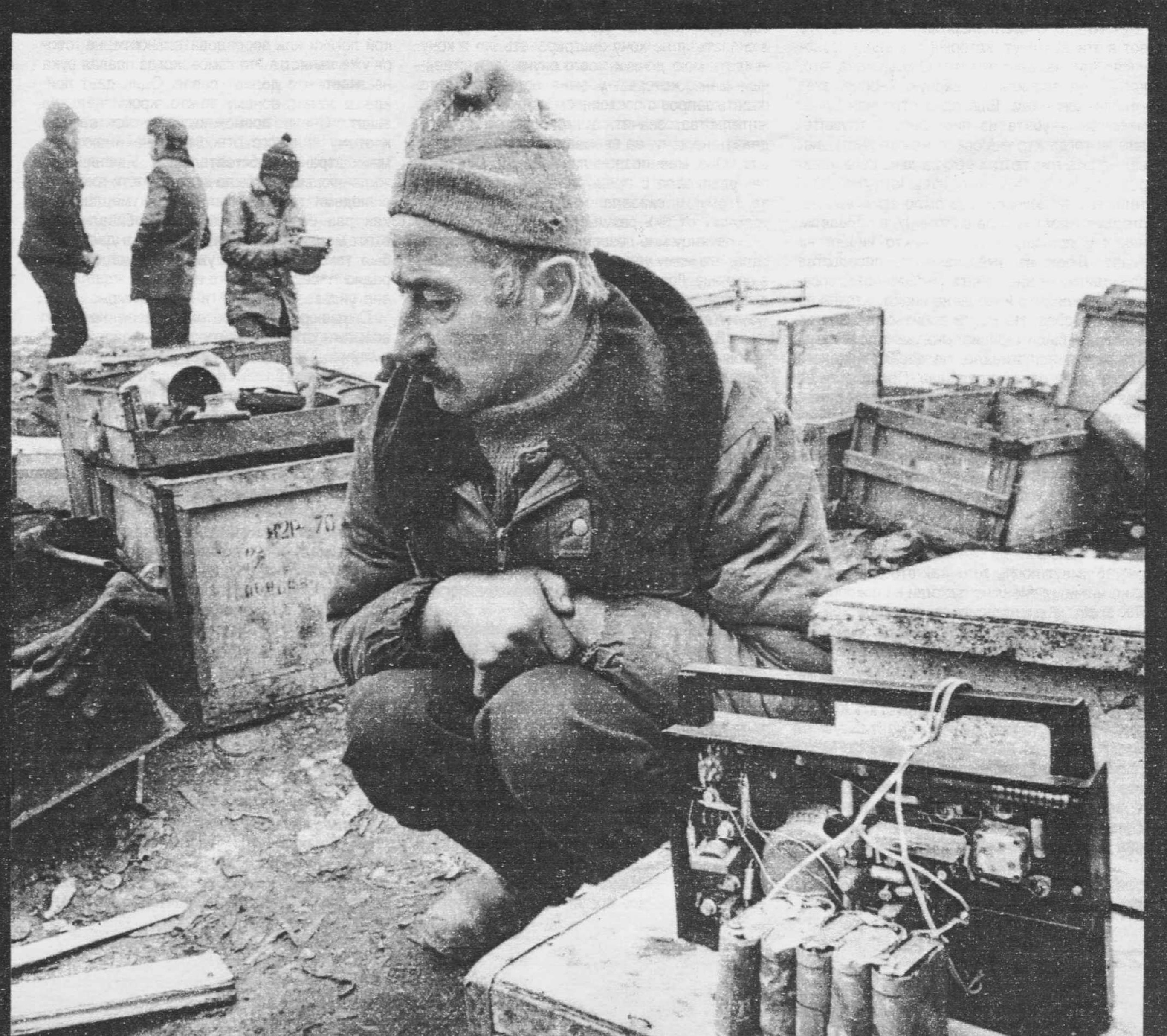
Это люди, отсидевшие свои сроки в зонах и не имеющие приюта на свободе. Здесь они имеют все необходимое. Большому и чистому Краснодару ничего не жалко: машины с мясокомбината сваливают колбасу и мясо порой лучше, чем в магазине, армейские грузовики радуют обмундированием и сапогами, овощебаза выбрасывает грейпфруты, торговая база — магнитофоны, приемники, матрасы. Весь мир доступен тебе, если в руках специальная палка с загнутым крюком.

С привлечением огромных сил милиции ее иногда оцепляют, берут тех, кто без прописки, и улочки Краснодара-на-свалке пустеют.

Но ненадолго. Большой город позаботится о восполнении потерь. Придут новые, вернутся старые...

Товарищи руководители Краснодара! Постройте ночлежку для бродяг и босяков. Пусть людям будет куда опуститься на дно. Дно — это хоть твердая почва под ногами, это не болото свалки, которое может вырасти и поглотить даже большой и чистый город.

Анатолий МЕЛЬНИКОВ,
Владимир ВЕЛЕНГУРИН (фото)

Александр МИНЧИН

Тепло ли нам дома?

ИНТЕРВЬЮ С ВИКТОРИЕЙ ФЕДОРОВОЙ

Недавно в метро в руках у одного из пассажиров я увидел опубликованные в «Аргументах и фактах» отрывки из интервью, взятого мною у известной киноактрисы и моей доброй знакомой Виктории Федоровой.
В Нью-Йорке, где я живу, я слышал об этой газете и о прославленном ее редакторе только хорошее.
Тем сильнее было мое недоумение: газета, попавшая в Книгу рекордов Гиннесса, без авторского ведома и согласия опубликовала материал в сжатом виде, с надерганными, как изюм из булки, вопросами и ответами.
Отношу этот казус к неразберихе, путанице и какому-то непонятному хаосу, с какими я встретился в Москве после тринадцатилетнего отсутствия.
При всех разительных переменах в СССР, отмеченных мною, одно остается прежним: интеллектуальная собственность здесь по-прежнему бесправна.
Вкратце о себе.
Мое интервью, клочки из которого появились в «АиФ» (№ 32), было взято из книги «Пятнадцать интервью» (Издательство имени А. Платонова, Нью-Йорк, 1989 год).
В ней также опубликованы беседы с В. Аксеновым, И. Бродским, К. Воннегутом, Э. Лимоновым, Ю. Любимовым, В. Максимовым, Э. Неизвестным, М. Шостаковичем и другими деятелями культуры.
Это не первая моя книга. До этого в США вышли на русском языке два моих романа — «Псих» (1981) и «Факультет патологии» (1986).
До сегодняшнего дня все мои книги, журнальные и газетные публикации я вынужден был печатать под псевдонимами (А. Невин, А. Мирчев и др.).
На это есть свои причины.
Мой отъезд в 1977 году доставил моим близким много неприятностей. Романы, действия которых происходят на фоне реалий московской жизни 70-х годов, могли послужить причиной еще более суровых лишений для моих родителей. Я рад, что в «Огоньке» впервые за всю мою литературную деятельность могу напечататься под своей собственной фамилией.
Мой читатель здесь, в России, и я надеюсь, что недалеко то время, когда мои книги будут напечатаны в СССР.

— Кто убил вашу маму?

— Я никогда не узнаю, кто убил. Теперь уже, думаю, никогда. Очень возможно, что КГБ к этому никакого причастия не имел.

— Как это произошло, вы знаете всю историю?

— Да. То есть, что я знаю: только знаю, когда мамино тело нашли... Маму нашли в ее квартире, сидящую на стуле с телефоном в руке, с простреленной головой, кто-то выстрелил ей в затылок, пуля вышла через глаз. С очень близкого расстояния — кто-то, кто был в комнате.

— Могла ли она знать убийцу?

— Она наверняка его впустила. Потому что у мамы были все сигнализации в квартире и доме, она всегда была очень осторожна, кому открыть дверь. Она или знала кого-то персонально, или кто-то ей представился, с какой-нибудь бумагой...

— Или показал удостоверение?..

—...Она сама открыла дверь, потому что не было ни взлома, ни окна не были повреждены. Советские объявили, что это было убийство с целью грабежа. Однако у нее ничего не украли. Две тысячи рублей лежали на пианино, в комнате, где ее убили, прямо сверху,— никто не тронул.

Она позвонила своей приятельнице около десяти утра и сказала: приезжай, попьем чай, потому что я потом должна уходить. Маргарита, женщина, которая ее нашла, сказала: хорошо, я сейчас не могу, но часам к 12 приеду. Около 12 она приехала, зная, что мама дома, они договорились встретиться. В доме, в квартире у мамы, очень громко играло радио, орало просто, и Маргарита звонила в дверь около часа. Кроме этого орущего радио, дико орущего, она ничего не слышала. Ее стало все это очень беспокоить, она позвонила моему двоюродному брату, чтобы он приехал с ключом. Когда она вернулась, радио уже не орало...

— То есть кто-то вошел...

— Кто-то вышел. Маргарита думает, что вот в эти 20 минут, которые она ушла позвонить, этот человек вышел. Она думает, что, когда она звонила в дверную кнопку, этот человек был там. Еще одна странная вещь: мама была убита из пистолета с глушителем — тогда кто в Москве может иметь, неважно уже пистолет (что само по себе невероятно), но с глушителем?.. Потом обстоятельства ее похорон: все было заметено настолько! Мама умерла в пятницу, в понедельник все прикинулись, что никто ничего не знает. Люди из американского посольства приходили, чтобы узнать подробности, соседи говорили, что вообще не знают, кто такая Зоя Федорова. Не могли добиться, чтобы ее похороны были официально, на Мосфильме, что она и заслуживала. Не давали никакого места ни на одном кладбище. Произнести ее имя было почти как чума, люди очень странно реагировали. О ее смерти не сообщалось нигде, вообще. Мои многочисленные письма в Прокуратуру Советского Союза остались неотвеченными. Я, когда позвонила в посольство здесь и сказала, что еду в Москву на похороны,— они прикинулись, что вообще не знают, что произошло. Хотя я гарантирую, что им телефонный звонок проследовал через 15 минут после того, как это стало известно милиции. Меня не пустили на похороны... До этого я разговаривала с мамой: ее не пускали сюда, к нам, полтора года. И у меня была папка вот такой толщины, от всех сенаторов, конгрессменов, которые писали письма в советское посольство, ходатайствуя, чтобы маме было разрешено приехать и навестить нас. *А теперь причина: не пускали ее из-за того, что была издана книжка.* Мама пробивалась полтора года. И в понедельник этой страшной недели я разговаривала с нью-джерсийским сенатором, который мне сказал, что мы бы ей могли помочь, если бы она не просила визу гостевую, а на постоянное место жительства. Тогда бы мы могли вмешаться, а сейчас они нам отвечают, что это их «внутренние дела».

Я приехала домой и во вторник позвонила маме, я сказала: если ты хочешь, у тебя есть еще один ход, ты должна пойти в ОВИР и сказать: я не хочу эмигрировать, но я хочу увидеть мою дочь и моего внука, единственный шанс, который у меня остается,— это подать запрос о постоянном изменении места жительства, значит, эмигрировать. Я этого делать не хочу, но вы меня толкаете на этот шаг. Она мне позвонила в среду, что уже разговаривала с представителем ОВИРа на эту тему, и сказала, что, надеется, скоро услышит от них результаты.

В пятницу мне позвонила Маргарита и сказала, что маму убили... 11 декабря 81-го года, в пятницу. Говорила я с мамой последний раз в среду.

— Как ее похоронили?

— В конце концов добились племянники, чтобы ее похоронили на Ваганьковском кладбище. Мой двоюродный брат заказал памятник из гранита, очень хороший памятник, отпевали ее в церкви, на Ваганьковском, насколько я знаю, больше чем тысяча человек пришли.

— А ее «собратья» — актеры, режиссеры?

— Кто-то был, кто не боялся. Но в основном они все по норкам сидели. Похороны сняли на фотопленку, мне ее передали. Но я попросила мужа спрятать ее подальше, не думаю, что я когда-нибудь захочу посмотреть...

— Что-нибудь еще, какие-то факты, из чего можно сделать вывод, кто был замешан? Как, например, соседи отказывались, «Мосфильм» не принимал участия, естественно, никого не нашли никогда и так далее. И второй вопрос: почему им нужно было дождаться 1981 года, чтобы это сделать?

— Мне столько раз люди задавали этот вопрос. Я не знаю, зачем КГБ нужно было делать что-то 30 лет спустя. Или там был один индивидуальный кретин, который просто ненавидел маму, решил это сделать и избавиться от нее навсегда. Может, они уже устали от нее, все время какие-то истории... В то же самое время зачем это нужно было — не понимаю. В России же много происходит таких обстоятельств, когда нет никакой логики или последовательности, не говоря уже смысла, то самое, когда правая рука не знает, что делает левая. Один дает приказ, а зачем, почему, никто, кроме него, не знает. Очень возможно, что они вообще к этому никакого отношения не имеют. Но много странных обстоятельств... У меня, к сожалению, еще не было возможности говорить с людьми там. Маргарита уже умерла. Она как раз считала, что убийца убивал маму в тот момент, когда она звонила в дверь. Он был там! Поэтому он уже и не мог сделать радио тише, сделав его громко, и ждал, пока она уйдет, чтобы выйти из квартиры.

С двоюродным братом у меня не было возможности обсудить все подробности, а сейчас я с ним на эту тему даже не говорю.

— Почему?

— Потому что брата после убийства мамы сразу арестовали и сказали, что он убил маму. Посадили его на Лубянку и оставили голым в холодной камере-одиночке. Говорили, мол, признайся, что ты ее убил. Потом подсадили к нему какого-то «наседку», тогда он стал орать вне себя...

Возможно, что утром в пятницу маме кто-то угрожал (или шантажировал), тогда она взяла телефон и сказала, что сейчас позвонит в милицию, и в этот момент ее убили. Она так и была в халате, по-домашнему. Она сама открыла дверь... Потому что Маргарита должна была прийти... Вдруг это тот один идиотский шанс на сто, просто совпадение, что она ждала Маргариту, звонок раздался, и она в полной уверенности открыла.

Я никогда не отвечу на этот вопрос: кто? с полной убежденностью, или это КГБ, или воры, никогда об этом и не узнаю, я могу только строить версии на эту тему.

— Но в любом случае, кто это сделал, он знал, кто она такая?

— Думаю...

— Были ли это криминальные люди или КГБ, по смелости это все-таки напоминает вторых. Такое мое мнение.

— Мое тоже. Но тогда зачем?

— Может быть, из-за книги. Такая запоздалая месть. Ты нам так сделала, а мы тебе вот как сделаем! Мы тебя не добили тогда, можем добить сейчас.

— Я такие предположения слышала из уст людей: мы ее не добили и тебя, но мы вас когда-нибудь добьем. Один кэгэбэшник напился как-то раз до такого состояния, что в моей же квартире (я не знала, где он работает сначала), у нас была большая компания, всегда открыты двери для всех, сказал: досье на вас обоих вот такой толщины, мы только приказа ждем! Мне было лет 27–28, но дала я ему по голове бутылкой со всего размаха. Потом мне сказали, что он офицером в КГБ работает.

Вот, это факты, которыми я располагаю. Вам судить...

— Кто был ваш папа?

— Папу моего звали Джексон Роджер Тэйт. Во время Отечественной войны его послали в Советский Союз военным советником (так как США и СССР были союзниками) для того, чтобы он начал претворять в жизнь проект постройки военных баз с целью нападения на Японию из Сибири. И на одном из приемов в Москве он встретил маму, и они влюбились. Такая повседневная история! Мама была очень известной актрисой в то время, но, когда папа влюбился, он ничего о ней не знал. Они просто влюбились друг в друга, потом он уже узнал, кто она. Их предупреждали. Мама всегда говорила: «Нет, я настолько известная, они меня никогда не тронут», а папа был вообще человек из свободного мира, он говорил: «А что в этом страшного — любить», и ничего здесь не было, никакой политики, это была любовь. И они решили: папа был практически в разводе со своей женой, мама тогда не хотела бросать Россию или ее профессию, и они, значит, два идиота, решили, что им возможно будет жить шесть месяцев здесь, в Америке, и шесть месяцев в Советском Союзе. И что мама может продолжать свою карьеру. Так они и договорились. Закончится война, папа уедет в Америку, там официально разведется, а потом приедет и заберет маму. Наступило время победы в 45-м году, они были очень возбуждены этим (так как обе страны были против Гитлера), и победой и всем, и решили, что время проходит, терять его нельзя, и нужно, чтобы у них родился ребенок. Во имя Победы! Если девочка, то Виктория, если мальчик, то Виктор.

Так он стал моим папой.

Потом моего папу выслали. Как персону нон-грата. Ему дали 78 часов. Когда он потребовал объяснений в посольстве, ему сказали: «Джек, просто уже уезжай, от советских ты никаких объяснений не добьешься». Потом он добился объяснений в Америке, в Госдепартаменте, тоже наткнулся на глухую стену, потому что никто ничего не знал, никто не хотел ничего знать, ему все говорили: что же, здесь красивых женщин, что ли, нету, тебе больше всего нужно портить связи с Советским Союзом. Усугублять и без того сложные взаимоотношения. Короче говоря, он продолжал поиски мамы 2 года. Через два года ему пришло письмо из Стокгольма, написанное, как он посчитал, рукой мамы, так как он никогда не знал ее почерка, где было сказано: «Джек (а он ей все время писал письма), ты меня очень раздражаешь своими письмами и своим вниманием, я счастлива, я замужем, у меня двое детей, и оставь меня в покое». Папа сказал: «Меня это по самолюбию так ударило, я два года добивался хоть каких-то новостей, рвался туда поехать, разыскать ее...» А поскольку она ни на одно его письмо не отвечала, он решил: ладно, не хочешь меня, ну и не надо.

Естественно, что письмо написала не моя мама. Но он этого не знал. Мама в это время уже сидела на Лубянке, как предательница советского народа.

— Когда ваш папа узнал, что у него есть ребенок?

— Мне было тогда 15 лет, когда ему Ирина Кёрк позвонила и сказала (она в конце концов его адрес нашла, в связи с разными обстоятельствами она не могла раньше с ним связаться), она вся такая женщина — «таинственная незнакомка» — в судьбе моей семьи сыграла не последнюю роль. Она позвонила и сказала: «Значит ли что-нибудь для вас имя Зоя?» Потом была долгая пауза, и папа сказал: «Все». И в первый раз она сказала: «А знаете ли вы, что у вас есть дочь в Советском Союзе?» И он спросил: «Ее зовут Виктория?» Она сказала: да. Он начал плакать и сказал: я перезвоню вам... Папа, когда я узнала о нем, уже ушел из флота, он был адмирал в отставке. Жил он во Флориде, и я не видела своего отца 29 лет. Умер он от рака, его последние слова были обо мне... Я помню, он сказал, когда я его навещала в больнице: «Передай обязательно Зое, что она была единственная женщина, которую я действительно очень-очень любил».

— О вашем детстве?

— Родилась я в январе 46-го года. Когда мне было 11 месяцев, маму арестовали. Ей было повешено 7 или 8 статей, что она шпионка, террористка, что она собиралась подрыть тоннель под Кремль и разбомбить там все: 58-я — I, 58 —II, 58—VI, в общем, много ей дали статей — шпионаж и террор! — но в основном она была «шпионка для Америки». На допросе ей сказали: «Если бы вы сделали аборт, то мы вас простили, а поскольку вы еще и родили «врага народа» (то есть меня...), вот этого мы вам простить не можем». Меня забрала тетка, сестра моей мамы, но через несколько месяцев и ее вышвырнули из Москвы вместе с детьми (она была в разводе). И послали нас в Северный Казахстан, село Полудино, куда мы и приехали с двумя тюками. Тетя была бухгалтером, она работала. И так мы и жили: жрать было нечего, спать было негде, я помню, мы иногда просыпались, на стенках внутренних дома лед был — такой холод. Мамину сестру я называла мама, потому что я не знала, что у меня есть другая мама, и они мне решили не говорить, так как маме дали 25 лет и они думали, что мама там и умрет. Она действительно считала, что свою сестру уже никогда не увидит. Значит, она мне была мама и ее дети — моими братом и сестрой.

Ели мы в основном картошку, когда была картошка. Когда не было, то ели шкурки от картошки; хлеб черный, когда был. Иногда, по праздникам, она доставала на базаре молоко, когда денег хватало. В тарелках — молоко разливали в тарелки и замораживали, так оно и продавалось. Молоко было очень редко, потому что у «мамы» была очень маленькая зарплата и ее только-только хватало за комнату заплатить, где мы жили. Сахара не было, а чай был, вернее, подобие того, что называется чаем.

— Что вы помните о себе из детства?

— Первое, что я была очень независимая (и — осталась!). «Мама» была на работе, дети в школе, и я была сама по себе; на мне был дом, я должна была чистить, убирать, готовить обед перед тем, как они придут,— или то, что называлось обедом. Друзей у меня почти не было, кроме одной девочки, поскольку им запрещено было со мной общаться. Я читала очень много, я рано начала читать.

Был один случай, когда я почти утонула. Туалеты, как вы понимаете, были там на улице, и выгребные ямы были прямо на дворе. И одна из этих ям заброшенных поросла такой зеленоватой травой — травой... я не заметила и провалилась в нее. Не стоит говорить, что яма была полна г...а. И меня стало засасывать. Мне никто не помог, ни один человек, кроме собаки. У нас была собака, прибежала к нам, приблудилась, она была половина волк, половина немецкая овчарка, натуральная смесь, Рекс его звали. Он нас обожал, я не знаю, почему, мы его никогда не кормили, у нас нечем было кормить. И он меня спас, вытащил из этой ямы. Потом его отравили люди из деревни...

— Значит, не будь его...

— Не будь его, меня бы засосало! И не было бы нашего интервью с вами. Да, вот еще что помню: все время до меня доходили какие-то отголоски, что мама, с которой я живу,— это не моя мама. Что мама у меня другая. Потом, когда мне было года примерно четыре, я приехала в Москву на месяц к дальним маминым родственникам. И я помню, мы гуляли по Старому Арбату, они жили там, где старое американское посольство было, с их дочерью я гуляла, и мамина картина шла на экранах без маминого имени, без — кто играет в главной роли,— но огромная мамина фотография была, целый плакат-афиша. Я ее, естественно, не знала тогда, но девочка, моя четвероюродная сестра, сказала: «А это твоя мама!» И я повернулась, стала искать маму, спрашивать: «А где она, где?» Потом там же, в Москве, в их квартире была фотография над моей кроватью, я все время спрашивала, кто эта женщина, почему она над моей кроватью, они мне говорили: «Это актриса очень хорошая». В этой же квартире — это была сумасшедшая квартира, на Старом Арбате, в ней жило восемь — десять семей — был один сумасшедший, добрый сумасшедший. Я ненавидела мыться, баня, ванна для меня сущее наказание было, и я жутко орала, когда они меня вели в ванную, а он все время думал, что они меня истязают. И вот он как-то выскочил и заорал: «Мать убили, теперь дочь убиваете».

И все вот эти слухи, слова все время западали, и только позже, гораздо позже в моей жизни я все вместе сложила...

Потом за «хорошее поведение» нам разрешили переехать из деревни в город, Петропавловск назывался, в Казахстане.

— Где была настоящая мама в это время?

— Мама сидела в тюрьме, во Владимире.

— Это немного патетический вопрос: неужели за любовь можно получить 25 лет лагерей?

— Тюрьмы, лагеря бы еще хорошо было (как это парадоксально ни звучит), она сидела в Лубянке года три одна, в одиночке. И ей все время твердили: сознайтесь, сознайтесь. Мама говорила: «Они доводили на допросах меня до сумасшествия». Следователь долбил, долбил ее, потом, устав, поднимал телефон и звонил своей жене, и спрашивал: ну, как там наша Аллочка, спала ли она, чем ты ее кормила. О детях начинал говорить, то есть давил на самую больную рану в мамином сердце — дите.

Можно ли сажать за любовь? Только, наверное, в Советском Союзе такое могло произойти, во времена Сталина. Потому что шпионкой моя мама никогда не была, она просто никакой информации не знала. Они, наверное, были жутко разъярены, что она позволила себе влюбиться в американца вместо того, «чтоб в хорошего русского парня», как они говорили. Вот это ее и было единственное преступление.

— Ваша первая встреча с мамой?

— Первая встреча с мамой у меня произошла на вокзале. Когда маму амнистировали и выпустили из тюрьмы, в которую она вошла, когда ей было 33, а вышла в 41. (Новый следователь лишь извинился — ошибка. «Ошибка» стоила восемь лет жизни в тюрьме, разрушенной любви, семьи, потерянной дочери и многого, многого другого.)

Она прислала телеграмму нам в Казахстан, чтобы выслали меня. Во-вторых, она прислала огромное количество еды, я помню, мы открыли этот ящик. Я первый раз в жизни увидела апельсины и яблоки, я понятия не имела, что это такое. Яблоки я знала, как они выглядят, но я их никогда не трогала.

И меня отправили в Москву, ничего не объяснив, кто меня будет встречать. Я ехала на поезде четыре дня и очень была горда, что еду совершенно одна. Поезд опоздал часов на семь примерно. Меня только предупредили, что в Москве меня встретит моя «тетя» (тетя с мамой «поменялись» ролями) и чтобы я от вагона не отходила. В шапке конусом вверх, с чемоданчиком деревянным, в котором было два платьица, одно школьное и одно мое, я вышла на перрон. Я увидела самую прекрасную женщину, самую красивую, то есть она была для меня идеалом красоты (я не знала, что она была моя мама).

Она была в шубе (которую, как я впоследствии узнала, она заняла у своей бывшей тюремной подруги Руслановой), и не заняла, а Русланова сказала: «Зоя, ты должна появиться как прилично одетая женщина». Шаль у нее была такая на плечах,— и она очень была красивая... Она побежала ко мне, она меня сразу узнала, хотя не знала, не видела ни моих фотографий, ничего. И... упала на колени, и рыдала, и целовала меня. Я была очень смущена, потому что все смотрели, люди знали, кто мама была, люди ее узнавали. Я ее еще, глупая, отталкивала, потому что мне было ужасно неприятно, что все на нас смотрят и почему она плачет? Она на меня посмотрела и сказала: «Ты знаешь, кто я тебе?» Я говорю: «Да, ты моя тетя».

Это была наша первая встреча.

— Когда мама вам рассказала о тюремных годах?

— Сразу. Никто ничего не утаивал, ни она, ни родственники. Говорили: мама сидела в тюрьме, время такое было в стране, неправильное. Сама мама на протяжении всей жизни вспоминала годы, проведенные в тюрьме, свои чувства, мысли.

— Когда вы посмотрели мамины фильмы и какое впечатление было?

— Единственное впечатление, которое я запомнила: она была очень хорошенькая. Мама повела меня сразу в кино, кажется, мы смотрели ее известный фильм «Подруги». Но я всегда, помню, разделяла двух женщин: на экране была очень хорошенькая женщина, а рядом со мной сидела моя мама. Потом я пересмотрела почти все ее фильмы.

— Ваше отношение к Советской власти?

— Наверное, все мое отношение пришло от мамы. Она не любила Советскую власть, но она никогда не была зла на Советскую власть. Она никогда не оборачивалась назад и не горевала, что ее лучшие годы прошли не на свободе, что из «девичьих» ролей произошел прыжок-катапульта и она стала уже играть роли матерей этих девушек. Она никогда не была политической фигурой, ей было начхать на систему, которая ее никогда не волновала. Она спокойно относилась к тому, что ее больше не приглашали на приемы, на встречи, она никогда не была за границей, даже в Болгарии. Она оставалась как своего рода прокаженная (хотя и не была ни в чем виновата). И уж, естественно, я не могу относиться без ума к власти, которая так относилась к ней. За что? Мама была необыкновенно сильная по натуре женщина, обладала невероятной физической и психологической силой, такой, что можно было позавидовать. Она не позволяла себе быть в затравленном состоянии. Она понимала, что ее травят по-своему, другими методами. И исходило это от тех же людей, которые ее посадили в тюрьму. Психология ведь не изменилась даже после реабилитации. Мама всегда была затравленной: она никогда не была признана советским государством так, как она была признана народом. Несмотря на то, что за фильм «Фронтовые подруги» ей была дана Государственная премия СССР в 42-м году, я уверена, что ее даже в Советской энциклопедии нет. Тот факт, что она умерла, будучи «заслуженной», а не «народной», говорит сам за себя. Этот факт хорошо показывает, как к ней относилась Советская власть. Когда ее арестовали, у нее забрали квартиру на Горького (где она тайком встречалась с папой) и все, что ей принадлежало. После реабилитации, по закону, ей должны были вернуть ту же площадь, те же вещи — все, что она имела. Не стоит упоминать, что ей ничего не вернули. Кроме того, ей дали малюсенькую квартирку после нескольких *лет(!)* добиваний и трудностей. Вы знаете, что все известные актеры там имеют огромные квартиры, массу привилегий, такие, как Макарова, Бондарчук, Скобцева,— мама ничего этого не имела, потому что для советского государства она всегда была лицом нежелательным. Но для народа, как она сама говорила, я — народная. Народ ее боготворил, и это для нее была огромная отдача, важнее, чем любые привилегии.

Для правительства она всегда была и осталась «черной вороной». За это я их презирала и сейчас презираю.

— Как вы стали актрисой?

— Как я стала актрисой? Никто не знает. Я хотела быть врачом-психиатром. Мне было лет 14, и мама, помню, сказала: «Если ты будешь врачом-психиатром, то первым твоим пациентом буду я!» Она очень хотела, чтобы я была актрисой, а я совсем не хотела. Когда мы это обсуждали, она мне мягко говорила: «Я хочу, чтобы мое имя продолжалось на экране».

Мне уже было лет 15, когда кто-то в Ленинграде услышал, что у мамы есть дочка. Меня вызвали на пробу, и я снялась в первом фильме. Я еще училась в школе, и съемки происходили летом. Вторая роль после школы была...

— Как фильм назывался?

— Я, честно, не помню. Это так давно было.

Потом в те времена была очень-очень популярная повесть «До свидания, мальчики!» Балтера. Режиссер Кулик ставил эту картину, и мне страшно хотелось сыграть главную героиню, она мне понравилась в книжке. Меня вызвали на пробу. Но была одна проблема: режиссер был чуть ли не на голову ниже меня, и он терпеть не мог высоких девушек (я и по русским стандартам считалась высокой, тем более что в 16 лет я была такого же роста, как и сейчас). Он посмотрел на меня и сказал: «Здорова больно для героини, мне нужна маленькая девочка, аккуратненькая — девочка морей! Для тебя у меня есть другая роль, подружки героини, ты и без грима для нее легко подойдешь вот такая, неуклюжая».

Это была моя вторая маленькая роль. Половину которой порезали к тому времени, когда картина вышла на экраны. Я тогда еще толком не думала становиться актрисой. Блуждания какие-то были. Интересно, когда вышли «До свидания, мальчики!», мама с Руслановой пришли в кинотеатр, а там и пятиминутной роли не осталось, сели в первом ряду, и, когда мое личико появилось на экране, Русланова повернулась к маме и сказала: а ты помнишь, Зойка, когда мы справляли Викин день рождения (сидя в тюрьме, они каждый год справляли мой день рождения), я тебе говорила, что когда-нибудь, не скоро, ты и я пойдем в кинотеатр и будем смотреть Вику на экране. И она будет играть в фильме. Ты тогда мне не верила, вот это и случилось. И они пришли домой обе зареванные, в слезах, и они так были счастливы, что что-то случилось. В 1964-м году.

Дальше я снялась в фильме «Двое» Миши Богина, и на этой картине я точно решила, что стану актрисой. Мне было 18 лет, после этой картины ко мне пришла известность и прочее, фильм завоевал Золотой приз на Международном московском кинофестивале. Я играла глухонемую девушку (фильм шел на многих экранах мира под названием «Баллада о любви»). Мамуля смотрела фильм несколько раз, и каждый раз она плакала... А я молила Бога, чтобы мой папа в Америке увидел меня в кино, узнал и приехал в Москву со мной увидеться. Я получила разные премии, и меня пригласили в штат «Мосфильма» (без института и диплома, что была большая редкость). Все было хорошо, единственное только — меня никогда не выпускали за границу. Никогда! Даже в Болгарию, шестнадцатую советскую социалистическую республику.

— Вам заплатили много денег за главную роль?

— Прямо кучу! Копейки заплатили, сколько там платили. Я уезжала, у меня зарплата была 200 рублей в месяц. «Признанная актриса». У мамы был «потолок» 450 рублей.

— Это в неделю?

— В месяц! А если не снимается, то половину. И это считались большие деньги в те времена!

Потом у нас с мамой был долгий разговор, она сказала: «Ты, конечно, эмоциональный человек, сентиментальный. Эмоции, талант — это все хорошо, но нужно стать профессионалом, нужно пойти в институт и получить образование». До этого, правда, сразу после школы я пошла в новую драматическую студию имени Станиславского, где проучилась два года на курсах. Мама хотела, чтобы я пошла в театральное училище. Я ей сказала: «Нет, в театральное не пойду, потому что театральной актрисой я быть не хочу (меня кино уже отравило к тому времени)». И я решила поступать во ВГИК. Это происходило в 65-м году, профессора у меня были Бибиков и Пыжова, я попала в их мастерскую. Они были ученики Станиславского и, как это ни парадоксально, кино терпеть не могли и совершенно не признавали. Но у них была лучшая мастерская во ВГИКе. Конкурс был на каждое место умопомрачительный, но я честно прошла все туры и все экзамены. И на четвертом туре, я помню, Бибиков мне сказал: «А ну-ка, повернитесь в профиль». (Меня это так разозлило, как будто я лошадь какая-то, я повернулась, он посмотрел, и я говорю: каким еще местом вам повернуться? Он так удивился.) Прищурившись и осмотрев меня, он сказал: «Лицо ваше, чем-то вы мне кого-то напоминаете». И так до первого дня, когда мы стали учиться, он не знал, что моя мама была актриса. Потом это узнали. Так что, я надеюсь, не по связям поступала.

— Ваш первый фильм, ваш последний

фильм в Советском Союзе, ваш лучший фильм? Ну, первый фильм вы не помните! Чего там, такой пустяк, каждый из нас снимался в художественных фильмах.

— «Возвращенная музыка», вспомнила. Первый был фильм, снятый на «Ленфильме» примерно в 63-м году. Лучший фильм, наверно, «О любви». Последний фильм был, помоему, для телевидения и назывался он «Первый снег», тоже о любви.

— В скольких всего фильмах вы снялись?

— Пятнадцать, не то четырнадцать.

— Помните названия каких-нибудь из них?

— Фильмы были в основном довольно посредственные, и вообще о прошлом не люблю говорить о своем, прошло оно — и ладно. Из всей кучи стóящих было два: «Двое» и «О любви». И достаточно. Все остальное было очень посредственно. Там ведь не выбираешь, тебе говорят, и ты едешь сниматься. Но мне нравилось сниматься, не отрицаю. Очень нравилось работать в кино.

— Здесь вы брали кассеты ваших фильмов посмотреть на себя в молодости?

— Нет, зачем?! Это мое прошлое, чего ж я буду ковыряться в прошлом? Я не тот человек.

— Как вам удалось вырваться в Америку?

— Мне было лет 13, наверно, когда я начала задавать маме вопросы о моем отце. И она мне сказала, что папа был летчик и он погиб во время войны. Кстати, у нее был очень большой роман с летчиком, которого звали Иван, он жутко был в нее влюблен, и мама его очень любила, он разбился действительно. Он во время войны, когда есть вообще было нечего, достал где-то утку к Рождеству и полетел к маме,— и разбился. И если бы этого не случилось, меня бы не было, потому что мама рассказывала, что она его очень любила. Поэтому, когда она мне рассказала эту историю, это было не так далеко от правды, у нее в голове был этот летчик. Потом я стала опять истории слышать, что отец у меня был вроде американец, доносились отголоски их романа. И в один прекрасный вечер мама села со мной за стол и рассказала мне всю историю с моим отцом. Что произошло и за что ее действительно посадили. (До этого она говорила, что миллионы сажали за анекдоты и так далее.) Я была жутко заинтересована и заинтригована, и я спросила: «Мама, а у тебя есть его фотография?» Она сказала, что все забрали и конфисковали, я говорю, ну, у тебя есть хоть что-нибудь посмотреть, как он выглядел, она говорит, пойди на себя в зеркало, посмотри.

...Я сказала: его же нужно найти, мама ответила: Вика, меня за это в тюрьму посадили, я не хочу, чтобы у тебя такая же судьба была. Забудь о нем.

И это забылось на несколько лет. Потом приехала женщина одна из Америки, мама рассказала ей эту историю, и она сказала, что, если это возможно, я попытаюсь его найти. Звали ее Ирина Кёрк. У нее ушло 15 лет на это «попытаюсь». Но все-таки они нашли друг друга, пятнадцать лет на поиски... Хотя могло все это произойти и раньше. Ну да ладно, видимо, что написано на роду, никуда не денешься.

В 1974 году я обратилась за визой к советским, после того как получила приглашение из Америки от своего папы.

— И?

— Вот она, я! (улыбается).

— Вик, ну я серьезно?

— Я тоже.

— «А из зала мне кричат: давай подробности!»

— Даже в 74-м «либеральном» году вырваться мне лично было очень трудно. Началось промывание мозгов, меня вызвали в «Мосфильм» на «заседание профкома» или как там это называется? И кэгэбисты стали меня спрашивать: что происходит в нашей стране? Или: а что обсуждалось на XXV съезде коммунистической партии? Я говорю: а я-то откуда знаю. Они мне говорят: ну как же мы вас можем послать в Соединенные Штаты Америки, когда вы не знаете, что у вас в родной стране происходит. А если у вас там спросят, а что... Я говорю: я отца своего 29 лет не видела, он меня обнимет, поцелует и скажет: Вика, а вот что произошло на XXV съезде КПСС, мне это очень важно знать. В общем, мне сказали, что я «неподкованная», морально неустойчивая, вы, говорят, не замужем, у вас есть любовник... Я говорю: а у вас нету? Их там человек 25 сидело. Короче говоря, их заведующий КГБ на «Мосфильме» мне прямо в лицо говорит: вы увидите своего отца, как вы увидите свои уши. И у меня истерика началась. Я говорю, а кто вы такой, кто вам дал право сказать мне, увижу я своего отца или нет! Я не еду как актриса, я не прошу отпустить меня как делегата вашей страны, я хочу увидеть своего отца. Вы тут сидите, гэбистские крысы, на «Мосфильме» и мне говорите, что я не могу этого сделать, вы разрушили жизнь моей матери, а теперь еще и мне «палки в колеса ставите»!

— Так и сказали?

— О, я была жутко злая, я шла ва-банк. Повернулась и ушла. Позвонила из автомата корреспонденту «Нью-Йорк Таймс», а там уже знали, что у меня есть какая-то история, я представилась и попросила увидеться. И через двадцать минут они, как пауки, на меня набросились: «Нью-Йорк Таймс», «Лос-Анджелес Таймс», еще кто-то. Я дала пресс-конференцию для газет 20 дома, в квартире, где я жила с мамой. (У меня никогда отдельной квартиры не было.)

Недели через две меня опять вызвали, уже другой мужчина: «Ну, Виктория, ну зачем же нужно было вот так вот, сразу репортерам, в газеты, можно ж было и по-человечески»...

Мама в это время была в жуткой панике. На «Мосфильме» всегда висят большие фотографии актеров, вдруг мои в это время стали сниматься со стен. То же самое произошло после войны с мамиными фотографиями перед тем, как ее посадили. И она находилась в панике, для нее это был явный сигнал, что меня арестуют. Я действительно лезла на рожон с ними, так как в здравом смысле человек, который хочет продолжать карьеру на «Мосфильме», им бы такого не сказал. После этого наступила полная тишина, вакуум. Потом вдруг они стали забрасывать меня предложениями сниматься в фильмах, по пять заявок сразу поступало. Я говорю: я соглашусь, а потом вы меня никуда не отпустите, скажете, фильм оканчивать надо. Они мне говорят: тогда мы тебя уволим, я говорю: увольняйте. Они не уволили. Почему бы это? Год я прожила, никаких известий не получала, жила, что называется, «в бимбо». И в один прекрасный день раздался звонок из ОВИРа: принесите 365 рублей и получите визу. Год я не снималась, отказывалась. Мамуля мне помогала финансово, меня всегда мамочка кормила.

— Какое участие принимал «Нэйшенэл Энквайерер» во всем этом? В вашем приезде и переезде в Америку?

— Большое. Они пронюхали, когда в газетах стали писать, и прислали в Москву двух репортеров. Один говорил по-русски, мы такой-то журнал, 12 миллионов циркуляция, хотим сделать с вами договор на «исключительное интервью». Что это такое, для меня в Советском Союзе было абсолютно непонятно, и я сказала: я с вами ничего подписывать не буду, но если вы поговорите с моим отцом и он посчитает, что это нормально, тогда другой разговор будет. Они приезжали еще пару раз и в последний приезд сообщили, что отец согласился подписать с ними договор, и они мне заплатят 10 000 долларов. (Я на «Мосфильме» за всю свою жизнь столько денег не получила.) Деньги были кстати, потому что я хотела купить много вещей, а у отца я бы никогда не взяла. Они мне купили билет: получила я визу, допустим, в четверг (они сидели в Москве и уже ждали), а в субботу я улетела. Настолько они все подгоняли. Они меня замаскировали, чтобы никто другой не знал и не узнал, купили мне какой-то жуткий парик, очки, шляпу. Меняли рейсы, запутывали следы. В результате мы улетели на «Сабене» в Бельгию, из Бельгии мы пересели на что-то другое, приехали в Нью-Йорк, из Нью-Йорка прилетели в Майами, а из Майами поехали в Виро Бич. Там мы должны были провести три недели в уединении, потому что они имели права на «исключительное интервью». Мы провели с папой это время на острове, на этом их желание

и мое представление закончились. Они заплатили мне десять тысяч, вот и все их участие в этом.

— Я пока не спрашиваю, как вы их потратили?

— Вещи, платья, кофты. Подарки, подарки. Всем подарки купила, даже своему бывшему поклоннику.

— Вы не видели своего отца 29 лет. Опишите вашу первую встречу. Первые дни. О чем вы говорили?

— Волновалась я очень. Полет был жутко долгий. Потом они принудили меня в этом парике все время быть, волосы слиплись под париком. Я когда подсчитала, по-моему, я летела 32 часа...

— 33.

— Да? Хорошая память! От дома в Москве до Виро Бич, где папа ожидал меня во Флориде. За час до назначенного места встречи я потребовала остановку, чтобы привести себя в полный порядок, там меня ждал парикмахер,— я хотела предстать перед папой в самом наилучшем виде. Приехали мы в Виро Бич на рассвете, первый раз я увидела тропики, природу, услышала шум океана. Я летела в марте в жуткий мороз, а тут тепло, пальмы, океан. Чудное место. Конечно, все репортеры ждали и фотографы из этого журнала. И вот один шаг мне надо было сделать, открыть эту дверь, войти и что будет, то будет. И вот у меня не было сил открыть этой двери. Я уже знала, что он там, я его так давно мечтала и хотела увидеть, столько вопросов у меня к нему было, так хотелось его обнять и поцеловать,— а войти не могла. Потом, я помню, стала сползать по стене вниз, и они, эти люди из газеты, меня под руки подхватили, дверь открыли и как собачонку в комнату швырнули. Единственное, что я помню: папа стоял посредине комнаты, и он на меня смотрел, и у него такие же глаза были, как у меня, абсолютно одинаковые глаза... И я бросилась к нему, мы обняли друг друга, и он мне прошептал по-русски: «Маленькая дьевочка», а потом он стал петь «Я цыганский барон, я в цыганку влюблен...». И слезы у него катились, и он меня целовал, обнимал, и я его целовала. Потом, наверное, только минуты через две мы нашли силы посмотреть друг на друга. До этого были только объятия. И он мне сказал: «Маленькая девочка», это я так называл твою маму тридцать лет назад».

Потом я увидела женщину, сидящую в углу, которая была его женой и которой меня представили.

После этого я пошла спать, так как 33 часа я не спала. Вернее, меня отправили спать, у меня была своя секретарша, был и переводчик, хотя я немножко знала английский. Я отоспалась, пришла в себя. И после этого началось рутинное пребывание людей, которые бы очень хотели побыть одни и которые были постоянно окружены двадцатью людьми. Постоянно присутствовал переводчик (который, естественно, был из журнала), и он все время записывал наши разговоры. Папа, по-моему, он всегда чувствовал огромное чувство вины за то, что произошло с мамой и со мной, поэтому он пытался о прошлом не говорить. Только мне сказал: «Я себе не представлял, что за любовь кто-нибудь так может наказать человека». Мы много говорили о маме, обо мне, говорили об его жизни. Было очень трудно, так как то, о чем бы он хотел меня спросить или я хотела бы ему рассказать,— это вещи, о которых человек не хотел бы говорить через переводчика, так что то, что мы говорили первые дни, недели,— это было почти что нащупывание друг друга, обнюхивание. Несмотря на то, что мы были кровные родственники, мы были чужие, и, когда два человека хотят друг друга узнать, и есть еще 30 человек, которые торчат вокруг и хотят все узнать, записать, сфотографировать,— это накладывает определенные ограничения. Поэтому первые две недели мы больше смотрели друг на друга, сидели, прикасались. Общение в первое время было почти минимальное, это больше было по-собачьи: посмотришь, потрогаешь, погладишь.

Папа умер в 78-м году от рака, он знал, что он умирает, я приезжала к нему в госпиталь, и он спокойно говорил мне об этом. Я смотрела ему в глаза и видела, что он действительно не боялся, это не бравада была. И он все время мне повторял, чтобы я передала маме, что она была единственная, которую он всегда любил и сейчас любит, что она была единственная ЖЕНЩИНА для него. Я очень горжусь, что ты моя дочь, сказал мне папа в нашу последнюю встречу, и в двадцать пятый раз повторил: я хочу, чтобы ты всегда знала, что ты не была о ш и б к о й, ты была продуманным планом, мы очень любили друг друга и очень хотели ребенка.

— Сколько раз мама была в Америке?

— Три. Она обожала эту страну. Она, во-первых, себя чувствовала, как будто она здесь уже была. Ей подстраиваться ни к чему не нужно было. Она совершенно спокойно на третий день поехала на поезде из Коннектикута в Нью-Йорк одна. Не зная ни языка, ни карты. Мама приехала первый раз, когда родился мой сын Крис, Кристик, это было в 76-м году, и потом она была еще два раза: через год и еще через год.

— На похороны папы мама не приезжала?

— Если меня на ее похороны не пустили, можете себе представить, что ее на его похороны пустят.

Три раза ее выпускали. Мама чувствовала себя как рыба в воде в Америке. Она ездила, куда хотела. У нее была масса друзей: и те, кто эмигрировали, и те, что знали ее со времен войны, американцы, когда она встречалась с папой и ходила на все их вечеринки. Она знала немного английский, но ей его абсолютно хватало, чтобы общаться с людьми на разные темы или находить способ мимикой или еще чем-то выразить, что она хотела сказать. Пассивный запас у нее был гораздо больше, чем разговорный.

Единственно, что ее поразило, когда я взяла ее в супермаркет первый раз, и она мне сказала (многозначительно): «Но мясо ведь это не настоящее...» Я говорю: «Что значит не настоящее?» Она: «Ну, это бутафория». Я говорю: «Нет, мамуля, это покупаешь». И я помню, она пальцем ткнула, чтобы проверить.

— Она готовила вообще?

— Мама — она была гениальная актриса, великолепная мать и самый худший повар, которого только можно себе представить. Она делала великолепно яйца и гречневую кашу, и все.

— Но это уже неплохо?

— А как можно испортить яйца?!

— Последний фильм мамы, и в скольких фильмах она снялась? Какие лучшие фильмы?

— У мамы было больше 70 картин, но сколько точно, я не знаю. Последний фильм, по-моему,— это «Москва слезам не верит», небольшая роль.

Лучшие фильмы, мама считала, «Музыкальная история», «Подруги», «Поэт», «Гармонь» она любила тоже. После войны, в 50-х годах, много было комедийных ролей в таких фильмах, как «Медовый месяц», «Пропало лето», «Свадьба в Малиновке», «Автомобиль, скрипка и собака Клякса»,— те, что я помню. Было, естественно, много и других. Она была великолепная актриса, она очень хорошо и органично перешла от главных героинь на характерные роли — «мамы», «тети». Не по своей «вине», правда...

— Вместе вам никогда сняться не удалось?

— К сожалению. Всегда думали об этом, но это не получилось. Хотя я помню, что снималась в фильме «Белые ночи», кажется, назывался. Мама приехала навестить меня в Ленинград. И мама сказала режиссеру: «Я так хочу с Викой сняться в одном фильме, что даже в массовке буду». И у нас была ночная смена, мы снимали какой-то переход через мост, и она говорит, я притворюсь, значит, что я мама и веду сына пьяного домой. Вот она прошла, потом поворачивается и говорит: а ставка у меня такая-то и такая-то! И после этого мы шутили, что у нас единственный фильм вместе — спину во-от там видите?! Это я.

— Как и почему вы решили остаться в Америке?

— (Смеется!) Я ничего не решала, я просто влюбилась...

— После первого раза вы вернулись назад, да?

— Я не возвращалась назад.

— Никогда???

— Я вернулась только, когда Кристику был год...

— А-а, так вы еще и «невозвращенка»?!

— Дело в том, что я оставаться в Америке не собиралась. Как бы страна хороша ни была, у меня здесь ничего не было — ни корней, ни друзей, ни работы, ни мамы. И я действительно собиралась ехать обратно, все деньги, которые я получила от «Энквайерера», я потратила. Один раз папа повел меня в клуб моряков к своему приятелю — у хозяина только что родились щенки, маленькие пуделечки. Он спросил: «Хочешь собаку»? Я говорю, хочу! И он мне дал собаку, вот эту, которую вы видите, назвала я ее Сэйлор («Моряк»). В Москве это имя звучало бы в самый раз. В общем, я собралась возвращаться домой, но проблема была с собакой, потому что я хотела остановиться в Париже и Лондоне, так как понимала, что у меня такой возможности («золотой») больше не будет. А в Лондоне шесть месяцев «карантин» для животных. Вот тут-то меня познакомили с Фредом. На тот случай, чтобы он отвез мою собаку в Москву прямиком. Когда нас познакомили, он ко мне повернулся и сказал: «Меня зовут Фред». И я влюбилась, до того еще, как он закончил предложение.

— Вы ему об этом сразу сказали?

— Нет, я ему об этом сразу не сказала, но сказала я ему об этом довольно скоро. И стали мы думать и гадать, что нам делать. Потому что замуж выходить я не хотела. Он жениться тоже не хотел. Психологически я была совершенно не подготовлена жить в этой стране. Я никому в Москве не сказала «до свидания», я уехала с полной уверенностью, что вернусь через три месяца. Тем временем Фред съездил два раза в Москву, я с ним отправила четыре моих чемодана вещей, которые я купила, он отдал их маме, они познакомились. Потом время стало подходить к концу, мне надо было возвращаться в Москву. И тогда мы решили, что просто будем жить вместе, потому что он был два раза женат, и я была два раза замужем. Мы не хотели жениться. Мы просто друг друга не знали. И мы приехали во Флориду поговорить с папой по этому поводу. Во время обеда папа сказал Фреду: «Что ж, вы вот так в Госдепартаменте и скажите, что мы решили жить вместе». Папа был очень огорчен, он боялся за маму в Москве. Потом я сказала Фреду: «Знаешь что, Фред, я поеду в Москву все равно, у тебя есть возможность летать (да, забыла сказать, что он капитан экипажа и летает в «Пан Америкэн» авиакомпании), если это действительно любовь, то прилетай в Москву...

— Разгонять тоску!..

— Да, разгонять тоску! Мы будем видеться... И решим, со временем мы поймем, это надо нам или нет, а если надо — судьба нас так и так сведет. Когда мне уже осталась неделя до отъезда и стало понятно, что мне надо уезжать, реальность такая... Он сказал: «А-а, Бог со всем, давай поженимся!» Позвонили маме. Она с Фредом в Москве уже встречалась, и он ей очень понравился. Когда мы спросили ее благословения, она была очень счастлива за нас. Я помню ее слова: «Он ведь тоже летчик»... Я тогда подумала о ней, о папе... об их неслучившемся счастье...

Так что, поэтому я осталась, не из каких-то политических соображений, не потому что одна страна лучше или другая, хотя, конечно, Америка ни в какое сравнение с Советским Союзом не идет (думаю, ничего оригинального не сказала). Тем не менее я была очень привязана к Москве. У меня были свои друзья, среда, работа, которую я очень любила.

— Вы были известной киноактрисой в СССР. Не тосковали ли вы по профессии?

— Известной или неизвестной, это к делу никакого отношения не имеет. Когда я приняла решение остаться, это был сознательный шаг. Я понимала, что начинать артистическую карьеру в 30 лет в любой стране — это уже поздно. Тем более человеку, который практически не знает языка, ведь говорить правильно и хорошо — это 80 процентов актерской работы. И когда ты не понимаешь, о чем тебе говорят или о чем ты говоришь,— как же ты можешь играть?! С самого начала у меня никогда не было этой идеи: перенести мою карьеру из одной страны в другую. Хотя всегда я думала, если когда-нибудь будет написана книжка о маминой жизни, я бы хотела сыграть маму. Единственная идея фикс, которая у меня была здесь, которая, к сожалению, никогда не воплотилась в реальность. И я довольно хорошо осознала тот факт, что я становлюсь женой и живу той жизнью, которой мой муж живет. И семья. В какие-то минуты, когда чувствуешь меланхолию или легкую депрессию, тогда приходит чувство, желание возвратить утерянное.

— Там вас знала каждая собака...

— Это меня не волнует. Здесь меня тоже много «собак» знают. Эта часть меня не трогает, мне этого не надо.

— То есть «публичное одиночество» вас не интересует?

— «Публичное» меня вообще раздражает и никак не касается. А вот если есть работа — это другое дело.

— Вы здесь не снимались?

— Снималась, но редко. Моя карьера остановилась, когда я решила остаться. И сделала я это сознательно.

— Что, вы думаете, с вами стало бы в Советском Союзе, если бы вы продолжали быть актрисой? Или вы не думали об этом?

— Думала. Но кто же знает, может, была очень высоко или очень низко. Или спилась... Многие считали, что если бы я вернулась... ну, да что об этом говорить. Я не вернулась!

Через год я поехала туда. Через год мне разрешили, в 77-м году, это была единственная поездка. Уже американская жена, но советская гражданка.

— Они вас не лишили гражданства?!

— Нет. Я лишила сама себя, я отправила им советский паспорт после маминой смерти. Но они меня все равно почему-то считают своей гражданкой... Так вот, когда я с малышом поехала в июне туда и встретилась с друзьями, то так получается, что их интересы — уже не мои интересы, моя жизнь им совершенно непонятна. И поэтому приятно было повидаться, приятно было поговорить, но через некоторое время ты уже не знаешь, о чем говорить.

Ностальгия даже теперь возникает иногда, особенно когда поругаюсь с мужем, думаю, вот соберусь сейчас и — туда.

— Толстого нет, остается вам рассказать о семейной жизни русской жены и американского мужа?

— Жизнь нормальная, такая, как у всех. Но я считаю, лучше всего, когда люди женятся на своей национальности, если можно так сказать, то есть общие корни, культура, взаимопонимание в традициях и привычках. Для меня первый год, первые два года были жутко трудные, мне нужно было не только узнать страну, язык и прочее,— мне нужно было подстроиться под тот уровень жизни, который ведет мой муж. Потом у меня ребенок сразу родился, словом, все навалилось. Я ведь не была готова ни к эмиграции, ни к миграции. Многие эмигранты, которых я знаю, у них ничего не изменилось в жизни, то есть микромир остался тот же. Я должна была поменять 95 процентов привычек из своей прошлой жизни, приспособиться к новому обществу. И да, я стала, наверно, то, что здесь называется уездная американская жена, которая, правда, ни о чем не сожалеет. И крутится как белка в колесе, в полночь ложится спать, половины дел не переделав. Нет времени ни читать (что я очень люблю делать), ни рисовать (я рисую). Я дом вот крашу и переделываю.

Касательно семейной жизни русской жены и американского мужа. Трудно довольно-таки. У меня ушло много времени, чтобы мой муж понял, что женщина и мужчина равны. Хотя Фред абсолютно современный интеллигентный человек, для него женщина все равно ниже, чем мужчина...

— Она самолет, а он пилот...

— Да... Я говорю, ну, ладно, я тебе покажу, что такое ниже. На этом у нас были огромные распри, он не понимает, что мы одинаковые. Я жила и была очень независимым человеком. Ни у кого ничего не спрашивала. И вдруг здесь мне нужно было примириться с очень многими вещами. Он мне говорил: «А это у нас так не делается». Я говорю: «Может, у вас так не делается, а у нас делается». Культура, воспитание, как я сказала раньше,— я человек, который показывает свои эмоции и аффектацию, он не показывает свои эмоции. Фред считал, что это неприлично — показывать свои эмоции, если мы не одни в комнате. Даже поцелуй в щечку был табу. Но тут он «перевоспитался». Сейчас говорит: «А где мой поцелуй, почему ты меня не обняла?» Но на это времени ушло сколько! И так далее, и тому подобное. В общем, не Анна Каренина, но и свои трудности были, много, обо всех рассказывать — скучно станет.

— Как возникла идея о книге? Судьба книги?

— Идея всегда была. Потому что история эта настолько необычная, настолько драматична. Я помню, еще в Москве в один прекрасный день мама сказала: «Знаешь, когда-нибудь обо мне книжку напишут...» Тогда никто не мог себе представить и даже вообразить, что я буду жить в Америке. Писали мы книжку месяцев шесть (довольно быстро, сроки от издательства сжатые были), начали в 78-м году. Я в это время работала манекенщицей и познакомилась с одним профессиональным менеджером. Недели через две он ко мне приходит и говорит: «Вик, знаешь что, «Делакорте» (большое нью-йоркское издательство.— Прим. авт.) хотят твою историю и хотят ее очень сильно, на любых условиях, умирают просто. Я говорю, да я не знаю. Он говорит, ну пойдем поговорим хотя бы. Мы тогда жили в Стамфорде. Пошли мы с ним, поговорили с президентом издательства. Очаровательный дядька, короче, он сказал, мы вам предлагаем то-то и то-то. Были у нас переговоры и с другими крупными издательствами, но они единственные, которые согласились на то, что мне нужно было: что у меня были права на проверку, на заключительный вариант, и они согласились это сделать в хорошие сроки, они должны были найти писателя (с кем мне работать), чтобы я не ковырялась, и они предложили хорошие деньги. Кстати, деньги, половину, я маме отдала, положила здесь на ее счет. К сожалению, она потратила очень мало...

Писали мы, сидя у меня дома, с американским журналистом-писателем. К тому времени я уже бегло говорила по-английски. Рылись в вырезках, бумагах. Напарник ездил беседовал с папой, много говорил со мной, мы использовали мамины дневники, чудом вывезенные из Советского Союза. Писали книгу вместе и старались уложиться в сроки. Мы работали всю осень и зиму, и появилась книга ранней весной 79-го года.

— Какие чувства были, когда вы первую книгу увидели?

— Плакала я очень сильно. Читала, очень эмоционально... Продавалась книга хорошо, ее потом издали в мягкой обложке, но цифры я не знаю, никогда не интересовалась этим.

— Будет ли фильм?

— Надеюсь, что будет. Переговоры начались 7 (!) лет назад. Иногда мне кажется, что судьба не хочет, чтобы это случилось: потому что мы столько раз были так близки, чтобы начать... я вам передать не могу. У меня есть продюсер, мы заключили контракт, он сам из ЮАР, но работает в Голливуде больше 15 лет, очень хорошо знает и понимает нашу историю как человек, он не относится к ней с коммерческой точки зрения только. Он знал маму, я их познакомила, он и его жена стали моими очень близкими друзьями, чудные люди, которых я очень и очень люблю. Они же и написали сценарий. Сначала у меня было условие, что я должна играть маму. У нас стали возникать проблемы, фильм должен был стоить примерно пятнадцать миллионов, никто из финансистов и вкладчиков не хотел внести такие деньги под какую-то «Викторию Федорову», которая никому не известна как актриса. Тем не менее были у нас предварительные переговоры с «Юниверсал», с их президентом, уже обо всем договорились, он согласен был, чтобы я играла главную роль — маму, название сам дал, ему понравилось — «Вика», в общем, обо всем договорились, через неделю его сняли. Долгая была возня с «Эй-би-си», «Си-би-эс», с телевизионными студиями. Они соглашались при условии, что другая актриса будет играть роль, на что я не соглашалась. Я рассказываю вам это на протяжении пяти минут, но на эти переговоры уходили годы. Потом были переговоры опять с телевидением, опять «Эй-би-си», «Си-би-эс», но они хотели историю переделать, «подсмаковать», как они говорили. Я себе представила, что из этого получится... То они говорили «да», то они говорили «нет». То мы должны были уже приступать к съемкам, на следующий день звонит мой друг-продюсер и говорит, что все поменялись и надо начинать все опять сначала — новые переговоры.

В один прекрасный день, года три назад, я сказала: хорошо, я отступаюсь, согласна быть сопродюсером, пускай кто-нибудь другой играет роль мамы. Если это невозможно, чтобы я играла, мы пять лет уже боремся, в конце концов сама история важней. И мой продюсер предложил эту роль Софи Лорен. Мама мне когда-то сказала, ничего еще не зная об этом, если ты не сможешь сыграть меня, то единственная актриса, которую бы я хотела, чтобы играла,— это Софи Лорен. Софи Лорен прочитала книжку и совершенно влюбилась в историю, в мою маму,— мы встретились с ней. Она сказала, за двадцать лет у меня не было лучшего материала играть как актрисе. Уже, казалось бы, был расклад, который устраивал всех, и нас и «Эй-би-си», лучший их режиссер должен был ставить эти серии, и в последний момент руководство там опять сменилось, и новые «верха» сказали, что Софи Лорен сегодня уже не «товар», она старая, у нее акцент сильный и так далее. Вот это уже был удар для всех, и невероятно сильный. Потому что мы все хотели, включая меня, чтобы Софи играла...

Буквально несколько дней назад звонил мой продюсер и сказал, что сейчас итальянец Карло Понти ведет переговоры уже с «Эн-би-си», чтобы в главной роли снималась Софи Лорен и начать картину в мае 88-го. Начнется или нет, не знаю, но думаю, что начнется.

— Оглядываясь теперь, что вы думаете о вашей жизни, об ее неожиданных поворотах (и разворотах)? Такой ли вы представляли ее себе, жизнь, находясь маленькой девочкой в ссылке в Петропавловске?

— Думаю, что я сумасшедшая и жизнь у меня сумасшедшая, все так и продолжается, как началось. Все, что у меня на Судьбе написано, я должна через это пройти, через эти волны, которые накатываются на меня.

Очень часто я спрашиваю саму себя, тот же вопрос, надо же, насколько моя жизнь шла вверх и вниз все время, у меня никогда не было ровной, спокойной линии. Могла ли я когда-нибудь, находясь в этой маленькой деревушке, думать, что я буду жить в Америке? Нет, не могла. Я не ожидала, что мою жизнь будет так круто заворачивать, мне бы хотелось помягче повороты.

— Чем вы занимаетесь в свободное время? Ваши планы на будущее?

— Посуду мо́ю! Я занимаюсь домом, я занимаюсь сыном (он ни слова не говорит по-русски, предупреждаю ваш вопрос), очень много времени отдаю сыну, потому что, я считаю, это весьма важно, у меня с сыном очень близкие взаимоотношения. Я свою карьеру закончила и всю свою энергию перенесла на воспитание сына. Они вчера выиграли матч по американскому футболу, и я прямо на стадионе разрыдалась — я была счастлива за него.

Что еще я делаю? Я занимаюсь искусством, читаю много книг по искусству, я очень люблю художников, я сама рисую, когда хочу, я играю в теннис, и я пытаюсь сдвинуть с мертвой точки картину о маме. Дом и семья — вот это и занимает все мое время. И минуты свободной не бывает.

Планы на будущее. Я ни о будущем, ни о прошлом не думаю, я живу только настоящим, так легче.

— Собираетесь ли вы сниматься в кино?

— Нет.

— Даже если вам предложат в фильме о маме играть?

— Даже если предложат маму играть. Они мне предлагают другую роль в этой картине, я не хочу. Я хотела только маму играть или никого. Для картины лучше, чтобы Софи Лорен играла. Я буду продюсером, одним из них. Сниматься в кино я не хочу больше.

— Вопрос, который вы хотите задать самой себе? Есть такой вопрос?

— У меня есть вопрос, у меня нет ответа. Зачем я родилась, какой был смысл? Я так думаю, что каждый рожден с какой-то целью, что-то закончить в этой жизни. Я вот никак не могу понять, для чего я родилась и что я должна закончить в этой жизни, завершить???

— Узнают ли когда-нибудь историю Зои Федоровой в Советском Союзе?

— Какие-то люди знают, не думаю, что широкая публика. Будет ли когда-нибудь моя книга опубликована в Советском Союзе? Думаю, что нет.

Ноябрь, 1987.

Нью-Йорк — Коннектикут

ПРОШУ СЛОВА

НАСТАЛО ВРЕМЯ ДЛЯ КОРМЕЖКИ?

Александр ТЕРЕХОВ

Всякий раз, когда мне хочется тормознуть почтеннейшую публику на этом вопросе, я кажусь себе мракобесом и старым, поросшим мхом бревном. Как-то стыдно портить торжествующей публике радостные мгновения осенившей нас гласности и пьянящей открытости всех зон: от исправительно-трудовых до эрогенных. Я терпеливо выждал, пока публике, помимо слушать, опять захочется кушать, курить и стирать, а от всех устаревших пеньков останется мокрое место, которое соберут тряпкой, выкрутят и смоют в белоснежную, урчащую глотку прошлого.

И вот теперь я скажу. Извините, ежели чего-то не так.

Мне кажется, что наша гласность немного того...

Издали глянешь — все при нашей гласности есть: и голосище, и формы, и смелость в раздевании, зубки, да что зубки — клыки! А сядешь поближе... Что за черт?

Понюхаем одно из заветных блюд общества: субботнюю колонку «Хроника происшествий» в молодежной газете. Вообще-то сильна колонка!

«Покончил с собой средних лет мужчина. Избрал очень неожиданный способ — перерезал тщательно себе горло...»

«И теперь самое страшное. На улице наткнулись на сверток. Стали его разворачивать — и ужаснулись: голова женщины... Мертво глядели раскрытые глаза...»

В этой «Хронике» отстоялись в сливки ухватки вечерней нравственной проповеди, которую крутят по ленинградскому каналу в передаче «600 секунд» под названием «Криминальная хроника».

И чем же так увлечена самая читающая и одухотворенная нация в революционные дни, сметающие прах и тлен с духовных святынь и возносящие к небесам высокие хоругви правды неподкупной?

А публика жует себе вот это:

«Ночью в кабине самосвала изнасилована женщина. Где угодно...»

«Пожар. При тушении находят связанного, корчащегося в муках человека. Квартира обобрана. Вскоре он скончался... (Что творят...).»

«Знаете, писать об этом как-то не того... В общем, очень пожилая женщина, почти уже старуха, изнасилована юнцом... Пойди пойми нынешнюю молодежь...»

Ну как? Чистая правда! И непростые философские, наполненные состраданием и глубоким нравственным смыслом раздумья. Запашок, правда, уж больно тьфу! Ну да ладно, вернемся к любимым местам, насладимся игрой причудливого интеллекта:

«Снова жертва — иностранка... У нее похитили на огромную сумму ценности — на 300 тысяч рублей... Хоть бы патриотическую совесть поимели, негодники...»

«Избиение жертвы было буквально зверским. У женщины, кроме других побоев, сотрясение мозга. Ее пришлось даже госпитализировать. Зачем же так жестоко?»

Сделайте перерыв, подышите у окошка — ну как? Готовы? Вдохнем последнюю волну гласности, испускаемую «Хроникой происшествий»:

«В общем, папа нападает на собственную дочь! Снял у малютки трусы и...»

Стоп, стоп, куда же вы уходите, это бы раньше многоточием бы и кончилось, поглощайте дальше уж, нюхать, так до конца!

«Не удалось. Тогда он опять делает эту попытку (тут важное дополнение.— **А. Т.**), но теперь уже в задний проход... Ужас, ужас, ужас».

Остается, правда, сомнение, за кого больше переживает автор: за папу, у которого ничего не получается, или за ребенка, и автор мудро подмечает:

«С собственным ребенком, мучить его так...»

Сограждане, любители «Хроники происшествий», «Криминальной хроники», Московского телеканала, который с верностью пионера ковыляет по пути, проторенному предшественниками, вы тащите дрынки из плетня в защиту лакомых блюд, но чем можно оправдать это, вежливо говоря, скудоумие?

Во-первых, это бесполезно, это не утешает пострадавших и не помогает карающим. Во-вторых, это безнравственно — делать кормушку для обывателя из чужих бед и горя людского, перечисленного через запятую с глуповатым смешком. В-третьих, это бессмысленно — каждый день в каждом городе убивают, насилуют, грабят. И каждый день в этом же городе любят, празднуют, достигают, изобретают, радуются, работают. И очень трудно понять: почему главные ходы делаются черными фигурами?

В-четвертых, это несправедливо. Гласность в том, чтобы каждый мог узнать, что хотел, а не в том, что каждый должен знать то, что хочет знать чернь.

И последнее — это опасно.

Когда старый свет померк, а новый еще не взошел, из подполья выходит чернь, сумрак — это ее время, и она требует: дайте!

И наше убогое телевидение кормит чернь с руки перегноем вперемешку с песенками, бубнящими «Россия, Россия» на фоне разрушенных храмов, и наша культура задавлена рыгающими «пожеланиями черни», которые не светлее «пожеланий трудящихся», и у нас не осталось ни одной порядочной газеты, которая не подработала бы на панели статейками о «летающих блюдцах», «двигающихся шкафах» и астрологическими бреднями о конце света. И как часто на полях этого потока хочется начертать стонущее: все не так просто! Переход толпы в стадо происходит через единообразие пищи — не надо бы упрощать. Мы слишком бедны, чтобы позволить себе диктатуру черни.

Всякая революция — это изменение уровня, но ради Бога — не выравнивание его! Однажды мы уже бросили в грязь кружева и мрамор дворянских усадеб и приподняли деревню, вырвав корни ее из земли,— и лишили себя сразу и почвы, и воздуха.

Нельзя уступать черни, которая хочет лишь чего-то остренького, чтобы сердце замирало и мокла спина перед сном, нельзя с улыбочкой проскальзывать по трупам и вытаскивать на экраны откровенно больных людей. Боль должна остаться болью, ее острота никак не связана с количеством и регулярностью.

Рисунок Алексея МЕРИНОВА.

Со временем чернь получит свои газеты и журналы, телеканалы и комиксы, но это не значит, что народ лишится своего вечного нравственного долга — воспитывать, растить поднимать худших сынов своих, но пока от черни пора защищаться. Чернь презирает извилины — она любит краткие пути. Скинуть царя — зажить. Услать кулака — и зажить. Собрать толпу погуще, выбрать лоб покрепче — расколоть им Кремлевские ворота или вход на Лубянке, вытащить за волосья пару бояр — и опять зажить.

Уступая черни, мы гоним народ из страны, мы сокращаем время тех, кто пытается еще что-то сделать. Мы заставляем верить людей, что живем накануне чего-то страшного, ужасного, взрыва всего вокруг. А люди, которые привыкли к остреньким событиям каждый день, могут тосковать по событиям, выдумывать их. Черни всегда грезятся бунты и самозванцы.

Самое страшное, что у нас последнее время совсем не видно людей, которые бы сомневались или мучились раздумьями,— все про всех давно все знают, ежедневно. И торопятся узнать.

И меня пугает даже не эта волна, а отсутствие хоть малейшего противодействия. Я давно не мечтаю об отечественных аристократах и нежных принцессах на горошине и давно уже расстался с надеждой увидеть хоть одного государственного мужа, который не начал бы свой трудовой путь в тринадцать лет подпаском колхозного стада и не сохранил бы с тех незабываемых лет лексику и манеры.

Но где же просто воспитанные люди, которые бы просто выключили телевизор после вопроса ведущего «600 секунд» к насильнику, с чем легче расставалась женщина: с бутылкой, которая у нее была, или с честью? Неужели долгие очереди и засилье безграмотных дураков стерли в прах наши университетские образования, народные целомудренные традиции, родительские уроки и слова умных книг? Неужели мы перестали различать правду как крупицу золота, добытую кровью и потом для духовного возрождения и поиска трудного, мучительного пути, и правду, которую дурно пахнущим пойлом плеснет нам в миску хам с грязными ногтями?

Я не знаю, мне больно об этом думать.

Но я уверен в одном: долг пишущих и говорящих сегодня — социальная реабилитация людей, для которых рухнули прежние духовные основы. В наше трагическое время люди — как дети. Им надо говорить только правду, но их нельзя пугать. Если их напугать — им станет страшно. Им захочется обратно.

Деполитизация общества начинается с уничтожения информационного гнета, старающегося вколотить в каждую голову одно и то же: пусть хорошее, но одно и то же. В жизни человека главным должна стать его личная жизнь, а совсем не выборы, митинги, выберут ли генерала Калугина депутатом и как изнасиловали старуху в общественном туалете.

Это постыдно, когда люди при встрече говорят не о себе, а о газетной грязи.

Оставьте людям герань на окне, тихий вечер с семьей, огород, вечные книги, отдохновение от работы. Пусть они меньше ходят на выборы и собрания, пусть меньше смотрят, пусть больше живут.

Чтобы человеку хотелось скорее увидеть утро следующего дня, он должен знать, что в эпоху всеобщего крушения правда, честь, мужество, совесть, доброта, бескорыстие, любовь к Отечеству остаются незыблемыми. И останутся.

Жизнь должна быть радостью независимо от того, будет сегодня «Взгляд» или не будет. В конце концов никакое выступление Президента не дороже сырой осенней лавочки и скрипучего листопада.

Дайте человеку спокойно спать!

ИЗГОИ ИЛИ ВЕЧНЫЕ СТРАННИКИ?

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

Александр ФИТЦ
Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

В потоке тревожных сообщений из Закавказья, Средней Азии, других «болевых точек» межнациональных отношений как бы на третий план отодвинулся вопрос о восстановлении государственности советских немцев, который так эмоционально обсуждался еще на первом Съезде народных депутатов СССР.

Мне могут возразить: он решается. Медленно? Ну, а что у нас вообще делается быстро? Государственную комиссию в соответствии с постановлениями Верховного Совета и Совета Министров СССР образовали в январе нынешнего года. Вот она непосредственно и занимается решением вопросов, связанных с восстановлением прав советских немцев. Кстати, ее решения являются обязательными для союзных министерств, ведомств, Советов Министров союзных республик. Регулярно проводит конференции и прочие мероприятия Всесоюзное общество советских немцев «Возрождение». И ему никто в этом не препятствует. Так что дело делается.

Выслушав все это, мне бы успокоиться. Успокоиться и не торопить естественный ход событий, если б не митинги и демонстрации на бывшей территории АССР Немцев Поволжья. Тысячи людей оказались втянутыми в орбиту этого на первый взгляд несложного, но очень важного не только для советских немцев, а и для всей страны вопроса.

Ничуть не преувеличивая, скажу, что восстановление справедливости в отношении одного из народов, подвергнутого геноциду, стало экзаменом на честность и демократию не только для правительства, но и для всех нас. Этот экзамен, наверное, не главный, но без его успешной сдачи невозможно получить аттестат зрелости, даже при условии отличных оценок по другим предметам.

Газеты Саратовской и Волгоградской областей подробно информируют о митингах и шествиях противников восстановления немецкой автономии на Волге. Охотно, на видном месте, публикуются фотографии, на которых запечатлены решительные мужчины и обеспокоенные женщины. В руках чуть не у каждого второго плакаты: «Не бывать третьей Германии!», «Не вбивайте клин в сердце России!», «Неужели немецкие марки дороже жизни советских людей!», «Лучше будем на одной картошке жить, но немцев на Волгу не пустим!» А недавно появилось отпечатанное на хорошей бумаге тиражом 5 тысяч экземпляров Обращение, принятое на межобластной конференции представителей трудовых коллективов Саратовской и Волгоградской областей, адресованное в ЦК КПСС и Верховный Совет СССР. Как вы догадываетесь, речь в нем опять о будущем советских немцев и деятельности общества «Возрождение». Завершается этот документ следующими словами: «Участники конференции от имени большинства жителей районов предполагаемого восстановления республики немцев, в которых проведен поименный опрос, твердо говорят — НЕТ! — немецкой автономии в Поволжье, в России — вообще. Мы — за дружбу всех наций и народностей нашей многонациональной Родины, которая была и которую так активно пробуют разрушить экстремистские элементы.

Мы не хотим, чтобы спокойный до сегодняшнего дня регион Поволжья превратился в еще одну горячую точку, где могут рушиться человеческие жизни и пролиться кровь братских народов.

Заявляем правительству СССР, что, если не будет учтено мнение жителей наших областей в решении данного вопроса, мы вынуждены будем пойти на крайнюю меру — политическую забастовку».

«Бродят» по Саратовской области и другие листовки, отпечатанные в типографии, с грифом: «Прочти и передай товарищу». Их анонимные (?!) авторы стращают все той же «немецкой угрозой», призывая «не пущать инородцев на русскую землю».

А теперь приведу цитату из еще одного документа, из Обращения к населению, проживающему на территории бывшей АССР Немцев Поволжья, единогласно принятого членами общества «Возрождение» еще в марте 1989 года:

«Мы протягиваем руку искренней дружбы всем людям, проживающим сегодня на территории бывшей АССР НП. Мы заверяем их в том, что, как и двести лет назад, мы хотим жить с вами в мире, дружбе и согласии, мы хотим совместно с вами решать наши общие проблемы, хотим, чтобы представители всех национальностей имели все возможности для сохранения и развития своего родного языка и своей национальной культуры... Пусть наши дома, в которых родились мы и которые стали приютом для вас, будут для вас такими же родными, какими были для нас. Мы заявляем, что не претендуем на город Энгельс — бывшую столицу нашей республики.

Пусть он останется таким, как сложился,— современным русским городом... Мы полагаем, что наиболее приемлемым для всех будет создание для прибывающих советских немцев новых населенных пунктов...»

Но эти слова не были услышаны. А может быть, людям просто не позволили их услышать? Не знаю. А посему мне бы в очередной раз приступить к подробному пересказу свершенных и свершаемых русскими немцами подвигов и дел во славу и на благо своей Родины. Подкрепить его длинным перечнем имен просветителей, ученых, писателей, художников, военачальников, землепроходцев, мореплавателей, инженеров и изобретателей. Потом рассказать о зловещих сталинских указах, по которым практически все советские немцы без суда и следствия очутились за колючей проволокой трудармии. Рассказать, как совершенно бездоказательно на них всех навешали ярлыки «предателей» и «шпионов». Поведать, сколь трудно отмыться от этих голословных обвинений даже спустя пятьдесят лет, когда преданы гласности сталинские фальшивки. Но нужно ли это делать? Не будет ли это похоже на то, что я умоляю людей, настроившихся на погромы: не бейте нас, мы хорошие?

Нет, я этого делать не хочу. Не хочу и не буду по той простой причине, что вряд ли мое слово образумит и остановит их. Ведь не услышали же они вопроса академика Дмитрия Лихачева, обращенного в том числе и к ним со страниц «Недели» в конце прошлого года: «Почему, например, чрезвычайно трудолюбивые немцы Поволжья до сих пор живут в Казахстане? Ведь Поволжье стало их родным домом еще со времен Екатерины II. Это наши немцы, народность, между прочим, никогда России не изменявшая». Заботясь и опасаясь за будущее Поволжья, чьи земли изгажены и засолены горе-мелиораторами, не вняли они и словам великого сына русского народа Александра Солженицына, писавшего в «Архипелаге ГУЛАГ»: «Где на земле такая пустыня, которую немцы не могли бы превратить в цветущий край? Не зря говорили в прежней России: немец, что верба, куда ни ткни, тут и принялся. На шахтах ли, в МТС, в совхозах не могли начальники нахвалиться немцами — лучших работников у них не было».

Бесконечно задаваясь вопросом «почему?», я не в состоянии пока на него ответить. Никак не могу

разобраться в причинах ненависти, подталкивающей людей к бездне погромов и кровопролития. Может, причина в экономическом кризисе, сотрясающем страну, в нехватке элементарных товаров, бытовой и жилищной неустроенности? А может, малообразованность и малоинформированность большинства населения? Несомненно. И все же это, как мне кажется, только составные, но никак не движущие силы ненависти. Без организаторов, без «мозгового центра» здесь никак не обойтись. И всякие ссылки на «несознательных», на «деклассированные элементы», «рецидивистов» здесь неуместны.

Весной прошлого года я приехал в Фергану, когда там еще не развеялся дым пожарищ, когда истерзанные люди перед тем, как на военных и гражданских самолетах отправиться в неизвестность, бросив все, что по копеечке наживали, жались за узкими мальчишескими спинами солдат. Я видел беснующуюся толпу. А вот организаторы этого кошмара были в стороне. Они наблюдали и в случае надобности кое-что корректировали, не преступая, естественно, закона. И не пытайтесь, ради Бога, меня убедить, что скорбно сидящие на скамьях подсудимых, бритые наголо пацаны, которых показывали по Центральному телевидению, и есть движущая сила погромов.

Я разговаривал с армянскими и русскими беженцами, родившимися и жившими в Баку, с узбеками и киргизами, очутившимися в эпицентре ошской трагедии, с военными, выполняющими не свойственные нашей армии функции санитар-полицаев. Разговаривал год назад и совсем недавно. Я не собираюсь пересказывать ужасов погромов, о них кое-что писали, опуская и умалчивая многое, «чтобы не обозлять народ», скажу только, что мнение большинства переживших бакинское побоище и ошскую резню: все спланировано и организовано людьми из высших эшелонов власти.

И в Поволжье, конечно же, «застрельщиками» выступают власть имущие и к власти рвущиеся. Ведь сегодня, чтобы занять начальственное кресло, нужно хоть в чем-то себя проявить. А то ведь не выберут, или — того хуже — переизберут номенклатурного дядю, невзирая на его предпенсионный возраст.

Конечно, спектр для реализации недюжинных способностей «слуг народа» огромен — от детских колготок до прозаичной колбасы по два двадцать, за которой сегодня волжанам приходится ездить за тридевять земель. Но все это, как говорится, чревато... Это нечто конкретно-реальное. Это рано или поздно люди захотят хотя бы увидеть. Ну, а борьба с «иноземцами» — дело святое. Вон сколько лет прошло, а ведь чтит, помнит народ Минина и Пожарского. Даже памятник им в самый лютый разгар «строительства светлого завтра» в переплав не отправили. Конечно, памятник — это слишком, ну а место у райкомовского или обкомовского распределителя отстоять можно. И дачку сохранить, и чад своих от армии, где стреляют, уберечь. И забили в Поволжье в набат, и стали поднимать народ на бой с «нечистой силой».

Разговариваю я об этом с нашими российскими немцами, большинство которых по-немецки, кроме «здрасьте, пожалуйста», и сказать уже ничего не могут — до того ассимилировались, и становится мне тоскливо и больно. Ведь и там, в ФРГ, они тоже по большому счету сегодня никому не нужны. Сужу об этом, опираясь исключительно на факты.

На недавней конференции Евангелической церкви Германии и Мирового союза лютеранских церквей в Штутгарте, о которой 19 июля сего года сообщила радиостанция «Немецкая волна», было сказано, что «необходимо принять меры для остановки переселения в ФРГ советских немцев». Тогда же «Волна» привела следующие данные: за первую половину 1990 года в ФРГ из СССР выехало 66 тысяч немцев, и, по оценкам лютеранских специалистов, одна треть немцев, живущих ныне в Казахстане и Сибири, также хочет переехать в Германию.

В далеких Бонне и Берлине напуганы этой лавиной. Наши «кровные братья», долгие десятилетия зовущие нас на «историческую родину», вдруг поняли, что «погорячились».

В течение месяца, что провел в ФРГ в прошлом году, я встречался с руководителями Землячества российских немцев, социологами, политиками, простыми людьми. Да, несомненно, жизненный уровень там неизмеримо выше, чем у нас. И в материальном отношении переселившимся туда из Союза немцам будет значительно лучше. Но никогда, я подчеркиваю, никогда они не станут там равными среди равных. Тем более сейчас, когда ФРГ буквально наводнена переселенцами из Восточной Европы, когда в нее по традиции продолжают прибывать турки, граждане некоторых африканских стран, вьетнамцы, куда двинулись советские евреи, а власти Восточной Германии, как 10 июля сообщило радио «Свобода», «заявили, что готовы принять на своей территории евреев, выезжающих из СССР из-за вспышки антисемитизма, и автоматически предоставить им гражданство в знак признания доли своей вины в истреблении евреев в годы второй мировой войны», отношение к российским немцам изменилось не в лучшую сторону. Что же делать в ситуации, когда здесь не мил и там не очень желанен?

Недавно ко мне в Москву приехало несколько немцев, живущих в Средней Азии. Разговор, естественно, зашел о нашем будущем и будущем наших детей. И вот что я услышал: «Восстановление республики в Поволжье сегодня уже нереально. Упущено время. Что же касается идеи создания автономии на территории Калининградской области, то это тоже маловероятно. У этого варианта много противников не только в стране, но и за рубежом. Боятся, что за ним последует перекройка карты Европы. А не поступить ли нам, как российские немцы перед первой мировой войной, которые, не желая мириться с несправедливостью и не желая убивать или быть убитыми, уехали в Южную Америку, Канаду и США чуть не целыми районами? А теперь живут там свободно и в достатке и не помышляют о возвращении на свою «историческую родину». Дело за малым: какая страна решится принять несколько десятков, а может, сотен тысяч трудолюбивых людей, которые всего-то и хотят — иметь право жить по своим традициям, не навязывая их, естественно, другим?»

Вот о чем уже размышляют советские немцы, пока всевозможные комиссии взвешивают все «за» и «против» восстановления исторической справедливости в отношении к ним. Пока в недрах аппарата родилась поистине сногсшибательная идея провести в 1990 году «съезд советских немцев для образования Всесоюзной ассоциации советских немцев и формирования ее руководящих органов».

Итак, вместо преступно отобранной республики нам предложили «ассоциацию». И даже определили, что так именно и будет, ибо в тассовском сообщении прямо сказано: «для образования...» Так зачем тогда съезд проводить, деньги тратить, людей с мест срывать, коли уже все решили? Проще и честнее, наверное, было бы через тот же ТАСС объявить: «Восстановить немреспублику считаем нецелесообразным. С приветом, партия и правительство».

А как вы думаете, уважаемые читатели, что бы произошло, появись в газетах сообщения со словами: «провести съезд советских русских» или «съезд советских евреев»? Кто-то бы, наверное, улыбнулся, а многие без обиняков заявили, что в первом случае это не что иное, как «шабаш «Памяти», а во втором — «легальное сборище масонов». Так зачем же нас, немцев, ставят в такое, мягко говоря, неловкое положение? И кто конкретно решил, что мы, немцы, хотим проводить этот съезд, пропуском на который будет запись в пятой графе паспорта? Кто его будет финансировать, как будет осуществляться выдвижение делегатов и какой принцип при этом будет главенствовать?

Живя в многонациональном государстве, я, например, не хочу и не буду решать свою судьбу и судьбу своих близких келейно и обособленно. И еще я не верю, что самая распрекрасная ассоциация в состоянии заменить Родину, пусть и малую.

В заголовок этой статьи вынесен вопрос. И завершу ее тоже вопросом, ибо до сих пор не уяснил, кто же мы такие: изгои или вечные странники? По кра́йней мере семью советских немцев, где отец и сын родились в одном и том же городе или поселке, я не знаю. Сужу и по себе: мой прадед родился в Восточной Пруссии, дед — в окрестностях Варшавы, отец в Житомире, я — в Актюбинской области Казахстана, мои дети — в Узбекистане, теперь живем в Москве. Так где же родятся мои внуки? И где та точка на Земле, где прервется бесконечное путешествие или гонение российских немцев? Когда не на словах, а на деле с нас снимут обвинения, изобретенные той самой тоталитарной системой, которую сегодня так модно ругать?

Конечно, и в этом я не сомневаюсь, можно выгнать или снова загнать за «колючку» целый народ, и не один. Но куда выгонишь свою совесть? Да и сам исход немцев из страны, людей работящих и честных, не в интересах прежде всего России. Именно российские немцы могут и должны стать важным фактором сближения двух великих государств — России и Германии. Это они, как считает ряд ведущих экономистов, политиков новой формации, писателей, членов русскоязычной саратовской областной ассоциации «Справедливость», в состоянии приблизить, а не отдалить нашу страну от общеевропейского дома.

Что же касается выгод и потерь в людских ресурсах и валюте, то, по мнению журнала «Шпигель» (№ 38, 1989 г.), количество потенциальных переселенцев из СССР оценивается в 1,9 миллиона человек, то есть практически все советские немцы. Благодаря этому притоку умов и рабочей силы валовой национальный продукт ФРГ, по данным Института немецкой экономики во Франкфурте-на-Майне, к рубежу веков увеличится на 84 миллиарда марок. По оценке нашего Госплана, потери СССР при отъезде немцев достигнут 80 миллиардов рублей. Вот какая получается арифметика.

ДЯДЯ

Эдуард УСПЕНСКИЙ

Однажды Шарик прибежал домой и к дяде Федору:

— Дядя Федор, вот ты скажи, возможен у нас на селе военный переворот?

— А почему ты меня об этом спрашиваешь?

— Потому, что все об этом говорят. Что это такое «военный переворот»?

— Это такая ситуация,— говорит дядя Федор,— когда всю власть берут военные.

— А как?

— Очень просто. Везде вводятся военные посты. На заводе, в министерстве, на телевидении, в газетах. Везде, везде.

— И у нас в деревне?

— И у нас в деревне.

— А как? — спрашивает Шарик.

— А так. К примеру, в сельсовете у нас будет сидеть генерал, на почте будет сидеть генерал, магазином будет командовать полковник.

— А польза какая-нибудь от этого будет?

— Никакой. Ну, ты сам посуди: разве от этого продукты прибавятся, станет ли больше телевизоров в магазине?

— Зато дисциплина улучшится,— говорит почтальон Печкин.— Все на работу будут строем ходить и вовремя. И полковник в магазине не станет магазин на три часа раньше закрывать.

— Но ведь от этого товаров больше не станет,— спорит дядя Федор.— Вот ты, Матроскин, корову пасешь один, а если рядом будет полковник стоять, молока больше появится?

— Ни в коем случае. Меньше станет, надо еще полковника поить.

— Правильно,— говорит дядя Федор.— А вот вы, товарищ Печкин, вы что, больше газет разнесете, если у вас на почте генерал сидеть будет?

— Я думаю — меньше, раза в два.

— А почему? — спрашивает Шарик.

— А потому, что они половину газет закроют,— говорит почтальон Печкин.

— А что, может быть, больше костюмов шить начнут на фабриках, когда военные придут?

— Да ничего подобного,— говорит кот Матроскин.— Еще меньше начнут шить.

— Это почему еще? — спрашивает почтальон Печкин.

— Да потому, что по стойке «смирно» шить придется.

— А кто у нас военными переворотами командует? — спрашивает Шарик.

— Военный маршал Вязов,— отвечает почтальон Печкин.— Мы с ним вместе служили.

— Я его знаю! — кричит Шарик.— Я его портрет в газете видел. У него еще медалей на груди семь рядов на восемь — пятьдесят шесть. И это еще не все.

— Почему не все? — спрашивает дядя Федор.

— На спине еще столько же. Вот, может, ему и написать, чтобы он военный переворот отменил.

— Не надо писать,— говорит дядя Федор,— переворота и так не будет.

— Почему? — спрашивает Шарик.— У нас что, генералов не хватит?

— Генералов у нас хватит, генералов у нас завались,— отвечает кот Матроскин.— Солдат уговорить надо. Для переворота еще солдаты нужны.

ФЕДОР, ПЕС И КОТ

* * *

Однажды кот Матроскин спросил дядю Федора:

— Дядя Федор, вот если бы тебя в правительство ввели, каким бы ты министром стал?

— Я бы стал министром образования,— ответил дядя Федор.— Я бы сделал все учебники веселыми, в школах бы учебное кино показывал. В каждой школе бы построил бассейн. Я бы все школы компьютерами завалил.

— А я бы стал двумя министрами сразу,— сказал Шарик.— Полдня министром рыбного хозяйства, полдня министром охотничьего. Я бы всю страну продуктами завалил.

— А я бы,— сказал кот Матроскин,— я бы Выжковым стал.

— Да ты что, сдурел? — спрашивает Шарик.— Смотри, до чего он страну довел. Мяса нет, молока нет, яйцо на рынке рубль стоит. Обоев в магазине и то нет.

— Эх, Шарик, темнота ты деревенская,— отвечает кот.— Да он все делает, чтобы я разбогател. Раньше молоко было дешевле бензина. А сейчас я за один килограмм сметаны могу два килограмма денег взять. Так что спасибо ему, Николаю Ивановичу.

— Ну и что ты со своими деньгами делать будешь? Ведь в магазинах-то пусто.

— А я, может, ими свою печку оклею. Ты же сам говорил, что обоев в магазине нет. Цены такой печке не будет.

— А я бы Вьючковым стал,— говорит почтальон Печкин.

— Кем? Кем?

— Министром КГБ. Я бы всю страну этими самыми завалил, шпионами. Понимаешь, дядя Федор, вот ты хочешь учебники веселые сделать, а тебе говорят: бумаги нет. У тебя ничего и не вышло. Или вот Шарик — балбес, хочет страну продуктами засыпать. А ему говорят: вагоны кончились, вот и все, никаких тебе продуктов. А у меня в моем министерстве тихо и спокойно. Кто идет с фотоаппаратом, тот и шпион. Кто с лозунгом — лазутчик. Арестовывай всех подряд — и ты молодец.

— А если ты неправильно арестовал? — спрашивает пес Шарик.— Вон у дяди Федора тоже аппарат есть, и у меня фоторужье имеется. Значит, нас арестовывать теперь?

— А неправильно арестовал, выпускай всех. И ты опять же молодец. Да ты сам подумай,— сказал Печкин,— кто у нас всех арестовывал? КГБ. А кто реабилитацию проводит? Опять же КГБ! И за то, и за это награды так и сыплются.

И сам же себя по голове постучал. Галчонок Хватайка спрашивает:

— Кто там?

Печкин отвечает:

— Это я — министр Вьючков пришел всех вас арестовывать.

Шарик аж за ружье схватился:

— А ну руки вверх!

Печкин отвечает:

— Нашел, чем министра КГБ пугать, фоторужьем каким-то! Мы и не такое у себя на Лубянке видели.

Тогда кот Матроскин говорит:

— А вы, товарищ министр, внимательный человек?

— Конечно,— отвечает Печкин,— в КГБ только очень внимательные люди работают. Там даже когда в стукачи берут и то всех на внимательность исследуют в специальной поликлинике.

— Тогда посмотрите, кого сейчас по телевизору передают — самого депутата Собчака. Вот сейчас Шарик сделает фотомонтаж: будущий министр КГБ — почтальон Печкин целуется с Собчаком.

— Да чего там с Собчаком, я ему поцелуй с Бушем устрою на фотографии! — кричит Шарик.— А то и с самой Тэтчер на фоне поленницы!

Печкин даже на колени встал:

— Не губите, товарищи подозреваемые, это я так, пошутил насчет КГБ. Лучше я министром связи сделаюсь. Тогда у нас все газеты вовремя доставляться будут, особенно в сельской местности.

И все решили, что это, наверное, лучше.

* * *

Однажды пес Шарик забежал в дом и говорит:

— Дядя Федор, объясни мне, пожалуйста, что такое рыночные отношения?

— Я тебе объясню,— сказал кот Матроскин.— Слушай. Вот мы с моей Муркой произвели сто литров молока. Мы садимся на тр-тр Митю и везем молоко на рынок. Там молоко продаем и покупаем тебе в магазине мотоцикл с коляской. Вот и все.

— А что такое регулируемые рыночные отношения?

— А это совсем другое. Слушай. Вот мы с Муркой произвели сто литров молока. Нам говорят: «Отвезите молоко на молочный завод».

— Кто говорит? — спрашивает Шарик.

— Товарищ Выжков говорит. Есть у нас такой самый главный министр. И мы везем молоко на завод.

— И там на заводе тебе дают деньги?

— Кто дает?

— Товарищ Выжков. Самый главный министр.

— Ничего он не дает.

— А как же мотоцикл покупать?

— А так. Ты слушай. Завод делает из молока молочный порошок. И везет его в центр в Москву.

— И там тебе дают деньги на мой мотоцикл с коляской?

— Кто дает?

— Товарищ Выжков. Самый главный министр.

— Да нет. Ничего он не дает. Там из порошка делают молоко. И везут его в магазин.

— И там дают деньги на мой мотоцикл?

— Ничего подобного,— объясняет Матроскин.— Из магазина деньги уходят в государственный банк.

— А оттуда идут к тебе на мотоцикл?

— Да нет, Шарик, ты, право, как дурачок. Ты все хочешь упростить. Оттуда они идут в Министерство сельского хозяйства.

— А оттуда ко мне мотоцикл?

— Оттуда их перечисляют в наш совхоз, директору.

— А он уже отдает мне, и я иду покупать...

— Ошейник.

— Почему ошейник?

— Потому что на мотоцикл уже не останется.

— А кто же все деньги забрал?

— Как кто? Товарищ Выжков. Наш самый главный министр. Который рыночные отношения регулирует.

— А зачем?

— Как зачем — чтобы купить себе мотоцикл с коляской.

И дядя Федор с ним согласился.

Рисунок Алексея МЕРИНОВА.

Полностью диалоги будут напечатаны в журнале «Братья меньшие».

Эдуард МЕДВЕДКИН (Алма-Ата)

ДОЛГИЕ ПРОВОДЫ

Баков прибыл в аэропорт за пять часов до отлета. Улетал навсегда. Мать, жена, сын, собачка, вещи — голова шла кругом. Грузчиков не нашел. Сам снял багаж с машины и потихоньку, с помощью жены и сына, перетащил чемоданы, сумки, узлы поближе к таможенникам. За многие месяцы мытарств по поводу отъезда в Сингапур по вызову невесты сына семья извелась: жена превратилась в ходячий скелет, жених посерел, мать Бакова занемогла — не слезала с коляски, а сам он спал с лица: только уши торчали по бокам и нос спереди.

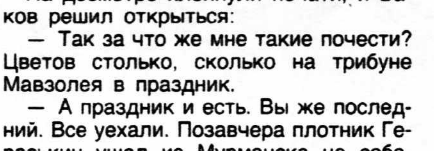
На его удивление в аэропорту было просторно. В основном туристы и какие-то служивые-командированные. Объявили регистрацию рейса через Дели, Сингапур на Куала-Лумпур, и он пристроился в очередь за индийской семьей, перепуганной советским сервисом. Впервые за последнее время он просто стоял и ждал. Не суетился, не бегал, не горячился и не дергался, никому не совал денег... Здесь, чтоб родиться, надо дать «на лапу». И похоронить без этого никто не соглашался. Да и остальное — ордена, лауреатства, национальность (чтоб сделать жену Прасковью китаянкой, с него взяли восемь червонцев), ученые, партийные степени, ремонт, дефицит, сама возможность существовать — все имело цену.

— Товарищ Баков? — прервал его мысли представительный мужчина.

— Да, я,— испуганно ответил Гаврила Петрович, ощущая ушедший было холодок опасности.— У нас документы в порядке. И собачку разрешили. Вот паспорт, справки. А нет — так я ее сдам. Мы ведь понимаем: то, что нужно стране — вывозить нельзя. Жена китаянка. Хочет ближе к родным...— Он привычно полез в карман, высчитывая,— а этому сколько отслюнить? — Семейные обстоятельства. Сын, невеста в Сингапуре. А наша страна — лучше всех! Родина великих идей...— бормотал он, показывая уголок сотни. Мужчина сделал знак, и к Бакову приблизились три пионера в красных галстуках. Средний держал над головой блестящий горн. Горн задудел, пионеры отсалютовали и в два голоса отчеканили:

«До свиданья, до свиданья, дорогой наш эмигрант!
Тебе дарим на прощанье красный флаг и мармелад!»

Какие-то люди окружили семью Бакова и стали совать им цветы, флажки с серпом и молотом, матрешки, коробки с мармеладом и большие «почетные грамоты». На одной он прочел: «От Политбюро», на другой — «Совет Министров». Были от ВЛКСМ, ВЦСПС, ЦК Узбекистана, УССР, от Ямало-Ненецкого округа, от других республик, краев, областей. Ошарашенный Баков пожимал руки и невпопад, в поиске ответов на такую честь бормотал благодарности. Не очень-то обласканный вниманием, сейчас он хотел сказать что-то приятное, выразить какую-то готовность: «...я, как инженер, мог бы...» «Да не нужны нам инженеры!» — отмахивались провожающие. «Я мог бы быть крестьянством...» «А ну их с вечным «сеять — не сеять»... «И я, как русский, горжусь...» «Русский — это хорошо. Русские, вон, в Амазонку перебрались — неплохо там.— Человек поднял палец.— Во живут!» «Русские им не нужны,— судорожно соображал Баков.— Может, тут, незаметно победили... как их ... в газете писали... жидомасоны?» «А я по отцу русский, а бабушка по матери,— он снизил голос,— наполовину еврейка».— «А что же вы сидели? — удивился мужчина.— Эти первые собрались. Остались два или три — на скрипке играть. Привычка у них такая: быть первыми...» «Вот-вот,— закипятился Баков.— Бежали,— старался он замазать промах.— А я всегда, всем сердцем, сочувствовал нашей «Памяти», защитнице расы, чистоты, льняных кудрей...» «Так надо было и ехать! Они сразу же за ними махнули вдогонку. Бороться... Мы помогли... Они нам тоже не нужны...» «Может, я как писатель? Я книгу написал...» «Да не нужны нам эти...— Мужчина снисходительно похлопал его по плечу.— Точно не нужны». «А как сантехник я...» «И это не нужно...» «А у отца родственники вроде узбеки...» «Узбеки, казахи и прочие — тоже не нужны. Да они к тому же либо уехали, либо отделились. Нам никто не нужен...»

На досмотре хлопнули печати, и Баков решил открыться:

— Так за что же мне такие почести? Цветов столько, сколько на трибуне Мавзолея в праздник.

— А праздник и есть. Вы же последний. Все уехали. Позавчера плотник Гераськин ушел из Мурманска на собачьей упряжке льдами. А вчера из Находки три эскимоса на плоту отплыли. И вот вы. Последний. Мы только остались. Аппарат. Ну, наши родственники, обслуга... Миллионов двадцать — сорок. Проблем нет. Был только прорыв с машинистками — печатать наши постановления, решения, указы. Но выход нашли.

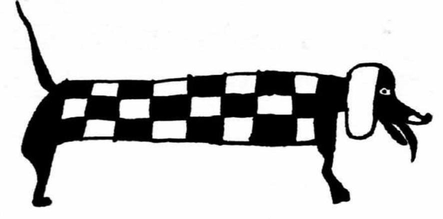
— А кто работать будет? Решения выполнять?

— А кто когда выполнял? Одни хлопоты. На хлеб с маслом нам хватит. Здесь,— он ткнул пальцем вниз,— добра на тысячу лет. И все в валюте. Добывают они сами. Мы только импорт получаем. Масло бельгийское, куры французские. Все, прощайте, будем к вам ездить...

Пустой самолет с семьей Бакова мягко взлетел над страной. Ярко горели рубиновые звезды Кремля, сияли витражи особняков и закрытых саун, мерцали окна бесчисленных первичек, райкомов, обкомов, горкомов, исполкомов, совминов. Светились кабинеты, главки, тресты, министерства, общества добровольных пожарных, здания профсоюзных, комсомольских, торговых организаций, горел свет и в залах заседаний депутатов Верховных и Президентских советов. Сумерки переходили в ночь.

Яков КОЗЛОВСКИЙ

Когда-то я написал такое четверостишие для детей:

Сев в такси, спросила такса:
«За проезд какая такса?»
А водитель:
«Денег с такс
Не берем совсем. Вот так-с!»

Эти строки понравились С. Я. Маршаку, и он мне сказал: «Вот было бы здорово написать книжку для детей с использованием точных омонимических рифм». Я такую книжку за несколько лет написал. Она называлась «О словах разнообразных, одинаковых и разных».

Потом наряду с «нормальными» стихами я изредка писал такие стихи — теперь уже для взрослых. Из этих стихов сложилась книжка «Созвездие близнецов», которая вышла в 1974 году. Об этих моих книжках много написано статей с примерами в научных и литературоведческих изданиях. Стихи из обеих книг породили большое число пародий и подражаний. Друзья присылали строки и целые стихи с напоминанием о моих «близнецах». Арсений Тарковский, например, прислал такие строки:

Как-то люди пери били,
Пери ноги перебили...
А на воздухе
И навоз — духи.

А Николай Глазков прислал такое стихотворение:

ФОРТОЧКА
(Подражание Я. Козловскому)

Всю ночь она была открыта.
Дул легкий ветерок от Крита.
Покачивался светофор. Точка.
Всю ночь была раскрыта форточка.
Бежал за лес. Высокопарен,
Потом залез в осоку парень.
В болоте исполнял вальс
Пахмутовой,
А форточка была распахнутой!

Уже несколько лет я пишу новую книжку «близнецов». Вот стихи из нее.

КРЕПОСТНЫЕ АКТЕРЫ

Актерам выдали по роли
В кремлевских стенах крепостных,
Потом в газетах их пороли,
Как на конюшне крепостных.

КАСПИЙ

Волны Каспия баб тискали,
Не сходила страсть на нет.
Мусульманка ли, баптистка ли,
Для него различья нет.

В ТРАКТИРЕ

Признался завсегдатаю
В трактире половой:
«Я тайны завсегда таю
О жизни половой».

ОБЪЯВЛЕНИЕ В ОТДЕЛЕ ОБМЕНА КНИЖНОГО МАГАЗИНА

Буду рад Набокова
Обменять на Бокова!

Ведет рубрику
Игорь ДВИНСКИЙ,
рисовал
Виктор КОВАЛЬ.

Лион ИЗМАЙЛОВ
Валерий ЧУДОДЕЕВ

СВОЙ ПУТЬ

Что это мы все на заграницу оглядываемся? У нас же свой путь к светлому будущему всего человечества.

Ильич так и сказал (я имею в виду, Ильич первый, а не последний): мы пойдем другим путем. И мы 73 года шли этим другим по бурелому и бездорожью, а теперь хотим на их путь встать.

Так это же надо сначала назад в семнадцатый год возвращаться, где наши пути разошлись. Так что на них нечего смотреть. У нас по-ихнему жить не получится.

Вот, к примеру, все кричат: «Давай профессиональную армию! Как в Америке!»

Давай! Ну сделали такую армию. Значит, все они профессионалы. Это значит, всем солдатам надо в 40 раз больше платить. И вы представляете, во сколько тогда нашей стране обойдется рытье канав? А если они все профессионалы, допустим, в артиллерии, в математике, в электронике? Ну разве смогут они тогда построить приличный туалет на генеральской даче?

Или вот конверсию решили осуществить. То есть вся военная промышленность переходит на мирную продукцию. Это значит, что они тут же выпустят босоножки кирзовые с голенищами до колен и химсредство от тараканов с радиусом поражения противника до 600 метров.

Теперь на всех углах «революционеры» кричат о свободном въезде и выезде из страны. Бред какой-то. Разреши сейчас свободный выезд — и никакого въезда уже разрешать не придется.

Да мы сначала вообще определить должны, чего мы построить хотим. Социализм с человеческим лицом? Ну построим мы его. И тут же нам общество «Память» начнет кричать, что у этого лица не тот профиль и что это лицо не коренной национальности. И тут же попытается набить этому лицу морду.

А свободный рынок? Это в наших-то условиях да при наших-то привычках? Ну хорошо, введем мы свободный рынок. То есть продавай чего хочешь, по какой хочешь цене, лишь бы спрос был. И тут же на этот рынок работяги свою заводскую трубу приволокут, нефтяники нефтяную вышку с куском нефтепровода Уренгой — Париж, и весь рынок заполонят полковники, и у каждого из-под полы шинели будет торчать ядерная боеголовка.

Или вот мы надеемся на аренду, семейный подряд, фермерское хозяйство. Чушь это все. Да мы так всю страну загубим. Потому что одна половина крестьян возьмет землю в аренду и за год даст столько, что можно будет прокормить всю страну, а вторая половина этого зрелища не выдержит и подожжет всю страну с четырех сторон.

Но самое главное, что многие требуют многопартийную систему. Ну, введем мы этот западный бред — это значит, опять у нас меньшевики, эсеры, анархисты, социал-демократы. И откуда же мы будем знать, народ и какая партия едины?

Это же значит, на каждом заводе будет по 10 секретарей парткомов? И кому же тогда из них первому без очереди квартиру давать?

Мы же привыкли, что партия — наш рулевой. Что же теперь, пятеро рулевых на один руль? И вообще, как тогда разобрать, какая партия и Ленин — близнецы-братья?

Нет, граждане, у нас все должно быть едино: одна партия, одна идеология, одна цель и один путь. Вот тогда мы и построим не какой-то там ихний западный социализм с нахальным человеческим лицом, а наш привычный советский коммунизм с голым...

«МЫ ГОВОРИМ»

● В КПСС произошел раскол: по одну сторону оказалась партия, по другую — ум, честь и совесть нашей эпохи.

● Добро должно быть с кулаками... в крайнем случае с середняками!

● И в уголовном кодексе есть статьи расхода.

● Заключение патологоанатома: кадры решили всё!

● Метаморфоза: указательный палец превращается в безымянный.

● Самая азартная из военных игр — игра в демократию.

● В перестройке главное не победа, а участие...

Александр БОТВИННИКОВ

* * *

В школе учитель спрашивает ученика:

— Когда умер Александр Македонский?

— Умер? Я даже не знаю, что он болел.

* * *

Мальчик опоздал из школы. Отец спрашивает, почему. Сын сказал, что помогал старушке переходить улицу. Отец его похвалил и дал конфету. На другой день сын пришел с приятелем.

— Папа, мы переводили старушку. Отец дал им по конфете.

На третий день пришел сын и привел с собой полкласса.

— Папа, мы переводили через улицу старушку.

— А почему же вас было так много?

— А она сопротивлялась.

* * *

Умер старый учитель и попал на тот свет. Его определили в ад. Через неделю приходят к нему и говорят:

— Извините, тут ошибка вышла. Вам положено быть в раю.

А он отвечает:

— Да нет, мне здесь хорошо. После школы мне ад раем кажется.

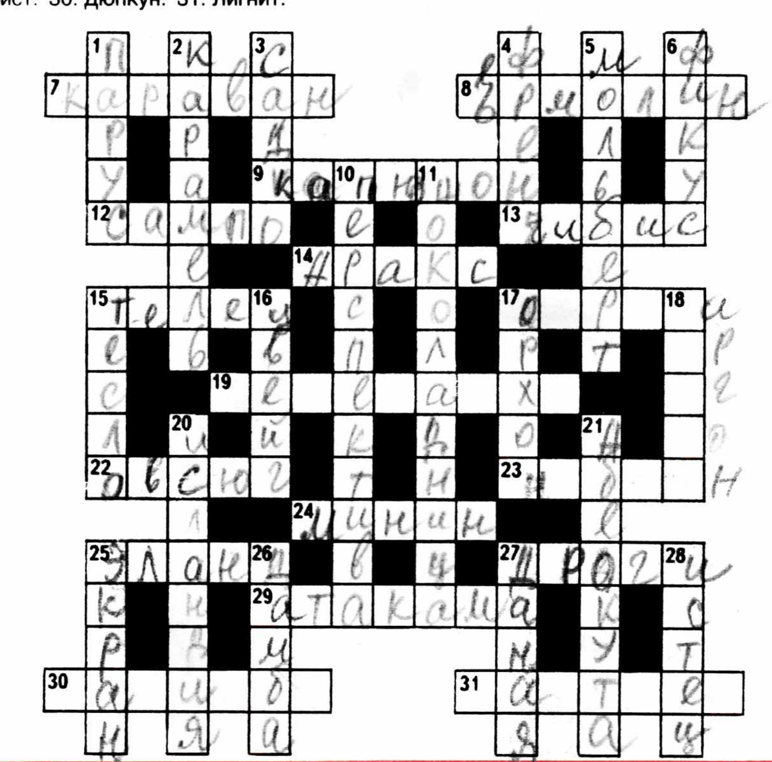
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Суда, идущие друг за другом. 8. Русский архитектор и скульптор XV века. 9. Откидной головной убор. 12. Балет Г. Н. Синисало. 13. Птица семейства ржанковых, обитающая на болотах и полях. 14. Приток Куры. 15. Зодиакальное созвездие. 17. Немецкий живописец и график XV—XVI веков. 19. Физик, академик, Герой Социалистического Труда. 22. Сорное растение семейства злаков. 23. Город в Чечено-Ингушской АССР. 24. Один из организаторов и руководителей русского народного ополчения в XVII веке. 25. Остров в Балтийском море, принадлежащий Швеции. 27. Длинная телега без кузова. 29. Пустыня в Чили. 30. Африканский ударный самозвучащий музыкальный инструмент. 31. Небольшая болотная птица.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 2. Конфеты, приготовленные из сахара и патоки. 3. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 4. Куртка военного образца. 5. Станок для укрепления холста, картона. 6. Декоративное комнатное растение с широкими листьями. 10. Видимое глазом пространство. 11. Картина Ж. Э. Лиотара. 15. Плотничий инструмент. 16. Австрийский писатель, мастер новелл. 17. Приток Селенги. 18. Химический элемент, инертный газ. 20. Европейское государство в Атлантическом океане. 21. Город в Нигерии. 25. Поверхность для показа фильмов. 26. Гидротехническое сооружение. 27. Картина Рембрандта. 28. Гражданин или организация, обладающая правами юридического лица в суде.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Равноправие. 8. Коркино. 9. Явление. 13. Анабас. 14. Ероол. 15. Акимов. 18. Контейнер. 19. Орган. 20. Пиния. 21. Предприятие. 24. Штора. 25. Колос. 26. Дистанция. 27. «Листок». 29. Триод. 31. Линька. 32. Фактура. 33. Эпиграф. 34. Конституция.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Баркас. 2. Мнение. 3. Нарвал. 4. Ривера. 6. Комбинат. 7. Вивианит. 10. Интерпретация. 11. Моделирование. 12. Комбинаторика. 16. Конвенция. 17. Репутация. 22. Арбитраж. 23. Солончак. 28. Коттон. 29. Турист. 30. Дюпкун. 31. Лигнит.

40 коп. Индекс 70663